

Материалы секции
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

12-23 апреля 2021
НОВОСИБИРСК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МНСК-2021

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Материалы
59-й Международной научной студенческой конференции

12–23 апреля 2021 г.

Новосибирск
2021

УДК 320
ББК 80я431
В 78

Научный руководитель секции — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Председатель секции — д-р ист. наук, проф.,
зав. каф. востоковедения ГИ НГУ Е. Э. Войтишек

Ответственный секретарь секции — А. С. Шамрин

Экспертный совет секции
канд. ист. наук, доц. А. В. Варенов
канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева
канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова
канд. ист. наук, доц. А. В. Запорожченко
канд. ист. наук А. С. Шмакова
канд. ист. наук М. А. Кудинова
канд. ист. наук Е. А. Гирченко

В 78 Востоковедение : Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. 12–23 апреля 2021 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. — 228 с.

ISBN 978-5-4437-1168-3

В настоящем сборнике представлены научно-исследовательские работы студентов российских университетов Сибири и Дальнего Востока, обучающихся по специальностям «Востоковедение и африканистика», «Зарубежное регионоведение». Тематика работ охватывает такие направления, как история, геополитика, филология, культура и искусство стран Восточной Азии. Работы написаны под руководством авторитетных специалистов, занимающихся исследованием актуальных проблем современного востоковедения.

УДК 320
ББК 80я431

ISBN 978-5-4437-1168-3

© СО РАН, 2021
© Новосибирский государственный
университет, 2021

SIBIRIAN BRANCH OF RAS
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

ISSC-2021

ORIENTAL STUDIES

Proceedings
of the 59th International Students Scientific Conference

April 12–23, 2021

Novosibirsk

2021

УДК 320
ББК 80я431
В 78

Section scientific supervisor — Dr. Hist., Prof. V. N. Plastun

Section head — Dr. Hist., Prof. E. E. Voytishek

Responsible secretary — A. S. Shamrin

Section scientific committee

Cand. Hist., Assoc. Prof. A. V. Varenov

Cand. Philol., Assoc. Prof. N. V. Kutafyeva

Cand. Hist., Assoc. Prof. E. L. Frolova

Cand. Hist., Assoc. Prof. A. V. Zaporozhchenko

Cand. Hist. A. S. Shmakova

Cand. Hist. M. A. Kudinova

Cand. Hist. E. A. Girchenko

В 78 Oriental Studies : Proceedings of the 59th International Students Scientific Conference. April 12–23, 2021 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2021. — 228 p.

ISBN 978-5-4437-1168-3

This compilation contains research work of Russian University students of Siberia and the Far East, specializing in Oriental and African Studies and Foreign Regional Studies. The topics include study areas such as history, geopolitics, philology, and culture and arts of East Asian countries. The works were completed under the guidance of expert specialists, engaged in research about current issues of modern-day Oriental Studies.

УДК 320
ББК 80я431

ISBN 978-5-4437-1168-3

© SB RAS, 2021

© Novosibirsk State University, 2021

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 397

Военная культура древних скифов

А. А. Акаев

Новосибирский военный институт

им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ

Скифы — народ, обитавший в I тыс. до н. э. в степях Северного Причерноморья. Основным их занятием было скотоводство. Скифы кочевали в поисках плодородных пастбищ для скота, останавливаясь ненадолго, поэтому постоянных поселений у них было мало. Смелые и вольнолюбивые, они больше всего дорожили своей свободой и независимостью. Смерть или кровавая расправа ожидала тех, кто отважился напасть на их владения.

Каждый скиф был воином. Скифское войско насчитывало более 60 000 воинов, возглавлял его верховный вожьд племени. Обычно при построении войска в центр боевого порядка вставал царь, его окружали вооруженные отборные конные воины. За ними располагались легковооруженные всадники. Пехота размещалась на флангах. Конница с царем начинала битву, и от ее успеха в большой мере зависел исход сражения.

Тяжелую конницу, действующую в сомкнутом строю, скифы применяли для ведения ближнего боя, а для дальнего боя использовали деревянные луки со стрелами с бронзовыми наконечниками, смазанные ядом, управляя ими как с левой, так и с правой руки. Они сочетали тактику шквального обстрела из дальнобойных луков, стреляющих на расстояние 450–500 м с мощным ударом тяжелой конницы, которая добивала противника двухметровыми пиками, боевыми секирами, длинными и короткими мечами и булавами. Для изменения соотношения сил в свою пользу скифы применяли стратегическое отступление и разделение войска на три взаимодействующие части с постановкой отдельных задач перед каждой из них, тем самым вводя в заблуждение и изматывая противника. Они предпочитали так называемую малую войну, или мобильный способ ведения войны [1, с. 299].

В снаряжение воина входил кожаный пояс, украшенный железными или бронзовыми пластинками, слева к нему подвешивался колчан, справа — ножны с мечом или с секирой. Вожди и дружинники облачались перед боем в прочные металлические доспехи. Голову покрывали шлемом, верхняя часть тела закрывалась панцирем, а ноги — поножами. Панцири состояли из множества железных и бронзовых пластинок в виде чешуек, нашитых на кожаную основу. Шлемы и поножи выковались из бронзы. У многих воинов были деревянные обтянутые кожей щиты. Щиты богатых скифов не-

редко украшались золотыми бляхами в форме фигур животных — сфинксов и грифонов.

Не меньше, чем оружию, уделялось внимание обмундированию и конскому снаряжению. Голову коня защищали бронзовые литые или кованные налобники — большие пластины овальной и ромбовидной формы. Корпус лошади закрывали нагрудником и попоной из толстой кожи, усиленными либо металлическими бляхами, либо «панцирным» набором.

Военные обычаи скифов свидетельствовали об их бесстрашии и жестокости. Скифы поклонялись железному мечу, который для них был символом военной удачи и воинской отваги. Для этого «божества» скифы сооружали огромный курган из хвороста с воткнутым на вершине старинным мечом. Здесь приносили в жертву каждого сотого пленного. Убивая врага, скиф пил его кровь. Скифы верили, что благодаря этому им переходит сила врага. С головы убитых они сдирали кожу, очищали от мяса, выдывали и пользовались как полотенцем для рук. Такие кожаные полотенца привязывали к уздечке своего коня, и чем больше полотенцев было у воина, тем отважнее он считался. Из кожи врагов шили плащи и чехлы для колчанов. Из черепов самых злейших недругов скифы делали чаши для вина. В вино они добавляли свою кровь и, окупнув затем боевое оружие в этот магический напиток, пили его, произносили заклинания и обменивались оружием. Этим ритуалом закреплялись дружеские узы между воинами. Если скиф нуждался в помощи и не мог справиться со своими врагами, то он убивал быка, варил его мясо, а шкуру расстилал и садился на нее с заломленными руками. Любой соплеменник мог подойти, взять кусок мяса и, встав одной ногой на шкуру, поклясться привести с собой нужное количество воинов, чтобы отомстить обидчикам [2, с. 64].

Умереть в бою для скифа было величайшим благом. Хоронили воинов в невысоких курганах [3], в доспехах, рядом клали личное оружие. Обязательной частью скифского погребального ритуала было погребение коня в полной сбруе вместе с воином. После похорон в память о погибшем воины устраивали скачки.

1. Гуляев В. И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. М.: Ин-т археологии РАН, 2019. 656 с.

2. Смирнов А. Скифы. М.: Ломоносовъ, 2012. 193 с.

3. Завьялова А. Н. Геокультурные основания территории Новосибирской области // Сб. материалов XI Междунар. науч. конгресса «Экономическое развитие Сибири». Новосибирск: СГУГиТ, 2015. Т. 1. С. 197–202.

Научный руководитель — канд. культурологии, доц. А. Н. Завьялова

**Политическая деятельность Д. Л. Хорвата
в 1903–1920 гг. в российской и китайской историографии**

Д. А. Безруков

Новосибирский государственный университет

Дмитрий Леонидович Хорват (1858–1937) — российский военный и политический деятель. Основной этап его службы — управление Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД), которое он осуществлял с 1903 по 1920 г. Стоит отметить, что КВЖД на тот момент была важнейшим стратегическим объектом, поскольку являлась южной веткой Транссибирской магистрали и проходила по территории Северо-Восточного Китая, соединяя Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Эти обстоятельства позволяли Д. Л. Хорвату оказывать существенное влияние на различные политические и социальные процессы, происходившие в данном регионе.

Фигура Д. Л. Хорвата весьма противоречиво оценивается в отечественной историографии. В советской традиции этот деятель оценивался прежде всего как один из главных претендентов на установление собственного режима власти на Дальнем Востоке [1]. Однако на современном этапе эта точка зрения изменилась, чему способствовало появление возможности доступа российских исследователей к ранее недоступным архивным материалам. Сейчас Д. Л. Хорват рассматривается скорее в качестве консерватора и монархиста, стремившегося поддерживать порядок на подконтрольной территории, а после революций 1917 г. пытавшегося восстановить царскую власть [2]. В китайской же историографии сложился один определенный подход к оценке деятельности Д. Л. Хорвата. Китайские исследователи также признают его эффективным управленцем, однако в целом период его управления КВЖД, как и весь период русского присутствия в Северо-Восточном Китае, считается частью экспансионистской политики, которую европейские державы проводили в Китае с середины XIX в. [3]. Таким образом, мы видим, что деятельность Д. Л. Хорвата на КВЖД продолжает представлять большой научный интерес для современной исторической науки.

Руководство Д. Л. Хорватом КВЖД можно условно разделить на два этапа. Первый этап — с 1903 по 1917 г. После вступления в должность Д. Л. Хорват столкнулся с множеством нерешенных при постройке КВЖД проблем. Управляющий принял оперативные меры для повышения трудовой эффективности рабочих, за короткий срок была значительно увеличена пропускная способность дороги. В период Русско-японской войны 1904–1905 гг. работа КВЖД быстро перестроилась под военные нужды и служила главным транспортным каналом для русских войск. После окончания войны наступает период послевоенного восстановления и мирного

функционирования. Д. Л. Хорват проводил активную политику экономического развития КВЖД и полосу отчуждения. За это время было создано множество торговых и промышленных предприятий, а город Харбин стал центром этого региона [2]. Однако стоит отметить, что в китайской историографии подобная умеренная политика Д. Л. Хорвата рассматривается как экономическая экспансия и нарушение государственного суверенитета Китая [3].

Начало второго этапа связано со свержением в России царской власти и активизацией различных политических сил в 1917 г. После Октябрьской революции Д. Л. Хорват не принял установление большевистской власти и стал одним из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. Он активно боролся с революционными настроениями на КВЖД и взаимодействовал с силами европейских держав-интервентов и Японии [2]. Однако сложная экономическая ситуация и деятельность пробольшевистских организаций делали ситуацию на КВЖД нестабильной. В результате с 1918 по 1920 г. на КВЖД прошли 4 массовые забастовки, организованные совместно российскими и китайскими рабочими. Последняя из них получила название «антихорватовской» и привела к отставке Д. Л. Хорвата в 1920 г. [4]. Главным политическим итогом стал переход власти над КВЖД в руки китайских властей.

После 1920 г. Д. Л. Хорват был вынужден переехать в Пекин, в котором он и прожил до конца жизни в 1937 г.

1. Аблова Н. Е. Дмитрий Леонидович Хорват: из истории российской эмиграции в Китае // Имперское возрождение. 2007. № 4(12). С. 87–96.

2. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ, 1999. 316 с.

3. У Вэньсянь, Чжан Сюлань. Хоэрватэ юй чжундун телу. Хорват и КВЖД. Чанчунь: Цилинь вэньши, 1993. 305 с. (на кит. яз.)

4. Ли Сингэн. Фэньюй фупин: эго цяоминь цзай Чжунго (1917–1945). Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае (1917–1945). Пекин: Чжунъян бяньи, 1997. 102 с. (на кит. яз.)

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

Тема Второй мировой войны в коммеморативных практиках современной Японии

М. В. Болгар

Новосибирский государственный университет

Историческая память о Второй мировой войне является одной из самых актуальных тем в сегодняшнем мире. Несмотря на то что она закончилась более 75 лет назад, трактовка событий этой войны является плотным узлом противоречий в международных отношениях. Особенно остро этот вопрос стоит для азиатского региона, конкретно — в дипломатических взаимоотношениях Японии, Китая и Южной Кореи.

Проблема заключается в противоречивости различных точек зрения на события Второй мировой войны в разных странах. Объект исследования — коммеморативные практики в современной Японии, являющиеся частью общей политики по формированию исторической памяти о Второй мировой войне. Предмет — позиции исследователей, авторов информационных изданий и политических деятелей.

Цель — изучить содержание и посыл коммеморативных практик на тему Второй мировой войны в современной Японии. Для этого поставлены задачи:

- 1) изучить и описать основные этапы формирования исторической памяти на тему Второй мировой в послевоенной Японии;
- 2) описать коммеморативные практики на заданную тему в современной Японии;
- 3) выявить основные политические проблемы на международной арене, связанные с осуществлением коммеморативных практик;
- 4) методом дискурс-анализа установить динамику формирования официальной политической позиции азиатских стран касательно коммеморативных практик в Японии;
- 5) выявить взаимосвязь между коммеморативными практиками и задачами, поставленными японским правительством на международной арене.

Рабочая гипотеза состоит в понимании коммеморативных практик в Японии как инструмента достижения политических интересов на международной арене, в первую очередь в отношении Китая и Южной Кореи, а именно как программы, направленной на снижение чувства ответственности японцев за действия японских милитаристов в годы Второй мировой войны.

Результаты исследования

1. Изучен процесс формирования исторической памяти к теме Второй мировой войны в японском обществе. Отмечены три этапа в данном процессе: замалчивание, принятие вины и отказ от ответственности за действия японских милитаристов.

2. Выявлены коммеморативные практики на военную тему в современной Японии, описано их содержание и контекст проведения. Описанные практики рассмотрены в качестве политического инструмента, направленного на снижение ответственности японцев за действия японских милитаристов.

3. Изучены материалы китайских и южнокорейских информационных изданий на тему исторической памяти о Второй мировой войне в Японии. Проведена взаимосвязь между проводимыми коммеморативными практиками в современной Японии и реакцией китайской и южнокорейской обществ.

Итак, современные коммеморативные практики на тему Второй мировой войны в Японии направлены на снижение уровня ответственности японцев за действия милитаристов и вызывают протестную реакцию со стороны Китая и Южной Кореи. Регулярные коммеморативные практики в сочетании с высказываниями японских политиков на тему исторической памяти и ответственности в контексте Второй мировой войны подтверждают данный тезис. При этом важным и требующим дальнейшей исследовательской разработки выступает вопрос об идеологическом характере коммеморативных практик в контексте полного отказа от ответственности за военные преступления.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Тема восстания на острове Чеджу в контексте отношений между Республикой Корея и США

Е. С. Бутько

Новосибирский государственный университет

Восстание на о-ве Чеджу является одним из самых кровавых моментов в истории Южной Кореи. Борьба между правительственными войсками и партизанами, боровшимися за воссоединение Кореи и против политики Ли Сынмана, привела к человеческим жертвам и материальному ущербу. По разным оценкам, количество погибших с 1 марта 1947 по 21 сентября 1954 г. составило от 14 до 60 тыс. человек, еще 40–80 тыс. бежали с острова. Большая часть гражданских лиц погибли от действий армии, полиции и правых молодежных корпусов [1].

После освобождения от японской оккупации южная часть Кореи находилась под властью Американской военной администрации (АВА). Американские войска принимали косвенное участие в подавлении восстания, обеспечивая блокаду острова, проводя разведку, разрабатывая планы антипартизанской войны [2, 3].

В период диктаторских и военных режимов события на Чеджу замалчивались. Упоминания о восстании цензурировались. Попытки сохранения памяти о восстании и критического осмысления прошлого подвергались жестокому наказанию. Официальная позиция подразумевала оправдание преступлений по отношению к повстанцам и мирному населению. Действия правительственных сил рассматривались как необходимые для стабилизации ситуации в стране. Несмотря на это, выходцы с Чеджу, включая ученых и деятелей культуры, делали все возможное, чтобы люди узнали правду о тех событиях. Процесс демократизации южнокорейского общества сделал неизбежными снятие запретов на освещение событий на Чеджу, способствовал началу расследования на законодательном уровне, принятию мер по реабилитации жертв и выплате им компенсаций. Начиная с конца XX в. в общественном и научном дискурсе Республики Корея события на Чеджу 1947–1954 гг. получают все более широкое освещение [1]. Тем не менее особенно молодое поколение граждан РК недостаточно осведомлены об этой части исторического прошлого. Кроме того, США имеют огромное влияние на Южную Корею, а с учетом ответственности АВА за произошедшее на острове правительству РК не выгодно касаться этой темы.

Антиамериканские настроения среди жителей Чеджу наиболее распространены. Политические активисты ведут соответствующую работу. Используется не только историческая память об инциденте 4.3. Начало 2010-х гг. отмечено массовыми протестами против строительства амери-

канской военно-морской базы. Несмотря на активные действия со стороны протестующих и региональных властей, база была построена в 2016 г. Тем не менее этот случай показателен не только из-за активной гражданской позиции жителей Чеджу. Массовые протесты побудили интерес некоторых иностранцев, включая тех, кто принимал участие в протестах, к изучению истории острова Чеджу и связанных с ней событий. Ярким примером является документальный фильм американского документалиста Реджиса Трембли «Призраки Чеджу» о протестах жителей острова против строительства военной базы. В фильме также раскрываются темы восстания на Чеджу и ответственности США за произошедшее. Однако фильм не получил сколько-нибудь широкого отклика в США и РК. Число его просмотров около 5,3 тыс. [4].

Тема восстания на Чеджу почти никак не сказывается на отношениях между РК и США на официальном уровне. Что отличает ситуацию, например, от ситуации вокруг памяти об Нанкинской резне в контексте китайско-японских отношений. Мнения отдельных людей почти никак не сказываются на внешней политике Южной Кореи и ее отношениях с США. Более того, несмотря на то что 3 апреля (день начала вооруженного восстания) официально объявлен днем поминовения жертв, правительство по-прежнему отрицательно реагирует на упоминание об этой теме и применяет репрессивные меры в рамках Закона о национальной безопасности от 1948 г.

1. Чеджу са сам сагон чинсанчосапогосо [제주4.3사건 진상조사보고서]. Отчет специального комитета по расследованию инцидента 3 апреля на острове Чеджу. 2003. 615 с.

2. Merrill J. The Cheju-do Rebellion // J. Korean Stud. 1980. P. 139–197.

3. Асмолов К. В. Завтра война: они утопили Корею в крови на деньги американцев. Такова цена демократии. 21.08.2018. URL: https://lenta.ru/articles/2018/08/21/syngman_rhee_2/?utm_medium=social&utm_source=facebook (дата обращения: 24.02.2021).

4. Tremblay, Regis Ghosts of Jeju doc. Film. 28.09.2016. URL: <https://youtu.be/jkFDC1fVPts> (дата обращения: 23.02.2021).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

Роль предметов карамоно в средневековой Японии

А. М. Ильина

Новосибирский государственный университет

На формирование японской культуры в эпоху древности большое влияние оказали международные контакты с Китаем и Кореей. В ходе дипломатических миссий, переселений жителей материка на японские острова происходила передача технологий и знаний. Наряду с этим в Японию стали проникать различные изделия и произведения искусства, получившие название *唐物 карамоно* (букв. «китайские изделия», «вещи эпохи Тан») [1, с. 532].

Их проникновение в Японию привело к формированию сложной, двойственной культуры японского и китайского (*和漢 вахан*), в результате чего произошло расширение понятия *карамоно*. В эпоху развитого Средневековья оно стало означать высококачественные изделия, предметы роскоши, ввозимые из Китая, государства Чосон на Корейском полуострове и архипелага Рюкю; созданные из импортных материалов японские предметы, а также некоторые считавшиеся равными им по качеству японские изделия в китайском (иностранном) стиле.

Эти предметы выполняли в Японии различные функции. В первую очередь это были предметы роскоши, обладание которыми служило способом демонстрации богатства, статуса и вкуса. Они использовались не только в личных целях, но и преподносились в качестве даров, символизируя таким образом щедрость и великодушие дарителя. Порой эти действия также преследовали и другую цель — получение от сёгуна, императора или высших сановников какой-либо милости или помощи. Они также могли использоваться для разрешения конфликтов и урегулирования споров.

Произведения искусства и изделия *карамоно* также оказывали влияние и на культуру страны: на их основе формировались различные направления в искусстве (прежде всего в живописи), сочетающие в себе китайские техники с японскими мотивами. Более того, некоторые предметы, попадая в Японию, начинали приобретать новые функции, наделялись несвойственным им ранее эстетическим или сакральным значением [1, с. 532].

Предметы *карамоно* выполняли и политическую роль. Особенно эта роль усилилась в период Муромати (1336–1573), когда выставление на показ своих коллекций и полученных от соперников редких вещей стало одним из главных способов демонстрации своего богатства, власти и политической силы. Известно, что военно-политический лидер Ода Нобунага (1534–1582), используя наиболее ценные и известные предметы *карамоно* (получивших название *名物 мэйбуцу*), даже разработал систему поощрения своих вассалов для укрепления собственной власти [2, с. 156].

Желание обладать предметами роскоши также во многом определяло международную политику властей. Кроме того, это становилось причиной нарушения государственных законов представителями аристократической элиты и развитием нелегальной и пиратской торговли.

Еще одна функция предметов *карамоно* — это использование их в качестве сокровищ и средств накопления своего капитала. В случае ухудшения финансов предметы роскоши могли продаваться или закладываться. Наиболее ярким примером является продажа коллекции сёгунов Асикага, что было вызвано дестабилизацией финансов правительства *бакуфу* в годы Онин (1467–1477) [3].

Можно сказать, что предметы *карамоно* представляли собой результат взаимодействия двух культур: японской и материковой. Важно подчеркнуть, что они не являлись исключительно культурными объектами, использующимися только для украшения интерьера и эстетического наслаждения, но также выполняли политическую, экономическую, социальную функции.

1. Войтишек Е. Э., Речкалова А. А., Ильина А. М., Кумпол Т. А. Предметы роскоши карамоно в системе торгово-экономических и культурных связей Японского архипелага и материка в X–XIV вв. // Япония XXI Nova: эра и век. Коллективная монография. СПб., 2020. С. 531–545.

2. Такэмото Тидзи. Сэнгоку сёкухо:ки-но карамоно — карамоно-кара мэйбуцу-э [竹本千尋。戦国織豊期の唐物—唐物から名物へ]. Карамоно периода Сэнгоку-сёкухо: от карамоно к мэйбуцу // Предметы карамоно и Восточная Азия: история культурных обменов через товары. Бэнсэй сюпан, 2016. С. 148–160.

3. Сакураи Эйдзи. Дзо:ё-но рекисигаку: рэйги-то кэйзай-но айда [桜井英治。贈与の歴史学 礼儀と経済のあいだ]. История обменов дорами. Между этикетом и экономикой. Тю:о:ко:рон синся [Электронная версия Kindle], 2011. 232 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Корейская диаспора в Китае

А. Д. Кравцова

Новосибирский государственный университет

Северо-Восточный Китай — историческое место сложения многих протокорейских племен. В эпоху бронзового века между реками Ляохэ и Тумэньцзян (кор. *Туманган*) обитали племена *е* и *мэк* (кит. *вэймо*). Именно они, по мнению корейских историков, стали основой населения первого корейского государства — Древнего Чосона (кор. *Кочосон*), занимавшего территорию юга Маньчжурии и севера Корейского полуострова. После падения Кочосона сложились три государства, самое большое из которых, Когуре, занимало, помимо севера Корейского полуострова, существенную часть современных пров. Цзилинь и Ляонин. Позже тут образовалось многонациональное государство Бохай (кор. *Пархэ*), часть населения которого после распада своего государства стали составлять когуресцы.

В Новое время миграция корейцев в Китай получила массовый характер во второй половине XIX в. Большинство корейских мигрантов селились на границе Китая и Кореи — в пров. Цзилинь. Отмечаются две крупные волны. До 1910 г. корейцы переселялись в Китай главным образом из-за нищеты и бремени феодальных порядков правящего класса, а также из-за агрессивной японской политики. В 1910 г. был подписан Договор о присоединении Кореи к Японии. Период японского господства, несмотря на высокие темпы экономического роста, характеризуется превращением Кореи в колонию, жесткой политикой ассимиляции и дискриминации в отношении коренного населения, что спровоцировало приток беженцев в Китай. Именно Маньчжурия стала центром формирования национально-освободительского движения. С образованием марионеточного государства Маньчжоу-го переселение стало в какой-то степени принудительным, так как японцы таким образом хотели укрепиться в материковом Китае. В результате этих мер численность населения корейцев на севере Китая превысило 1,4 млн человек. После поражения Японии во Второй мировой войне и возвращения Кореи суверенитета около 1 млн этнических корейцев приняли решение не возвращаться на историческую родину и принять гражданство КНР. 3 сентября 1952 г. был образован Яньбянь-Корейский автономный округ (ЯКАО), который стал центром расселения корейцев в Китае (на момент учреждения АО этническое корейское население в Цзилине составляло 60 %).

В течение XX в. отличительной чертой корейской диаспоры в Китае являлся высокий уровень сохранения этнической самоидентификации. Сохранение языка стало возможным в первую очередь благодаря достаточно развитым историческим традициям преподавания корейского язы-

ка в Цзилине. Уже в XIX в. существовали начальные школы, в которых преподавался корейский язык. В 1920-х гг. начали открываться частные корейские школы, в которых образовательная программа была полностью выстроена на корейском языке. В годы наиболее активной деятельности антияпонского движения школы стали центрами распространения националистических идей.

Другой причиной сохранения национальной идентичности являлось неодобрение браков корейцев с представителями других народов, притом что 1960–1970-е гг. характеризовались массовыми переселениями в регион ханьцев. Так как территория ЯКАО находилась на относительной периферии, а первые корейские поселения в Цзилине появились еще задолго до образования округа, благодаря закрытости и компактности проживания корейские мигранты смогли сохранить традиционную культуру. Это выражалось как в архитектуре, так и в одежде и кулинарии.

Тем не менее в XXI в. нужно выделить несколько новых тенденций в социальной структуре диаспоры. В наше время корейская диаспора в ЯКАО насчитывает около 737 тыс. человек (2010 г.). Раньше экономика населения ЯКАО базировалась преимущественно на сельском хозяйстве, горной промышленности и рыболовстве, что позволяло им существовать относительно обособленно, однако последние пару десятилетий в сознании корейцев происходят сдвиги, вызванные изменением их социально-экономической роли в китайском обществе. Корейцы стали активнее втягиваться в бизнес и политику, это заставляет их покидать Цзилинь, переселяться в крупные города, что приводит к «размыванию» общины. Владение китайским языком на уровне носителей языка становится обязательным для жизни. Кроме того, с начала 2000-х гг. наблюдается и некоторый отток населения на историческую родину — в Южную Корею. Все эти факторы в совокупности могут привести к постепенному ослаблению потребности в корейском языке и сохранении традиционной культуры.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Синтез ислама и конфуцианства в сочинениях Ван Дайюя на примере объяснения исламской космогонии

А. В. Маскалев

Новосибирский государственный университет

Ислам проник в Китай в конце VII в., и долгое время число мусульман было невелико. Но при династии Юань их численность резко возросла в результате переселений. Со временем потомки мусульман частично ассимилировались, утратив родные языки, и во времена династии Мин образовали новый этнос — хуэй. Поскольку многие хуэйцы перестали понимать мусульманскую веру, то к XVII в. ученые из их числа пришли к выводу о необходимости написания религиозной литературы на китайском языке — на языке, который понимали бы все хуэйцы.

Первым автором оригинальной мусульманской литературы на китайском языке стал Ван Дайюй (прим. 1592–1658). Он родился и большую часть жизни прожил в Нанкине — крупном культурном центре страны. Там он имел возможность изучить не только ислам, но и три учения: конфуцианство, даосизм и буддизм. В результате он сумел, привлекая традиционные для Китая понятийный аппарат и концепции, написать три сочинения об исламе на китайском языке: «Правильное толкование истинной веры», «Великое учение ислама» и «Диалоги в надежде доискаться до истины»

Метод Ван Дайюя получил название 以儒詮经 и жу цюань цзин «через конфуцианство толковать священные книги». Для него характерно взаимовлияние ислама и конфуцианства, поэтому выделяются два аспекта этого метода: 以儒释伊 и жу ши и «через конфуцианство разъяснять ислам» и 以伊释儒 и и ши жу «через ислам разъяснять конфуцианство». Именно использование данного метода сделало мусульманские по своей сути работы Ван Дайюя китайскими по форме и позволило осуществить синтез ислама с конфуцианством.

Например, для объяснения происхождения мира Ван Дайюй прибегает к концепции Чжоу Дуньи (1017–1073), изложенной в «Объяснении чертежа Великого предела». Для Чжоу Дуньи космогенез — это следствие движения и покоя Великого Предела, который происходит из Беспредельного. Движение и покой Великого Предела рождают Ян и Инь, те — пять стихий, а пять стихий — 万物 вань у «тьму вещей».

Одна из самых влиятельных интерпретаций концепции Чжоу Дуньи была выработана Чжу Си (1130–1200). Он установил сущностное тождество Беспредельного и Великого Предела и пояснил, что Беспредельное — это состояние мира до появления форм. А Великий Предел — это совокупность всех принципов, предельный, предсуществующий (как и сами принципы)

стандарт космоса. Чжу Си также писал: «Великий Предел выше всего, вне него не может быть ничего. Превосходящий все, он самый возвышенный, самый непостижимый, самый сокрытый». Великий Предел имманентно присутствует в индивидуальных воплощениях всех категорий вещей: каждая отдельная вещь не только несет в себе принцип, но и имеет в себе Великий Предел [1].

Ван Дайюй, вслед за неоконфуцианскими предшественниками, использует такие понятия и категории для описания космогонии, как 理 *ли* принцип, 形 *син* форма, 无极 *у цзи* Беспредельное, 太极 *тай цзи* Великий Предел, 人极 *жэнь цзи* Человеческий Предел, 动 *дун* движение, 静 *цзин* покой и др. Религиозные воззрения Вана во многом согласуются с идеями Чжоу Дуньи и Чжу Си. Но он дополняет и видоизменяет их космогоническую концепцию так, что она становится исламской по своей сути. Для Ван Дайюя единственный Творец — это Аллах, Он творит по своему желанию и является трансцендентным по отношению к космосу. Ван Дайюй, вслед за Чжу Си, считает Беспредельное началом Бесформенного. Великий Предел же, т. е. вся совокупность принципов, существует по приказу Бога, он является началом всех форм или, иными словами, началом мира. Таким образом, он не просто поясняет свои взгляды через китайские понятия и концепции, но также переосмысляет их так, чтобы они согласовывались с исламом. В этом и проявляются вышеупомянутые два аспекта его метода.

Ван Дайюй для разъяснения своих взглядов широко применяет понятия и концепции неоконфуцианства. Но он зачастую предлагает собственное их понимание, которое не противоречит исламу. В результате два учения в трудах Ван Дайюя оказывают друг на друга влияние, и ислам в понимании Вана приобретает некоторые черты конфуцианства, а конфуцианство — ислама. Так ислам в толковании Ван Дайюя приобретает китайскую форму, при этом не теряя свое исконное идейное содержание.

1. Фэн Ю-лань Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.

Научные руководители — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун, Т. Г. Завьялова

Русская экспансия в Маньчжурию в сочинениях Рёхэй Утиды

М. Д. Муха

Новосибирский государственный университет

Рёхэй Утида 内田 良平 (1874–1937) — японский националист, один из идеологов паназиатизма, идейно-политического течения, призывающего к единению, интеграции и гегемонии азиатских народов. Деятельность Утиды тесно связана с Россией, а его интерес к Сибири, Маньчжурии и Монголии зародился по вполне понятным причинам. Япония, под давлением России, Франции и Германии принужденная к пересмотру Симоносекского мирного договора (1895), показала свою неспособность к противостоянию великим державам. Именно это событие побудило молодого человека к поездке в Россию, где он пробыл почти год (1897–1898), проделав путь на поезде из Владивостока в Санкт-Петербург, попутно высылая свои заметки о России в японские газеты. Сделанные во время поездки выводы о том, что Россия не та страна, которую надо бояться, сподвигли Утиду на изучение русского языка. Он писал в автобиографии: «изучающих ближайшие к нам Корею и Китай в Японии много, но раз нет ни одного, изучающего Россию, мне придется заняться этим самому» [1].

Утида понимал, что в случае аннексии Японией Кореи, до которой оставались считанные годы, интересы двух держав непременно столкнутся. Областью конфронтации оказалась Маньчжурия, куда уже входил российский капитал и был заложен г. Харбин. В своих работах, в частности в сочинении «Маньчжуро-монгольская независимость и общество Красной Свастики», Утида не ставит, однако, конкретных целей по покорению всей Маньчжурии и российского Дальнего Востока, а лишь подталкивает читателя к мысли о том, что справедливым было бы избавить Маньчжурию и Монголию как от российского влияния, так и от китайской оккупации.

Организовав в 1901 г. националистическую организацию Кокуро:кай 黒龍会 (Общество реки Амур), Утида активно занялся антироссийской пропагандой, в этом же году выпустив сочинение «О развале России», в котором активно продвигал идею о войне с Россией. Неудивительно, что подобные взгляды распространялись не только в гражданских, но и в военных кругах японского общества.

Несмотря на некоторые уничижительные высказывания Утиды о России и русских, вроде именованная русских «коррупцированной нацией», или о морали, находящейся на низком уровне, ряд японских историков, например Танака Такэюки, делают вывод о том, что Утида на самом деле не был русофобом [1]. Рёхэй Утида пишет, что «никогда не испытывал враждебных

чувств к славянам». Характерна для него и критика «прогнившего» царского режима вкупе с сочувствием революционерам [2].

Деятельность Утиды, безусловно, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие паназиатских идей, которые, в свою очередь, формировали как внешнюю политику Японии в Восточной Азии, так и внутреннюю политику по отношению к национальным меньшинствам в государствах, находящихся с Японией в фактически вассальных отношениях.

Именно деятельность Кокурю:кай способствовала построению агрессивной политики Японской империи в отношении России посредством привлечения в общество высокопоставленных чиновников и военных. При созданной Утидой организации существовали школа русского языка и курсы по обучению профессиональному шпионажу. Именно она сыграла большую роль как при японской оккупации Дальнего Востока времен Гражданской войны (1918—1922), так и при дальнейшем продвижении Японии в Маньчжурию, оказывая содействие японской армии. Также через Кокурюкай прошли многие будущие государственные и военные деятели, среди которых можно выделить Окаву Сюмэя 大川 周明, впоследствии ставшего одним из наиболее известных японских пропагандистов японской экспансии в Азии.

1. Танака Такэюки. Утида Рёхэй: взгляд на Россию // Ежегодник Япония. 2012. № 41. С. 390—412.

2. Утида Рёхэй Манмо:-но докуруицу то секаимо:мандзикай-но кацудо: [滿蒙の獨立と世界紅卍字会の活動]. Маньчжуро-монгольская независимость и Общество Красной Свастики. Токио, 1931. 135 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

Реакция КНР на украинский кризис (2013–2014 гг.)

В. А. Немико

Новосибирский государственный университет

Развитие экономических и политических отношений между Китаем и Украиной началось еще в 1991 г., после признания Украины независимым государством. На протяжении десятилетий отношения активно развивались. До 2013 г. Крымский полуостров, наряду с другими регионами Юго-востока Украины, рассматривался как один из важнейших оплотов китайско-украинского стратегического партнерства. Но ситуация изменилась в 2013 г. в связи с началом украинского кризиса.

Аннексия Крыма и участие России в боевых действиях на востоке Украины создала напряженные отношения между Россией странами Евросоюза и США. Несмотря на активное сотрудничество на международной арене, Китай придерживался стратегии активного нейтралитета по украинскому вопросу, хоть аннексия Россией Крыма явно подрывало основы внешней политики Китая — Пять принципов мирного сосуществования.

Пять принципов мирного сосуществования до сих пор являются официальной доктриной внешней политики КНР. Китайские власти неизменно заявляют, что ненападение, невмешательство во внутренние дела, уважение территориальной целостности, равенство государств и мирное сотрудничество, основанное на взаимной выгоде для всех сторон, по-прежнему являются столпами их действий в международных отношениях. Однако вооруженные столкновения с Индией и дипломатические столкновения с Вьетнамом показали, что принципы не зависят от обстоятельств, влияющих на рентабельность их практического соблюдения. Поэтому занятие нейтральной позиции по украинскому вопросу еще раз показывает, что Пекин будет использовать или игнорировать принципы для достижения своих стратегических интересов. Такой политикой Пекин обезопасил себя от мобилизации сепаратистских движений внутри страны, главным образом в Тибете, Тайване и Гонконге.

После референдума 16 мая 2014 г. на территории Автономной Республики Крым и Севастополя Пекин лишь повторил призыв к спокойствию и сдержанности в Украине, но никаких комментариев по поводу референдума в Крыму после объявления о 96-процентном голосовании за присоединение к России не было дано.

Китай даже не выступил с официальным заявлением относительно работы над резолюциями по Крыму в ООН, а также воздержался при голосовании по резолюции 68/262 Генеральной Ассамблеи ООН о территориальной целостности Украины в 2014 г.

Постоянный представитель КНР при ООН Лю Цзеи сообщил, что развитие ситуации в Украине до сегодняшнего дня имеет сложную историческую составляющую и современную ситуацию [1]. Для его решения необходимо учитывать законные права и требования всех регионов. Китай дал понять, что понимает позицию России по Украине. Китайские власти также проявляли сдержанность и умеренность по отношению к России. После присоединения Крыма Россия столкнулась с международными санкциями и обвалом цен на нефть. Хотя ЕС, США и ряд других стран ввели три типа санкций, но при этом наблюдается прорыв в Российско-китайском энергетическом сотрудничестве.

КНР подходит с осторожностью к своим отношениям со странами Запада и США. Большое внимание на стратегическом уровне уделяется политике США не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в Восточной Европе. Украина является рынком сбыта для товаров США и Китая, соперничество стран продолжается и сейчас, одним из наиболее ярких примеров является срыв сделки по продаже «Мотор Сичи» китайцам в 2020 г. [2].

После экономического и политического кризиса на Украине существуют перспективы европейской интеграции, сотрудничества с Китаем. Но в связи с неопределенностью перспектив существует риск превращения Украины в рынок сбыта товаров и поставщика сырья и дешевой рабочей силы для стран Западной Европы, о чем свидетельствует существенный отток населения и давление западных стран на украинских производителей.

1. Кэлимия цзюйсин гунтоу Сифан юй Э цзяолян цзяцзюй [克里米亚举行公投 西方与俄较量加剧]. Проведение референдума в Крыму. Обострение отношений России и Запада // Жэньминьван [人民网]. URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0317/c1002-24648448.html> (дата обращения: 20.02.2021).

2. Китайцы планируют отсудить у Украины \$3,5 миллиарда за «Мотор Сич» // Страна.ua. 2020. URL: <https://strana.ua/news/301540-knr-hotovit-protiv-ukrainy-isk-na-3-5-milliarda-iz-za-motor-sich.html> (дата обращения: 20.02.2021).

Научный руководитель — канд. ист. наук Д. П. Шульга

Историко-культурное значение артефактов с затонувшего китайского судна «Наньхай-1»

Д. В. Рассолова

Новосибирский государственный университет

В X–XIV вв. китайские купцы доминировали на азиатских морских просторах, вели активную торговлю с государствами Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии. В это время (династии Сун и Юань) китайские торговцы в основном вывозили фарфоровые изделия, древесину и монеты. Фарфоровые сосуды, помимо ритуального значения, высоко ценились среди аристократов как предметы роскоши; древесину использовали при строительстве и изготовлении мебели, а также во время ритуальных церемоний; медными монетами расплачивались на рынках, зачастую их переплавляли для изготовления храмовой утвари и буддийских статуй [1, с. 74–75].

В 1987 г. Спасательное бюро Гуанчжоу и Британская компания по исследованию океана случайно обнаружили затонувшее судно времен династии Южной Сун (XII–XIII вв.) в акватории, расположенной более чем в 30 морских милях от острова Хайлин у г. Янцзян (пров. Гуандун, КНР). Вероятно, судно вышло из Китая и отправилось по направлению в Сингапур, Индию и другие районы Юго-Восточной Азии, где и потерпело кораблекрушение. Очевидно, судно было торговым (китайские купцы транспортировали фарфор по Морскому шелковому пути). При обнаружении ему дали название «Наньхай-1» (南海一号), что означает «Южное море». Однако в то время изыскательские работы на корабле, затонувшем более 800 лет назад, были отложены из-за технических и финансовых проблем [2, с. 179].

С 18 августа по 26 сентября 2009 г. археологи провели первый этап пробных раскопок судна «Наньхай-1», в результате чего из трюмов корабля было извлечено более 200 фарфоровых изделий. Анализ их особенностей выявил изделия из знаменитых частных печей Цзиндэчжэнь (пров. Цзянси), Дэхуа (пров. Фуцзянь) и Лунцюань (пров. Чжэцзян). Внимание исследователей привлекла селадонная чаша в форме цветка мальвы с цветочным орнаментом, принадлежащая группе печей 义窑 И Яо*.

Наряду с фарфоровыми изделиями наибольший интерес представляют золотые предметы, обнаруженные на судне: разнообразные кольца и пояса. Пояс отличается изысканным орнаментом, не встречающимся в Юго-

* И Яо 义窑 — это древнее название деревни Июцунь области Дунцяо уезда Минцин (г. Фучжоу, пров. Фуцзянь), также обозначает название местности, включающей территорию от деревни Июцунь до деревни Циньюцунь того же уезда, где находились печи для обжига селадона в период правления династий Сун и Юань.

Восточной Азии. Эксперты предполагают, что пояс был доставлен в Китай с Ближнего Востока.

На борту корабля находилось от 60 000 до 80 000 артефактов. В настоящий момент все реликвии, найденные на судне, а также сам корабль находятся в музее Морского шелкового пути пров. Гуандун [3].

«Наньхай-1», по всей вероятности, самое крупное и наиболее хорошо сохранившееся океанское торговое судно среди всех известных затонувших кораблей. Анализ обнаруженных на нем артефактов позволит выявить данные по истории морского Шелкового пути и истории керамики, а также получить информацию, которую невозможно добыть методами археологии. Анализ обломков судна, особенностей обнаруженных артефактов с учетом их большого количества позволит судить о беспрецедентных масштабах морской торговли в X–XIII вв. в регионе.

1. Войтишек Е. Э., Кумпол Т. А. Судьба китайского корабля Синьаньчуань и морская торговля в Восточной Азии в средние века // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 74–82.

2. Хуан Шаохуэй, Фу И, Чэнь Бо, Чжань Вэйфан, Ло Цянь. Хайшан сычочу чжи лу вэньхуа люю фачжань яньцзю — и «Наньхай и хао» гу шанчуань вэй ли [黄少辉、傅轶、陈波、詹伟芳、骆茜。海上丝绸之路文化旅游发展研究——以“南海一号”古商船为例]. Исследование развития культурного туризма Морского шелкового пути на примере древнего торгового судна Наньхай-1 // Жэдай дили (Гуанчжоу дили яньцзю со чжубань цикань). Гуанчжоу, 2009. Т. 29, № 2. С. 177–181.

3. Гуандун хайшан сычочу чжи лу боугуань [广东海上丝绸之路博物馆 // 百度百科]. Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун // Электрон. энцикл. «Байду байкэ». URL: <https://baike.baidu.com/item/广东海上丝绸之路博物馆/6021987?fromtitle=南海一号博物馆&fromid=6010270> (дата обращения: 15.01.2021).

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Проблемы реституции культурных ценностей, вывезенных из Китая в 1840–1949 гг.

К. К. Рухлядьева

Новосибирский государственный университет

В фокусе данного исследования находятся предметы культурного наследия Китая, «утерянные» в ходе Опиумных войн, продолжавшихся с 1840 по 1842 г. и с 1856 по 1860 г., последующего периода «колонияльного освоения» Китая западными державами, внутренних войн 1912–1932 гг. и Японо-китайской войны 1937–1945 гг. Длительный период ослабления политической власти в стране позволил иностранцам не только иметь свои представительства, свободно передвигаться по стране, но и беспрепятственно вывозить материальные ценности. С 1840 по 1949 г. более 10 млн единиц китайских памятников культуры были вывезены в США, Японию, Европу, Юго-Восточную Азию и другие страны. Сейчас, по статистике ЮНЕСКО, в коллекциях 200 музеев 47 стран мира хранится 1,64 млн ед. китайских ценностей, а на руках у частных лиц — в 10 раз больше. Упомянутые 10 млн находящихся за рубежом культурных и исторических ценностей — это живопись и каллиграфия, фарфор, скульптуры, бронзовые изделия и т. д.

В Британском музее количество китайских культурных и исторических ценностей достигает 23 тыс. ед. В Лувре и Французской государственной библиотеке хранится более 40 тыс. ед. В Бостонском музее искусств китайская коллекция представлена в 10 павильонах. В Японии более 1000 музеев хранят китайские предметы истории и искусства. Только в одном Государственном музее Токио коллекция насчитывает более 10 тыс. ед. В Московском государственном музее Востока хранятся около 20 тыс. ед.

Указанные реликвии включают в себя не только минские (1368–1644 гг.) и цинские (1644–1912 гг.) вещи, но и предметы древности и Средневековья, например, многие экспонаты относятся к таким периодам китайской истории, как эпоха Шан (1766–1121 гг. до н. э.); период Западного Чжоу (1046–771 гг. до н. э.) и эпохи Чуньцю (770–476 гг. до н. э.); Восточная Цзинь (317–420 гг.); эпоха Тан (618–907 гг.) и др.

Многие предметы искусства были вывезены после разграбления Старого Летнего дворца в Пекине в ходе Второй опиумной войны. В 1860 г. объединенная армия Великобритании и Франции разграбила и сожгла дворец Юаньминъюань, ценности и редкие памятники которого были украдены. В 1900 г. объединенная армия восьми стран присвоила бесчисленные исторические ценности из императорского дворца в Пекине. В 1914–1915 гг. в Россию из Дуньхуана прибыли снятые со стен росписи, манускрипты и живопись на шелке. В 1944 г. японцы вывезли 11 022 тома древних книг

из Запретного города и 1372 предмета сокровищ из Пекинского исторического музея.

После образования КНР новое китайское правительство озаботилось вопросами возврата культурных ценностей. В официальных источниках отмечалось, что историческое наследие неоспоримо важно для повышения уровня национального самосознания и восстановления политической идентичности. Уже в XXI в., 18 октября 2002 г., силами Министерства финансов и Государственного управления культурного наследия КНР был создан Китайский специальный фонд спасения исторических сокровищ. Деятельность этого фонда всесторонне поддерживает процессы возвращения культурных ценностей принятыми в общемировой практике способами (с помощью выкупа, требования о реституции, безвозмездного возвращения), а также проводит меры по формированию общественного мнения по данным вопросам внутри Китая и за его пределами.

В основном предметы живописи и каллиграфии возвращены в Китай путем выкупа или дарения в период с 1951 по 1953 г., но с началом XXI в. процесс реституции предметов живописи возобновился. В настоящее время в общей сложности из Великобритании в Китай было возвращено 68 культурных реликвий. В марте 2019 г. Италия вернула 796 позиций утраченных культурных реликвий. 28 февраля 2019 г. в США объявили, что вернут КНР 361 ранее вывезенный экспонат.

История и культура являются важными источниками самоопределения китайцев, в силу тесной взаимосвязи с китайской историей и культурой реликвии рассматриваются как инструменты китайской культурной идентичности. Реституция утраченных культурных ценностей означает уважение культурной самобытности китайцев и признание несправедливости исторических событий в отношениях с иностранными державами в XIX — первой половине XX вв. Несмотря на то что китайское правительство ведет активную политику по возвращению культурных и исторических ценностей, этот процесс является достаточно сложным и мало изучен в научных кругах.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Роль исследования Мамия Риндзо в японской политике в регионе Эдзо

Р. М. Сеитов

Новосибирский государственный университет

На протяжении XVII–XIX вв. Сахалин играл малозаметную, но довольно важную роль в российско-японских отношениях. Долгое время остров находился на периферии внешней политики Японии, имея пограничный статус: не включался в территорию страны, но при этом не считался заграничной территорией, запрещенной для посещения и торговли. Сахалин вместе с Хоккайдо и Курилами выделялся в регион 蝦夷 Эдзо (букв. «Северные варвары»).

В начале XVIII в. японские власти были обеспокоены активной экспансией России в регионе и посылали исследовательские экспедиции с целью изучения Сахалина. В 1808–1809 гг. картограф Мамия Риндзо 間宮林蔵 (1780–1844) составил наиболее точную на то время карту острова и открыл пролив, разделяющий остров с материком. Он не только собрал ценнейшие сведения по этнографии и истории острова, но также впервые в японской практике использовал европейскую картографию, чтобы показать претензии правительства на эту территорию.

Долгое время результаты исследования хранились в тайне японским правительством. После революции Мэйдзи они потеряли свою стратегическую актуальность, однако послужили базой, на которой установился экспансионизм северного направления, охватывавший уже не только Сахалин, но и весь регион в целом. Так, в первой половине XX в. исследования Мамия Риндзо изучались географическими сообществами в контексте русско-японской войны и интервенции в Сибирь [1].

1. Юкия Анна. Сэндзэн нихон-ни окэру хоппо: танкэн-но гакудзитсутэ-ки сякайтэки хё:ка-но хэнё: мамия риндзо-о тю:син-то ситэ [戦前日本における北方探検の学術的・社会的評価の変容 間宮林蔵を中心として]. Трансформация академической и социальной оценки освоения северных территорий в довоенной Японии на примере Мамия Риндзо. Нэндо нихон тири гаккай сюнки гакудзитсу таикаи, 2013.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Сиратори Куракити об этнонимах *тунгус* и *дунху*

Д. В. Соколов

Новосибирский государственный университет

В европейской историографии древний народ 東胡 *дунху* упоминается еще в XVII в. в трудах французских востоковедов Ж. Дегиня и К. Визделу. В 1820 г. синолог Ж. Абель-Ремюза предположил, что этноним *дунху* связан с собирательным названием *тунгус*. Эта гипотеза нашла поддержку и у востоковедов Ю. Клапрота и Э. Шаванна [1, с. 64; 2, с. 124].

В начале XX в. японский историк Сиратори Куракити (白鳥庫吉, 1865–1942) активно изучал проблему происхождения народов сюнну и дунху. Он не разделял мнение исследователей, отождествлявших этнонимы *дунху* и *тунгус* и попытался опровергнуть эту гипотезу.

Ссылаясь на труды и путевые записи французских миссионеров Ж. Дюальда и Ф. Жербилона, Сиратори К. установил, что изначально словом *тунгус* русские называли аборигенов, живущих в районе озера Байкал. Согласно Сиратори, тунгусы делились на множество маленьких племен с разными самоназваниями, например: *boye, donki, lamu, öwön*, а потому собирательный этноним *тунгус* не может являться самоназванием [1, с. 67].

Наиболее близким к истине вариантом происхождения этого этнонима Сиратори посчитал версию О. Н. Бетлингга, согласно которой название *тунгус* этим племенам дали якуты, откочевавшие с берегов Байкала далеко на северо-восток. Этнониму *тунгус* крайне созвучно якутское слово *tongus*, что значит «свинья». Японский ученый считал, что слово *тунгус*, возможно, было уничижительным названием, которое якуты дали своим соседям [1, с. 68].

Современные ученые подвергают серьезным сомнениям гипотезу происхождения этнонима *тунгус* от тюркского слова *tongus*, «свинья», так как известно, что большинство тунгусских племен в основном кочевали и занимались охотой, не разводили свиней и не употребляли их мясо в пищу [2, с. 124; 3]. Но в начале XX в. такая гипотеза была достаточно влиятельной, находил ее убедительной и Сиратори.

По данным китайских династийных хроник исследователь попытался реконструировать ареал обитания дунху. По утверждению Сиратори, он в целом приходился на юго-западную часть пров. Ляонин и Хэйлунцзян, восток Внутренней Монголии. Уже одно территориальное удаление *дунху* от Восточной Сибири, где в основном живут тунгусы, должно послужить аргументом против гипотезы о тождественности этнонимов *дунху* и *тунгус* [1, с. 71].

Сам этноним *дунху* Сиратори К. объяснял буквально, в соответствии со значением иероглифов 東胡 — «восточные ху». Ученый отметил, что

в текстах «Ши цзи» и «Хань шу» слово *ху* употребляется исключительно в отношении *сюнну*. В переписке с ханьским императором *шаньюй сюнну* также называет свой народ словом *ху*: «На юге есть великая Хань, а на севере могущественные *хусцы*, *хусцы* — любимые сыны неба» (南有大漢一、北有強胡一、胡者天之驕子也) [4].

Происхождение слова *ху* Сиратори К. выводит именно из этнонима «сюнну». Знаки 匈奴 *сюнну/хунну* в древности произносились как *kiōng-ni* или *khiong-ni*, а знак 胡 *hu, hū* является сокращенной записью слова 匈奴 *сюнну*, его первым слогом. Японский ученый указывал на то, что при записи названий чужеземных государств, племен, фамилий китайцы иногда сокращали их, удаляя несколько иероглифов из полной записи оригинального слова [1, с. 78].

Запись слова *ху* разными иероглифами 匈 и 胡 исследователь объяснил тем, что китайцы записывали названия варварских народов фонетически, но специально выбирали такие иероглифы, которые бы охарактеризовали их презрительно. Понятие 匈奴 *сюнну* дословно означает «жестокие рабы». Сиратори К. считал, что под этнонимом *дунху* скрываются племена народа *сюнну*, а поскольку *сюнну* и, следовательно, *дунху* он считал монгольским народом, в рамках его концепции это полностью опровергает идею о тождестве этнонимов *тунгус* и *дунху*.

1. Сиратори Куракити. То:ко миндзоку ко: [東胡民族考]. Изучение народа *дунху* // Полное собрание сочинений Сиратори Куракити: в 10 т. Токио: Иванами бунко, 1969–1971; 1971. Т. IV. С. 63–320 (на яп. яз.).

2. Николаева У.Н., Туприна А.Н. Главные этнонимы тунгусов // Науч. электр. журн. «Меридиан». 2016. № 3. С. 140–145.

3. Ушницкий В.В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 9. С. 124–129.

4. Таскин В.С. Материалы по истории *сюнну* (по китайским источникам). М.: Наука, 1973. Вып. 2. 167 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С.В. Алкин

Взаимоотношения Рима (и Византии) с Китаем

А. А. Сувандии

Новосибирский государственный университет

Китай и Рим достаточно давно знали друг о друге. Китайские нарративные источники раннего Средневековья не только дают информацию и интерпретацию названия далекой Римской империи (включая Восточную), но и описывают подробности ее географии, управления и экономики. В том числе повествуется о сельском хозяйстве, домашних животных и продуктах, торговле и посланниках народа Великой Цинь (大秦). Мы обратились к пяти источникам, составленным в период II–VI вв. н. э.

1. «Хоу Ханьшу», автор Фань Е (范曄), который жил между 398 и 445 гг., во время правления династии Лю-Сун (劉宋朝).

2. «Вэй Люэ» (краткая история Вэй) был составлен историком Юй Хуаном (魚豢) до 297 г. н. э.

3. Памятник «Цзинь шу», который был составлен в VII в.

4. «Вэй шу», т. е. «История династии Северная Вэй» (北魏朝), относится к периоду между 386 и 556 гг., но во многих моментах цитирует высказывания «Хоу Ханьшу» и «Вэй люэ». Автор — Вэй Шоу (魏收).

5. Памятник «Сун шу» был составлен Шэнь Юэ (沈約), историком династии Лян (梁朝) в VI в.

Все пять китайских источников описывают географию Великой Цинь. Согласно данным источникам, Великая Цинь находится в Хайси (海西), к западу от моря. Кроме того, «Вэй люэ» указывает на то, что страна расположена к западу от Аньси (安息), Тяочжи и Великого моря (大海). Помимо этих данных, «Хоу Ханьшу» дает более подробную информацию: «В 3400 ли (里) к западу от Аньси находится королевство Аман (阿蠻), в 3600 ли к западу от Амана можно добраться до Сибина (斯賓), отсюда нужно повернуть на юг, пересечь реку и отправиться на 960 ли на юго-запад в царство Юло (于羅). Это крайняя западная граница Аньси, откуда нужно идти вдоль моря на юг, а затем добраться до Великой Цинь».

Источники также дают информацию о столице Великой Цинь. Согласно «Вэй люэ», она находится в устье реки, «Цзинь шу» добавляет, что протяженность города составляет более ста ли, в «Вэй шу» говорится, что название столицы — Аньду (安都, досл. «Умиротворенная столица»). «Хоу ханьшу», «Вэй люэ» и «Вэй шу» также описывают Великую Цинь как густонаселенный пункт, где люди живут рядом друг с другом. Кроме того, местные жители высокие и добродетельные, напоминают китайцев. Они бреют свои волосы/бороду и, как сообщает «Вэй люэ», могут использовать магию.

Все пять источников также дают представление о продуктах в Великой Цинь. «Хоу хань шу» приводит информацию о сельском хозяйстве Великой Цинь. Согласно этим записям, в регионе было много различных видов деревьев, таких как сосны, кипарисы, ивы, бамбук и т. д. Кроме того, жители сажали зерно, разводили лошадей, мулов, верблюдов, ослов и шелкопрядов [1].

В связи с этим неудивительно, что постепенно в Китае началось изучение Римской империи и ее законной наследницы — Византии (Ромейской империи, Восточной Римской империи).

Понятийный аппарат китайской византистики нарабатывается двумя способами. Во-первых, с помощью транскрипции. Яркий пример здесь — названия монет. Солиды (索利都斯), ауреи (奥婁斯), семиссы (塞米塞斯) и тремиссы (崔米塞斯) — китайские авторы просто передают их звучание.

Во-вторых, «по смыслу». Яркий пример мы видим в работе о «Книге эпарха» [2]. Авторы не пытались передать слово «эпарх» созвучными иероглифами, а перевели его по смыслу как 市政官, т. е. «градоуправитель». А сама книга (греч. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον, *To eparchikon biblion*) стала дословно «Законом градоуправителя» (市政官法).

Таким образом, мы видим, что сложившиеся в раннем Средневековье источники не просто существовали, но и косвенно дали толчок для развития достаточно динамично развивающейся отрасли знания, а именно китайской византистики.

1. Hoppál K. The Roman empire according to the ancient Chinese sources // *Acta ant. hung.* 2011. № 51. P. 279–299.

2. Мао Синьсинь, Ли Цян. Байчжаньтин «Шичжэн гуань фа» ичжу [毛欣欣、李强. 拜占庭《市政官法》译注 // 古代文明 2012年第3期]. Перевод и аннотация византийской «Книги эпарха» // *Гудай вэньмин.* 2012. № 3. С. 13–34.

Научный руководитель — канд. ист. наук Д. П. Шульга

Проблема каренского национального движения в Мьянме

А. В. Титова

Новосибирский государственный университет

Среди азиатских стран Мьянма — это одно из наиболее сложных по национальному составу государств. В стране насчитывается 135 этнических групп. Между бирманцами, которые являются этническим большинством, и этническими меньшинствами прослеживаются различия в социально-политическом, культурном и экономическом аспектах, что порождает этнические противоречия [1]. В связи с этим изучение малых народностей Мьянмы интересно и в историческом контексте, и в контексте современных геополитических процессов.

Одна из таких малых народностей — карены. Карены — это группа индокитайских племен, проживающих в основном на юге и юго-востоке Мьянмы. Они занимают территорию штатов Карен, Кая, Мон и Шан, граничат с бирманцами, шанами, чин и др. Среди каренов распространены буддизм, христианство (баптизм), а также сохраняются традиционные верования (анимизм). Всю группу каренских племен можно разделить на три подгруппы, это разделение проводится по языковым и диалектным различиям. Это группы *сго*, *нво* и *бве*. Эти группы народов проживают в гористых местностях, поэтому зачастую они формируют отдельные племена. Таким образом, карены — это собирательное название для большого количества народов и этнических групп, которые проживают на территории Мьянмы, Таиланда и Индии. Традиционно карены занимаются земледелием, разводят быков, буйволов, коз. Развито плетение из бамбука, горнорудное и бронзолитейное дело. На сегодняшний день часть каренов работает на лесозаготовках и рудниках, живет в городах [2].

Рассматривая проблему и особенности каренского национализма, нельзя не обратиться к краткой истории появления этого народа. Хотя племена каренов живут в Мьянме уже более тысячи лет, они никогда не занимали территорию, которая бы была исключительно их. Развитие каренов всегда проходило параллельно с другими народами, которые зачастую составляли большинство. В связи с этим политически подчиненные правящим расам карены подвергались угнетению и эксплуатации. Неизбежным результатом этих условий стала взаимная ненависть между народами. Для каренов такое положение было особенно трагичным, они были убеждены, что их прошлое и традиции утеряны навсегда. Приобретение Британской Ост-Индской компанией в 1827 г. пров. Арракан и Танинтайи на западном и южном побережьях Бирмы не произвело большого впечатления на карен. Тем не менее в колониальные времена часть каренов покинула горные районы и начала

расселяться на равнинах Нижней Бирмы, участвуя во всех аспектах общественной жизни, что также повлияло на становление национального сознания у этого народа.

После Второй мировой войны под руководством Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС), возглавляемой генералом Аун Саной, движение за национальную независимость в Мьянме вступило в новую эру. Бирманцы являлись лидерами этого движения, карены, как и многие этнические меньшинства, также были его частью. Однако у каренов была своя цель. В 1945 г. в Янгоне была создана каренская политическая организация «Каренский национальный союз» (КНС). Несмотря на то что КНС присоединился к АЛНС, настоящей целью каренов было политическое объединение каренов, основание автономной каренской территории под властью британской королевы. Однако нежелание Великобритании разрешать каренский вопрос, обретение Мьянмой независимости и многие другие факторы повлияли на современное положение каренов. До сих пор карены остаются самой важной антиправительственной силой [3].

Таким образом, среди этнических проблем в Мьянме проблема каренов имеет свою особенность: каренское национальное движение отстранено от общегосударственного национализма. Карены до сих пор отстаивают возможность создания независимого государства, военные конфликты с центральным правительством продолжаются по сей день.

1. Сунь Юнь: Чжунго цзай Мьяндянь дэ шиянь — фачжань цу хэпин [孙韵: 中国在缅甸的实验——发展促和平]. Сунь Юнь: китайский эксперимент в Мьянме — развитие для продвижения мира // Центр государственного управления, Пекин. 10.03.2020. URL: <http://www.daguoce.org/article/9/1045.html> (дата обращения: 30.10.20).

2. Marshall H. I. The Karen People of Burma: A Study in Anthropology and Ethnology // A Project Gutenberg of Australia eBook. 2009. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks08/0800061h.html#ch01> (дата обращения: 13.01.2021).

3. Ван Ф. Лунь Мьяндянь дулицяньдэ кэлунь миньцзу вэньти [论缅甸独立前的克伦民族问题]. Обсуждение национального вопроса народа карен после обретения Мьянмой независимости // Дуннань'я [东南亚]. 2005. № 3. С. 47–53.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. А. Комиссаров

Судебный процесс «Мария Луз» — ступень на пути к отмене неравноправных договоров годов Ансэй

В. А. Шиплюк

Новосибирский государственный университет

Правительство Мэйджи стремилось выйти на международную политическую арену в качестве равноправного участника. Отмена договоров годов Ансэй и модернизация были необходимы как доказательство «цивизованности» Японии. Таким образом, перед новыми властями стояла задача пересмотреть законодательство, продемонстрировать владение взглядами гуманизма и либерализма и соответствие принципам Вестфальской системы международных отношений.

Резонансная судебная тяжба с Перу, получившая название «Инцидент Мария Луз», принесла Японии одну из первых дипломатических побед в борьбе против неравноправных договоров годов Ансэй, имевшую значение и для азиатского сообщества XIX в. в целом. Проведенное расследование стало первым судебным процессом, соответствующим международным стандартам, в истории судебной системы Страны восходящего солнца.

Перуанское судно «Мария Луз» было повреждено во время плавания по пути в Перу из Макао. 9 июля 1872 г. оно прибыло в порт Йокогама для починки. С пришвартованного судна, выпрыгнув за борт, бежал китайский рабочий, его подобрал британский военный корабль и передал властям Канагавы. Рабочий сообщил о жестоком обращении с ним и другими китайцами на «Марии Луз» и попросил защиты у японских властей.

Самолично осмотрев судно, британский посланник Р. Г. Уотсон убедился в правдивости донесения: китайские рабочие на «Марии Луз» жили в условиях, близких к каторге. Уотсон обратился к министру иностранных дел Японии Создзие Танэоми с просьбой разобраться в данном деле. Создзима запретил перуанскому судну покидать порт. Более детальное изучение дела установило, что малограмотные китайцы были обмануты: в Макао они заключили контракт, по которому фактически попадали в рабство на судне.

Инцидент рассматривался в японском суде. 26 сентября 1872 г. было вынесено решение по делу, а на следующий день его утвердили: на предварительном слушании перуанскую судоходную компанию признали виновной, всем китайцам было позволено сойти на берег. Перуанская сторона не согласилась с данным вердиктом и пыталась доказать законность контракта. На суде английский адвокат Фредерик Виктор Дикинс, нанятый перуанским правительством, в ответ на аргумент о том, что контракт с китайскими рабочими, по сути, являлся рабским трудом, ссылаясь на продажу проституток в Японии: если это легально, то никакие законы не нарушены.

Японская сторона ответила: даже если в Японии существовало рабство, например продажа проституток, то продавать рабов за границу было запрещено, исходя из чего намерения перуанского капитана отправить китайских рабов из Йокогамы за рубеж противозаконны.

В итоге суд объявил, что действия капитана из Перу нарушили международное право и несовместимы с законодательством Японии. Китайцы были возвращены на родину, к чему правительство Мэйдзи подтолкнуло давление мирового сообщества, на тот момент уже открыто осуждающего работорговлю. А китайское правительство, в свою очередь, поблагодарило японскую сторону за содействие.

Международное судебное расследования инцидента с перуанским судом возымело и негативный эффект: оно раскрыло миру практику продажи людей в Японии, а именно торговлю проститутками из Ёсивары. Женщины были якобы устроены на «временную занятость», не имея возможности уйти с данной работы или же в принципе покинуть сам квартал. Чтобы соответствовать стандартам цивилизованных стран или же хотя бы убедить великие державы в этом, впоследствии, 1 ноября 1872 г., правительство Мэйдзи издало указ о запрете торговли людьми. Проститутки были освобождены от своих контрактов, а их долги аннулированы.

Поскольку тяжба затянулась, было решено прибегнуть к третейскому суду для вынесения окончательного вердикта. В июне 1873 г. дело было передано в арбитраж Российской Империи на рассмотрение императору Александру II. Он должен был рассудить, выплатит ли Япония Перу 500 тыс. иен или нет, а также останется ли в силе решение японского суда. Ознакомившись с материалами дела, Александр II принял решение в пользу Японии.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. В. Варенов

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

УДК 7.072.2

Влияние интернета на женский арт-активизм в современной Японии

К. Е. Басманова

Новосибирский государственный университет

В современном мире интернет стал не только площадкой для самовыражения, но и весьма эффективным инструментом для трансляции своих идей, а также поиска единомышленников. Если раньше японские художницы, поднимавшие такие вопросы, как гендерное неравенство, ксенофобия и расизм, сотрудничали в основном с феминистскими или активистскими журналами и организациями, то с начала XXI в. они, во-первых, получили возможность самостоятельно продвигать свое творчество без посредничества художественных галерей или специализированных изданий, а во-вторых, освоили новые способы взаимодействия со зрителем.

Наиболее ярким примером использования онлайн-пространства для творческого активизма считается японское художественное объединение *Tomorrow Girls Troop* (Отряд девушек завтрашнего дня), чьи участницы не только организуют перформансы на улицах Токио, Нью-Йорка, Осаки и других крупных городов, но и обязательно документируют весь процесс, выкладывая фотографии в общий доступ и сопровождая их небольшими эссе.

Еще одно новшество, привнесенное в творческий процесс интернетом, — возможность прямого диалога с художником. Участницы *Tomorrow Girls Troop* активно призывают к коммуникации и отвечают на вопросы всех желающих. Благодаря тому что в творческом объединении состоят художницы из разных стран, с участницами можно пообщаться как на японском, так и на английском языке.

Это применимо и к другому известному онлайн-проекту под названием *The Blossom Project* (проект «Цветение»). Он начинался как первое японоязычное медиа о психологическом здоровье и социальных проблемах, а сейчас его создательницы простым и доступным языком рассказывают о ситуации с гендерным неравенством в Японии, сопровождая небольшие статьи приятными иллюстрациями в минималистическом стиле.

Помимо этого, с конца 2020 г. участницы *The Blossom Project* начали освещать громкие политические события и социальные процессы, происходящие во всем мире. Делают они это на японском и английском языках. 11 января 2021 г. создательницы проекта запустили *The Blossom Media* — онлайн-журнал о культуре, социальных проблемах и творчестве. Они бесе-

дуют с художницами и активистками на темы гендерного неравенства и стереотипах по поводу женщин в искусстве, а также рассказывают о творчестве независимых писательниц и поэтесс.

Пандемия COVID-19 также оказала влияние на развитие арт-активизма в Японии. Все больше и больше проектов переходят в онлайн и становятся более доступными для изучения. Помимо этого, японские художницы, стараясь охватить больше аудитории, начинают использовать в своей активистской деятельности английский язык, пользуясь помощью своих иностранных коллег по всему миру.

Появляются и новые формы активизма. Художницы из *Tomorrow Girls Troop* приняли участие в создании документального фильма, снятого с помощью программы Zoom. Он посвящен феномену *apaca* — так называют девушек приблизительно от 28 до 32 лет. Это слово тесно связано со стереотипами, которые все еще существуют в японском обществе, и несет негативную окраску. Считается, что именно в этом возрасте женщинам следует обзавестись семьей, поэтому одинокие *apaca* зачастую подвергаются общественному давлению.

Фильм сняла Аюми Мияно — студентка факультета журналистики Технологического университета Дублина (Ирландия). Она связалась с японками разного возраста и социального положения, чтобы задать им пару вопросов. Многие женщины сказали, что чувствовали необходимость одеваться «мило», чтобы казаться более молодой и противопоставить себя остальным *apaca*. Участницы *Tomorrow Girls Troop* выразили надежду, что в будущем японское общество начнет принимать разнообразие и перестанет оказывать давление на женщин из-за их незамужнего статуса.

Судя по анонсируемым проектам, ближайшие несколько лет окажутся весьма продуктивным для арт-активизма в Японии. Будут созданы новые просветительские медиа, художницы организуют еще больше онлайн-выставок, а японские активистки примут участие в международных проектах, которые пройдут онлайн. Таким образом, интернет стал инструментом для включения японских арт-активисток в глобальный культурный и социальный процесс.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Воплощения легенды о Белой змее в кинематографе

Д. И. Болдырева

Новосибирский государственный университет

Современное искусство часто обращается к классическим образцам культуры прошлого, пытаясь через призму традиционных сюжетов осмыслить современность, посмотреть на нее с точки зрения накопленного мирового опыта. Образ змеи и связанные с ней легенды во все времена привлекали внимание деятелей искусства благодаря своей сложной многогранности, двойственности, находящей воплощение подчас в противоположных качествах.

Одним из самых знаменитых образов змеи является Белая змея, одноименная легенда о которой известна в Китае, Корее и Японии. Впервые эта фольклорная история была зафиксирована известным писателем и деятелем китайской культуры Фэн Мэнлуном, жившим в XVII в. Она вошла в его рукопись «Слово простое, мир предостерегающее», которая, в свою очередь, стала частью созданного им «Троесловия».

Самое первое киновоплощение этой легенды относится еще ко времени немого кино. Фильм в двух частях был выпущен в 1926 г. начинающей гонконгской компанией *Shaw Brothers*, будущим титаном киноиндустрии Гонконга. К сожалению, фильм был утерян. С тех пор легенда была экранизирована еще 24 раза. Некоторые доступные киноадаптации стали предметом нашего исследования.

Интересен японский цветной фильм Сиро Тоэда, вышедший в 1956 г. (яп. 白夫人の妖恋). Несмотря на напряженность в отношениях между Японией и Китаем после Второй мировой войны, фильм сделан в сотрудничестве с все той же компанией *Shaw Brothers*. Важно отметить, что в данной экранизации легенды сделан акцент в первую очередь на невозможности юноши Сю Сюаня и Байшэ быть вместе из-за разницы в материальном положении: Байшэ здесь показана как девушка, обладающая богатствами, от которых в силу своего положения отказывается юноша.

Самая первая анимационная версия этой легенды (яп. 白蛇伝 *Хакудзядэн*) появилась в 1958 г. в Японии. Так же как и фильм, мультфильм был призван способствовать разрядке сложных послевоенных отношений между Японией и КНР. Важно отметить, что в данной экранизации в центре сюжета находится Сю Сюань и его приключения, как это было зафиксировано Фэн Мэнлуном в оригинальной легенде. В отношении самой Байшэ сделан акцент на перевоплощениях, она показана как дух, способный превращаться в разных земных существ. Одновременно ее характер раскрывается через ее отношения с двумя спутниками: пандой и красной лисой, которых не было в оригинальной трактовке легенды.

Современная индустрия дорам тоже часто обращается к классическим сюжетам. В 2019 г. в Китае вышла 36-серийная экранизация знаменитой истории (кит. 新白娘子传奇). В дораме особый акцент делается на влиянии буддийских традиций на классический сюжет, что повлекло за собой ряд сюжетных изменений. Благодаря большому количеству серий появилось много новых второстепенных персонажей и их линий, изменился также и характер классических персонажей: монах Фа Хай, например, в данном варианте показан скорее как положительный персонаж. Белая Змея представляется как существо из другого измерения, совершенно чужая и растерянная девушка-оборотень в мире смертных людей.

В этом же году выходит в свет еще одна мультипликационная версия (кит. 白蛇缘起), над которой работали китайские и американские аниматоры, поэтому конечный результат представляет собой синтез современных технологий и древней легенды. Данная экранизация является сильно измененной трактовкой легенды об отношениях девушки-демона и земного юноши Сю Сюаня, даже общая предыстория была в корне изменена: девушка только по ходу сюжета узнает о своих магических свойствах, а юноша здесь вовсе не врач, а ловец змей, что делает сюжет еще более витиеватым. Белая Змея (в данной экранизации ее имя Бланка) показана как обычная земная девушка, в отличие от первых экранизаций, совершенно простая и не пытающаяся возвыситься над Сю Сюанем за счет более высокого материального положения. Видно, как неумело она пользуется своей возможностью перевоплощаться и как сильно это мешает ее отношениям с окружающими. Однако она все равно остается исключительно положительным персонажем, которому в данном случае была противопоставлена Зеленая Змея, постоянно мешавшая их связи с юношей. В 2021 г. выходит продолжение этой истории «白蛇2:青蛇劫起».

Легенда о Белой Змее является одной из четырех самых известных легенд Китая, а судя по ее востребованности в современном кинематографе, она сохранила свою актуальность и востребованность у зрителя наших дней.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Театральные интерпретации сюжета романа «Путешествие на Запад»

К. И. Дедюхина

Новосибирский государственный университет

Знаменитый китайский роман «Путешествие на Запад» литератора У Чэньэня (1500–1582) тесно связан со сценическим искусством. После выхода романа одним из основных источников распространения сюжета стала опера «Путешествие на Запад», существовавшая во множестве вариантов. Во времена династии Цин по указу императора Канси (1654–1722) старая версия оперы была переработана, что ознаменовало собой появление новой дворцовой редакции оперы. Она стала заметным явлением зрелищного искусства в истории китайской оперы, апогеем театрального воплощения романа «Путешествие на Запад».

По продолжительности представления выделяют длинные оперы и циклы опер (大戏 *даси*), основой для которых служат классические литературные произведения Китая, в том числе «Путешествие на Запад». Особое место среди театральных постановок по сюжету романа занимают пьесы о Царе обезьян Сунь Укуне (猴戏 *хоуси*). Количество представлений о Царе обезьян удивляет своим количеством и разнообразием художественных интерпретаций. Примером такой сценической постановки выступает опера «Переполох в Небесных чертогах», которая представляет собой эпизод из романа. Пьеса состоит из десяти действий, где главным действующим лицом является Сунь Укун — невероятно популярный в Китае оперный персонаж. Его сценическая жизнь началась в XIII в., с того времени зрелищные спектакли про Царя обезьян завоевали исключительную популярность по всему миру.

Отличительную особенность спектаклей традиционной Пекинской оперы о Царе обезьян представляют сцены с использованием приемов *ушу*. Поскольку представления о Сунь Укуне изобилуют акробатическими трюками и боевыми сценами, по оперной традиции Китая роль Царя обезьян относят к соответствующему амплу (武生 *ушэн*). Для полного раскрытия характера персонажа применяются такие техники *ушу*, как манипулирование различным оружием и театральными предметами, акробатика, жонглирование.

Изучению театральных интерпретаций знаменитого романа в Китае уделяется много внимания, что задает актуальность исследований и среди российских востоковедов.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Принципы музыкальной терапии в Китае (на примере тибетских «поющих чаш»)

А. С. Евенко

Новосибирский государственный университет

Музыка и медицина в Китае издавна были тесно связаны друг с другом. Музыкальная терапия прошла долгий путь от использования музыки в древности как лекарства от различных болезней до настоящего времени, сохраняя при этом свои культурные и исторические особенности.

Первые сведения о музыкальной терапии содержались в двух ранних трактатах Китая.

Так, в сочинении «Записки о музыке» (樂記 Юэцзи, 476 г. до н. э.) подчеркивалось, что музыка являлась неотъемлемой частью жизни общества, что одна из ее главных задач — социально-культурная функция [1, с. 117]. При этом отмечалась тесная связь музыки и чувств: «Все музыкальные звуки рождаются в сердце человека. Чувства зарождаются внутри человека и воплощаются в виде звуков; когда же все эти звуки приобретают законченность, их называют музыкальными тонами» [2, с. 330].

В другом произведении — «Трактат Желтого Императора о внутреннем» (黃帝內經 Хуанди нэйцзин, 221 г. до н. э.) — сказано, что с помощью звуков пентатоники (宮 гун, 商 шан, 角 цзюэ, 徵 чжи и 羽 юй) можно лечить внутренние органы человека (селезенку 脾 пи, печень 肝 гань, сердце 心 синь, почки 腎 шэнь, легкие 肺 фэй) [3, с. 31]. Принципы музыкальной терапии предполагали прослушивание мелодий не только в определенное время, но и в исполнении определенных инструментов. Прослушивание мелодии для того или иного органа было необходимо в часы его максимальной активности с целью оптимального лечебного эффекта. В трактате при этом говорилось о методах «пропевания слов», воздействие которых на организм обуславливается воздействием вибраций [4, с. 54].

Яркий пример развития традиций музыкальной терапии в Китае представляют собой тибетские «поющие чаши» (西藏唱鉢 сицзан чанбо), являющиеся одновременно феноменом и музыкальной, и медицинской культуры. Неслучайно в последние годы в Китае набирают популярность методы индивидуальной и групповой терапии со «звуковым массажем» разных частей тела. Несмотря на то что в настоящее время сам факт терапевтического воздействия «поющих чаш» установлен, тем не менее феномен воздействия вибраций на организм человека еще недостаточно изучен. Определение степени и характера влияния вибраций и звуков «поющих чаш» на человеческий организм представляет собой сложную и комплексную научную проблему.

При изучении истории использования «поющих чаш» возникает вопрос об их происхождении. На настоящий момент не обнаружено репрезентативных письменных и вещественных источников, проливающих свет на раннюю историю «поющих чаш». Многие музыкальные трактаты и исторические документы были утрачены в результате военной оккупации китайскими коммунистами в Тибете, когда было разрушено более 90 % всех монастырей и храмов.

Скорее всего, прототипом «поющих чаш» был музыкальный инструмент типа гонга (锣), который имеет китайское происхождение [5, с. 30]. Если говорить о способах звукоизвлечения, то обычно используются деревянные стики разной формы и разного размера. Круговыми движениями стиком водят по краю металлической чаши, исходящий звук нарастает волнами словно из глубины: основной звук дополняется значительным числом обертонов по волновому принципу, каждый звуковой круг звучит по-разному. Видимо, на качество звука влияют особенности сплавов металлов 8–11 видов.

Таким образом, использование тибетских «поющих чаш» в терапевтических целях представляет собой интересный феномен, демонстрирующий значимость воздействия музыки на разные сферы человеческой жизни.

1. Ли цзи / пер. отд. гл. И. С. Лисевича, Р. В. Вяткина, В. Г. Бурова // Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1973. Т. 2. 385 с.

2. Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006; 2010. Т. 6 (доп.). Искусство. 727 с.

3. Хуан-ди нэй-цзин / пер. Б. Б. Виноградского. М.: Изд. дом «Профит Стайл», 2007. 384 с.

4. Шушарджан С. В. Здоровье по нотам. М.: Восток-Запад, 1994. 170 с.

5. Буцык П. И. Традиционные тибетские музыкальные инструменты: классификация // Вестн. КИГИ РАН, 2016. С. 29–40.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войгишек

Актуальность изучения китайских исторических брендов

А. А. Емельяненко
Новосибирский государственный университет

Китайские исторические бренды 中华老字号 *чжунхуа лаоцзыхао* — это торговые марки с долгой историей, «владеющие продукцией, технологиями или услугами, которые передаются из поколения в поколение, с ярко выраженными традиционными китайским культурными особенностями и глубоким культурным содержанием, которые получили широкое признание в обществе и сформировали положительную репутацию» [1]. В 2006 г. Министерство торговли КНР выпустило официальный документ — «Стандарт определения *лаоцзыхао*», согласно которому фирма может быть названа китайским историческим брендом только при условии соответствия следующим пунктам: 1) фирма должна владеть товарным знаком или правом на его использование; 2) бренд должен быть основан до 1956 г. включительно; 3) передавать из поколения в поколение знания о производстве уникальной продукции, технологии или услуги; 4) обладать собственной корпоративной культурой, которая наследует прекрасные традиции китайской нации; 5) иметь китайские национальные особенности и отличительные региональные культурные особенности, а также историческую и культурную ценность; 6) иметь хорошую репутацию и пользоваться широким признанием и одобрением общества; 7) обладать хорошим состоянием хозяйственной деятельности и сильным потенциалом устойчивого развития [1].

Исторические бренды — достаточно редкое явление в современном мире. Их сфера применения локализуется в следующих видах предпринимательской деятельности: продовольственные магазины китайских традиционных специй, сладостей, продуктов местных кухонь; аптеки традиционной китайской медицины; кафе и рестораны; магазины предметов ремесла и искусства (в том числе и магазины, занимающиеся продажей «четырёх сокровищ из кабинета ученого»); магазины тканей, традиционной китайской одежды, обуви, головных уборов и т. д.

Китайские исторические бренды оказали большое влияние на современную китайскую культуру. Например, одно из самых известных ныне блюд Сычуаньской кухни *мапо тофу* (жареный тофу с фаршем и перцем в остром соусе) своим появлением обязано небольшому семейному магазину семьи Чэн в г. Чэнду (пров. Сычуань). Чэн Мапо, урожденная Лю, родилась в 1804 г., впоследствии вышла замуж за Чэн Чуньфу, и они вместе в 1824 г. открыли маленький магазин по продаже вегетарианской пищи, где заведовала очень способная и трудолюбивая хозяйка Чэн Мапо [2].

С точки зрения филологии большой интерес для исследования представляют прежде всего словесные обозначения китайских исторических брендов. Нейминг — процесс разработки наименования бренда или компании — имеет большое значение в современных бизнес-процессах, он определяет успех продвижения компании на рынке, признание продукции или услуги потребительской аудиторией.

В названиях китайских исторических брендов проявляются базовые ценности китайской культуры: концепция «единства Неба и человека», вера в предопределение. Китайцы верят в судьбу 命 *мин*, которую дарует Небо, с целью привлечения удачи и обретения хорошей судьбы они часто используют благожелательные иероглифы. Цинский интеллектуал Чжу Пэншоу (1869–1950) уже в конце XIX в. обратил внимание на закономерности в наименованиях китайских исторических брендов, выделил 56 наиболее часто употребляющихся в названиях иероглифов и сложил из них стихотворение [3]. Семантика этих иероглифов содержит благопожелательный смысл.

Исторические бренды также используют и названия категорий конфуцианской философии, такие как 德 *дэ* «добродетель», 仁 *жэнь* «человеколюбие», 同 *тун* в значении «Великая гармония».

Изучение словесных обозначений китайских исторических брендов имеет важное значение как для понимания современной китайской культуры в целом, так и для изучения деловой культуры в частности. Сегодня многие иностранные компании предпринимают попытки завоевать китайский рынок, для чего прилагают серьезные усилия для адаптации своих торговых марок к условиям китайского рынка.

1. Чжунхуа лао цзыхао жэньдин гуйфань (шисин) [“中华老字号”认定规范 (试行)]. Стандарт определения китайских исторических брендов. Интернет-портал Министерства Коммерции КНР. 20.09.2012. URL: <http://ltfzs.mofcom.gov.cn/article/aw/201209/20120908348719.shtml>

2. Се Му, У Юнлянь. Чжунго дэ лаоцзыхао (Шан цэ) [谢牧, 吴永良. 中国的老字号 (上册)]. Пекин: Цзинцзи жибао чубаньшэ, 1988. 355 с.

3. Ли Гэн. Бэйцзин лао цзыхао чанъюнцзы цзюэ [李贻. 北京老字号常用字决]. Секрет самых часто употребляемых слов в названиях старых брендов Пекина // Бэйцзин данъань. 1989. № 5. С. 34.

Научный руководитель — Т. Г. Завьялова

Молодежные субкультуры в Южной Корее

А. А. Жигульская

Новосибирский государственный университет

Термин «субкультура» относительно недавно был введен в научный оборот, и в настоящее время в научном сообществе существует большое количество формулировок определения «субкультура». Субкультура — знаковая и нормативная система, способная к самовоспроизводству и относительно автономная в рамках более широкой системы культуры. Существует набор факторов, признаков, символов, характеризующий субкультуру как систему и помогающий выделить субкультуру среди других культурных группировок [1].

Работы, положившие начало исследованию субкультуры, обуславливаются необходимостью объяснить девиантное поведение молодых людей, отклоняющихся от социального здравого смысла. Другими словами, представление о субкультуре как о девиантности тесно связано с проблемой неудач социализации или дезадаптации, соотносимой с определенными периодами жизни, такими как бунтарские или переходные периоды. Молодежная субкультура в исследованиях, подчеркивающих девиантность субкультур, обычно рассматривается как имеющая отрицательные характеристики в целом. Маргинальность субкультуры часто связывается с метафорами сопротивления, выходящими за рамки маргинализации и исключения. В этом случае субкультура становится напоминанием о различиях и антагонизме, которые существуют между двумя крайностями управления и субконтрольной культурой. Таким образом, субкультура присваивает себе главенствующую позицию в социальной стратификации общества.

Термин «субкультура» — это прогрессивное понятие. В Корее термин «прогресс» означает политическую ориентацию. В словарном смысле прогресс — это не просто концепция противостояния консерватизму, а универсальное противодействие регрессу человечества [2].

В Южной Корее с конца XX в. начинают формироваться субкультуры, достигшие пика своего развития уже в современном обществе. Условно их можно разделить на три группы, основываясь на сфере, в которой они наиболее востребованы у молодежи: интернет-субкультуры (Ольчан — лучшее лицо, Мокпан — интернет-вещание приготовления или употребления пищи), социальные (хиппи, клубная культура, Твэнджаннам/нё — молодежь, представляющая высший социальный класс) и музыкальные (кей-поп — корейская популярная музыка, андерграунд — хип-хоп и граффити).

Автором был проведен социологический опрос в рамках данного исследования, в результате которого было выявлено, что все эти субкультуры

имеют отличительный набор характерных признаков, символов, следовательно, могут называться субкультурами.

Благодаря синтезу и анализу текстовых источников, в частности социологических и антропологических исследований, удалось выявить особенности корейской молодежной культуры, проследить ее отличия от западной. В Корее, так же как и на западе, субкультура представляется как общность, имеющая отличные от основной культуры ценности и этические нормы. В корейской социологии девиантное поведение человека не связывается с субкультурой, является аномальным явлением, исключением из правил, в то время как на западе девиантное поведение считается почвой для зарождения субкультуры.

1. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.

2. Хэбдиджи Д. Хавимунхва [하위문화]. Субкультура. URL: http://contents.kocw.or.kr/contents/document/lec/2012/KonKuk/ChoHyeyong/9.pdf&cc_key=

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. С. Шмакова

**Изменение статуса облавных шашек *вэйци*
в китайском обществе в эпоху Сун (960–1279)**

Д. М. Захарова

Новосибирский государственный университет

Традиционная китайская настольная игра 圍棋 *вэйци* в России известна под названием «облавные шашки». Игроки сражаются на доске, разделенной 19 поперечными и 19 продольными линиями, с помощью 360 белых и черных камней. Основная цель игры состоит в том, чтобы окружить камни противника и занять большую часть его территории [1, с. 51–53].

Игра *вэйци* с давних времен пользовалась большой популярностью в Китае. Она привлекала правителей, военачальников и ученых благодаря тому, что сочетала в себе основы философии и военной стратегии. Однако, несмотря на свою популярность, изначально игра подвергалась критике со стороны китайских философов и литераторов.

Так, в собрании высказываний Конфуция «Лунь юй», составленном его последователями, явно прослеживается снисходительное отношение к шашкам. Судя по тексту, Конфуций хоть и не предавал игре жесткой критике, но считал ее ненамного лучше безделья и чревуоудия. Мэн-цзы, другой видный представитель конфуцианской традиции, признавал, что игра требует концентрации и внимания, но все же отмечал, что искусство играть в шашки лишь «небольшое». Кроме того, Мэн-цзы упоминал игру в облавные шашки, описывая проявления сыновьей непочтительности. Такое отношение к облавным шашкам, вероятно, было обусловлено тем, что в период становления конфуцианства большое внимание уделялось обучению и сыновьей почтительности, в то время как игра *вэйци* расценивалась как азартное развлечение, которое могло отвлекать от исполнения долга [2, с. 87; 3, с. 98, 164].

Подобную точку зрения можно проследить и в эссе Вэй Яо, появившемся после падения династии Хань (206 г. до н. э. — 260 г. н. э.) и полностью посвященном критике игры в облавные шашки. Автор утверждал, что его современники не уделяют должного внимания Пяти канонам и искусству управления, а лишь развлекаются игрой в *вэйци*. Вэй Яо был недоволен тем, что ученые люди пренебрегают своими обязанностями, бросают все дела и проводят весь день за игрой, забывая даже есть и пить [4, с. 6].

Выступая против шашек *вэйци*, китайские литераторы подвергали критике праздный образ жизни и пренебрежение своими обязанностями среди ученых людей. Однако отношение к игре в обществе полностью изменилось с развитием неоконфуцианства в эпоху Сун (960–1279), когда ортодоксальные идеи, которых придерживалось китайское общество, во многом начали

предаваться переосмыслению. Вместе с этим изменилось и отношение к интеллектуальным играм, в том числе и к *вэйци*.

Большую роль в изменении отношения к игре на рубеже XI–XII вв. сыграло появление «Канона *вэйци* в 13 главах» (棋经十三篇 *Цицзин шисань пянь*) Чжан Ни. В нем автор рассматривал облавные шашки в связи с китайскими представлениями о нумерологии и мироустройстве, выделял моральные качества игрока в *вэйци*, которые совпадали с характеристиками благородного мужа. К примеру, игрок должен был обладать великодушием и скромностью, отдавая все силы достижению победы. Автор также напрямую связывал игру с военным искусством, рассматривая ее как иллюстрацию идеала воинской добродетели [5, с. 19–22].

«Канон *вэйци* в 13 главах» послужил отправной точкой в изменении отношения к облавным шашкам в китайском обществе: впоследствии критика была забыта, а сама игра приобрела высочайший статус. Игра в шашки широко распространилась в научной среде, в разных сферах культуры появилось большое количество произведений, посвященных ей. Среди писателей эпохи Сун можно упомянуть таких знаменитых государственных деятелей и поэтов, как Оуян Сю, Фань Чжунъян, Ван Аньши, Су Дунпо. Большое внимание к игре среди ученой элиты закрепило за ней высокое положение в китайском обществе, что в дальнейшем неизменно содействовало укреплению ее авторитета. В настоящее время высокий статус игры в облавные шашки (кит. *вэйци*, кор. *падук*, яп. *го*) сохраняется во всех странах Восточной Азии, о чем красноречиво свидетельствуют достижения сильнейших игроков региона.

1. Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 312 с., 44 илл.

2. Конфуций. Лунь Юй / исслед., пер. с кит., коммент. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 588 с.

3. Мэн-цзы / под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 272 с.

4. Zanon P. The opposition of the literati to the game of weiqi in Ancient China // Asian and African Studies. 1996. 74 p.

5. Чжан Ни. Цицзин шисань пянь [张拟。棋经十三篇]. Канон *вэйци* в 13 главах. Пекин: Чжунго сицзюй чубаньшэ, 2000. 385 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Роль игровых традиций в становлении японского чайного комплекса «семь ритуалов»

А. В. Зинченко

Новосибирский государственный университет

«Семь ритуалов» 七事式 *ситидзи-сики* — это особый комплекс церемоний в рамках японского чайного искусства *тя-но ю*, специфическая ритуализованная форма совместного чаепития, включающая четко регламентированное общение между хозяином и гостями.

Комплекс «семь ритуалов» включает в себя следующие церемонии: 花月 *кагэцу* («цветы-луна»), 且座 *сядза/садза* («немного посидеть»), 廻り花 *мавари-бана* («цветы по кругу»), 廻り炭 *мавари-дзуми* («уголь по кругу»), 一三 *ити-ни-сан* («один-два-три»), 茶カブキ *тя-кабуки* («чайное представление *кабуки*»), 数茶 *кадзу-тя* («чай для большого количества человек») [1, с. 182–187]. Внешне «семь ритуалов» выглядят как игровые формы чайного действия, в которых участвуют пять-семь человек, но при этом они представляют собой уникальную форму практики, включающей не только тщательную шлифовку приемов и навыков в проведении чайной церемонии, но и получение эстетического удовольствия от самого процесса. Другими словами, строгое следование предписаниям и правилам соседствует с некоторым отходом от них.

При этом церемонии также обладают и сакральным значением: зачастую в них используются предметы и аксессуары, характерные для проведения буддийских ритуалов. Церемонии постоянно развиваются и совершенствуются. Так, с момента появления практики *кагэцу* появилось большое количество вариантов ритуала, отличающихся порядком проведения и используемым инструментарием [2, с. 9–14].

Несмотря на это, дзэнский характер церемоний почти не претерпевает изменений ни с точки зрения внешнего уровня, характерного для чайной церемонии как концепта, ни с точки зрения уровня внутреннего, свойственного церемониям комплекса «семи ритуалов» как в совокупности, так и для каждого ритуала в частности (в основе каждой церемонии лежит определенное дзэнское понятие, которое задает порядок проведения ритуала и обуславливает его сакральное значение) [3, с. 90–91].

Перечень церемоний был утвержден 7-м патриархом чайной школы Омотэсэнкэ Дзёсинсаем совместно с 8-м патриархом школы Урасэнкэ Югэнсаем в первой половине XVIII в. В этой концепции отразились основополагающие принципы дзэнского мировоззрения [4, с. 10–11].

При этом предпосылки для возникновения данных ритуалов возникли гораздо раньше — примерно в XVI в. Они были связаны с увеличением

роли чайных игровых поединков 鬪茶 *то:тя* среди горожан, цель которых заключалась в разнообразных состязаниях участников церемоний по отгадыванию сортов воды и чая, сушке листа, взбиванию пены в напитке, ее художественному оформлению в чаше и др. Несмотря на то что данные чайные поединки проводились и в период Камакура (1185–1333), широкое распространение они получили только после падения правящего военного сословия, что привело к постепенной нивелировке аскетичного образа жизни самураев.

Таким образом, чайное действо вышло за пределы религиозных церемоний в сферу развлечений, что открыло путь для создания множества комплексов игровых практик, в том числе комплекса «семь ритуалов» [5, р. 181]. Анализ содержания комплекса «семь ритуалов», подобно чайным поединкам *то:тя*, свидетельствует о наличии особого переходного этапа от чаепития, имеющего сугубо религиозное или медицинское значение, к мероприятию светскому.

С начала XX в. искусство чайной церемонии *тя-но ю* стало рассматриваться в качестве общедоступного увлечения. В результате «семь ритуалов» превратились в распространенную практику в чайных школах, особенно в рамках чайных центров Омотэ-сэнкэ и Ура-сэнкэ в разных регионах Японии, но по-прежнему почти не известны за пределами страны.

Анализ указанных ритуальных практик практически не встречается в отечественной и зарубежной научной литературе (за исключением исследования Е. Э. Войтишек, где данные ритуалы рассматриваются в контексте развития традиционной игровой культуры [1]). Это обстоятельство обуславливает актуальность данной работы.

1. Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: НГУ, 2011. 312 с.

2. Хориноути Со:син. Семь ритуалов. Кагэцу [七事式 花月]. Сэкай бункася, 2008. 111 с.

3. Хориноути Со:кан. Ситидзи-сики [七事七]. Токио: Сюфу-то-сэйкацуся, 1989. 215 с.

4. Сэн Со:сицу. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Токио: Танко:ся, 1977. Ч. 1. 230 с.

5. Paul Varley, Isao Kamakura. Tea in Japan: Essays on the History of Chanoyu. University of Hawaii Press, 1989. 285 p.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Этнический орнамент в современной культуре Бурятии

М. В. Иванова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

На сегодняшний момент сохранение и популяризация культурного наследия является важной составляющей жизни каждого этноса, что непосредственно влияет на развитие национального искусства и декоративно-прикладного творчества. Наиболее наглядно это проявляется в расширении сети магазинов, торгующих изделиями этнической тематики: керамикой, текстилем, ювелирной продукцией и т. д.

Самым ярким среди них является студия керамики в этническом стиле «Домбо». Здесь представлена авторская посуда, совмещающая в себе современность и традиции, и ручная сувенирная продукция. Из представленного ассортимента магазина можно выделить некоторые серии, отражающие основные типы бурятского орнамента: коллекции «Снежный», «Дзен», «Три игры мужей», «Сагаалган», «Графика», «Бурятские мотивы», «8 драгоценностей», «Кочевник». Названия коллекций в целом следуют за типологией бурятского орнамента, которая включает в себя *улзы* — геометрические, *шоу* — зооморфные, *сэсэг угалза*, *набшаһан угалза* — растительные, *алхан хээ* — космологические и буддийские мотивы.

Столовый сервиз «Снежный» отражает понятие о прекрасном в народном представлении бурят, которое было связано с красками природы, цвета которой господствовали и в произведениях народного творчества:

- голубой — цвет неба, символ верности и постоянства;
- зеленый — цвет травы, символ роста и размножения;
- белый — цвет, в древности символизировавший солнце.

Самым масштабным элементом композиции изделий является зооморфный орнамент *шоу* или, иначе говоря, черепаший панцирь, который окружен роговидными орнаментом, символизирующим плодородие, богатство, изобилие, процветание, переплетающийся с растительными мотивами. На небольшом расстоянии находится чередующийся орнамент 4-глазковый *улзы*, символизирующий пожелание счастья, долголетия, благополучия с растительными формами. Края посуды, в данном случае тарелки, обрамлены двумя окантовочными полосами. В самой крайней полосе содержится упрощенное изображение цветка лотоса. Цветок лотоса символизирует чистоту и просветление. Каждый орнаментальный мотив на предмете выражает символическое благопожелание владельцу: счастья, радости, чистоты и благородства помыслов, блага в будущем, силы, могущества.

Очень популярный среди местных жителей и гостей республики этно-магазин «Серебряная мода» специализируется на ювелирных изделиях,

выполненных в традиционных техниках ажурной филигрании, инкрустации из цветных камней: коралла, лазурита, бирюзы и т. д. Интересными по исполнению и форме являются инкрустированные малахитом серебряные серьги «Дацан». Их дизайн отражает значение буддийской культуры в восприятии общей национальной культуры бурят. Верх изделия по форме напоминает крышу буддийских пагод, украшенную растительным мотивом в технике филигрань с зернением. Нижняя часть содержит литую часть орнамента *шоу* с прикрепленными к нему тремя конусовидными формами, отражающими традиционные трихотомические понятия о верхнем, среднем и нижнем мирах, о прошлом, настоящем и будущем.

Этномаркет ZAM имеет более широкий товарный ряд, включающий бижутерию, ювелирные украшения, панно, подставки для благовоний, одежду в этническом стиле, канцелярию, сувениры, и позиционируется как бренд, отражающий экологические векторы бурятской культуры. Так, например, сумка-шопер белого цвета из холщового материала украшена традиционным орнаментом *дугуй хээ* символом вечности, цикличности, бесконечности природы. Метафорический образ этого орнамента наполнен изображениями облаков — *үлэн угалза*, *уһан*, *уула* символом духовного развития и совершенствования; воды — *уһан* символом плодородия; горы *уула* символом стойкости и постоянства.

В целом современный рынок Бурятии, представляющий изделия декоративно-прикладного характера, достаточно разнообразен. Привлекательность этнического орнамента составляет не только эстетическая составляющая, но и глубокое символическое значение, зачастую не вполне осознаваемое современным обитателем. Для людей прошлого орнамент чаще всего воспринимался как элемент защиты и носитель информации, что придавало ему огромную ценность.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э. А. Неманова

Эстетические принципы пекинской оперы *цзинцзюй*

К. С. Исаева

Новосибирский государственный университет

Эстетика пекинской оперы, сформировавшаяся в результате многовекового развития жанра, базируется на принципах, диктующих особенности театрального представления.

Цзинцзюй, являя собой синтетический феномен, делает акцент на взаимодействии музыки и хореографии для раскрытия фабулы повествования.

Основой эстетики также является заимствованный из китайской живописи принцип условности *写意 се-и*, подразумевающий манеру письма, направленную на условно-обобщенное отображение образа. Известный актер Мэй Ланьфан высказывал свое мнение о принципе *се-и*: «Актер изображает езду верхом, езду на повозке, в паланкине, открытие/закрытие дверей и иные сцены путем условных движений руками, взглядов, шагов. Все методы сконцентрированы на отображении жизни через художественную гиперболизацию и помогают зрителю понять цель каждого движения» [1]. Главными методами создания сценического образа являются форма *程式 чэньши* и мнимость предмета *虚拟 сюйни*. Мнимость предмета «стремятся отойти от фотографической точности и изобразить лишь сущность предмета» [2], вследствие чего декоративная сторона спектакля сведена к минимуму. Символизм является важным эстетическим принципом и присутствует во всех аспектах театрального действия, как, например, костюмы героев.

Цзинцзюй также уделяет особое внимание гиперболизации. Искусство грима, служащее как эстетическим, так и информационным целям, представляет собой символическую гиперболу. Гиперболизация лежит и в основе сценического движения: гнев героя передается вибрацией растопыренных пальцев, актер с остервенением отбрасывает в сторону свою бороду и кажется, что его буквально «трясет от ярости».

Важным принципом является принцип округлости *圓 юань*. Сценическое движение подчиняется принципу округлости: актер будет поднимать свою руку дугой слева направо, чтобы указать на объект, расположенный по правую сторону. Развороты в пространстве выполняются по кругу или S-образной траектории. Даже траектория движения глазных яблок подчинена этому принципу. Принцип *юань* связан с восточной философией: движение по кругу на квадратной сцене представляет собой аллегория на конфуцианские и даосские представления о том, что небо круглое, а земля квадратная. Цикл движения открывается и завершается позой *亮相 лянсян*. Поза *лянсян* несет в себе не только эстетический смысл, но и элемент молча-

ния, который в древности символизировал начало становления внутреннего мира человека [3]. Эстетика *лянсян* также связана с принципом округлости: поза лишена острых углов.

Эстетика *цзинцзюй* представляет собой сложную систему из взаимосвязанных принципов, являющихся основой актерского мастерства. Принципы театральной традиции ориентированы на совмещение символического и реального в художественном образе, не исключая интереса к исторической правде и деталям быта. Синкретизм китайской культуры проявляется в синкретизме эстетических принципов *цзинцзюй*, являющейся синтетическим видом искусства: идеи традиционной живописи, декоративно-прикладного искусства, теоретической мысли и философских школ Китая оказывают влияние на эстетику пекинской оперы и представляют собой основу сценического искусства.

1. Мэй Ланьфан. Мэй Ланьфан цюаньцзи [梅兰芳。梅兰芳全集。北京：中国戏剧出版社]. Полное собрание сочинений Мэй Ланьфана. Пекин: Чжунго сицзюй чубаньшэ, 2016. Т1. 435 с.

2. Серова С. А. Пекинская музыкальная драма. М.: Наука, 1970. 196 с.

3. Серова С. А. Ритуал и театр (проблема модернизации Китая) // Тр. объедин. центра проблем космического мышления. М.: Международная общественная организация «Международный центр Рерихов», 2009. С. 264–293.

Научный руководитель — канд. ист. наук М. А. Кудинова

Особенности масляной живописи в Китае

Д. В. Кожухар

Новосибирский государственный университет

История масляной живописи Китая насчитывает чуть более 100 лет. Знакомство с данной новой для восточного искусства техникой связано с деятельностью европейских миссионеров XVI–XVIII вв., но изначально эти приемы живописи не были до конца приняты и поняты в Китае. В конце XIX — начале XX вв. китайские художники получили возможность учиться в специализированных учебных заведениях Европы. Перед ними стояли сложные задачи: не только освоение техники работы маслом на холсте, но и формирование национальной живописной манеры в данной области искусства. Постепенно китайским художникам-реалистам удалось синтезировать опыт западной и восточной традиций, что привело к расширению живописной тематики, на картинах больше внимания стало уделяться проработке деталей, работе со светотенью, на смену рассеянной перспективе пришла линейная, которая являлась полным подобием зрительного восприятия человека. Вместе с тем реалистическая живопись продолжала осмысляться китайскими мастерами с точки зрения восточной философии, в ней они видели возможность выразить традиционные системы идей и ценностей новыми методами.

Сюй Бэйхун (1895–1953) и Линь Фэнмянь (1900–1991) — новаторы, впервые соединившие на холсте традиции Запада и Востока. Оба получили образование в Париже. Сюй Бэйхун открыто говорил о необходимости реформ в художественном образовании, полагал, что западный опыт пойдет Китаю на пользу. В своих работах портретного и исторического жанра он уделял внимание как необходимости внешнего сходства с натурой, так и обязательной передачи внутреннего видения художником изображаемого человека или предмета. Линь Фэнмянь также выступал за сочетание живописных приемов Китая и Запада, но, в отличие от своего соотечественника, больше интересовался такими модернистскими течениями, как импрессионизм и экспрессионизм. Творчество импрессионистов оказало влияние и на Пань Юйлянь (1895–1977) — первую крупную художницу XX в. в Китае и первую женщину, работающую в западном стиле. Самые известные ее работы — фигуры обнаженных женщин, за что художница часто подвергалась критике и в конечном итоге покинула Китай. Интересны также ее яркие цветовые решения («Русская девушка», «Автопортрет»). Примечательны также работы ученика Линь Фэнмяня — китайско-французского художника Чжао Уцзи (1921–2013). Он знаменит своими работами в жанре абстракции и успешно сочетал его с техниками живописи тушью, в особенности с прие-

мами техники *се-и* («живопись идеи») — плавными цветовыми переходами, подтеками, «прозрачностью», при этом работая масляными красками.

Важно также отметить влияние советской реалистической школы на формирование китайской масляной живописи. В то время множество китайских художников получали свое образование в специализированных учебных заведениях СССР, а советские педагоги вели преподавательскую деятельность в КНР. Так, в Ленинградском государственном институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина учились известные китайские искусствоведы, художники и педагоги Шао Дачжэнь (1934 г. р.) и Чжан Хуацин (1932 г. р.) и др., а К. М. Максимов (1913–1993), преподаватель Суриковского художественного института, в 1955–1957 гг. организовал курсы обучения живописи маслом в Центральной академии художеств Китая. Многие его ученики, например Цзинь Шанъи (1934 г. р.), Чжань Цзяньцзюнь (1931 г. р.) и др., позже стали известными мастерами реалистической живописи.

Из современных художников-реалистов можно выделить Ло Чжунли (1948 г.р.). Пожалуй, самая впечатляющая его работа, написанная в стиле гиперреализма картина «Отец», положила начало возникновению жанра «деревенский реализм», изображающего крестьянский быт. Основные черты этого жанра: использование преимущественно масляных красок, богатая цветовая гамма и снятие запрета на изображение «простых» людей крупным планом.

Современные китайские художники при работе маслом используют также и приемы традиционной живописи, сочетают масло и тушь на одном холсте. Таким образом, в произведении сохраняется ярко выраженная китайская специфика, соблюдаются принятые эстетические каноны. Китайским художникам удалось не только синтезировать европейскую и китайскую живопись, но и определить в наибольшей степени подходящие творческие решения, сохранив при этом традиции. Такой синтез не только обогатил китайское искусство, но и сблизил его с остальным миром.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Художественный образ врача в период пандемии в Китае

К. Д. Кузьминых

Новосибирский государственный университет

На протяжении всей истории Китая образ врача в сознании людей и искусстве непрерывно изменялся. В Древнем Китае считалось, что врачи обладали определенными магическими способностями, *силами*, которым люди подчинялись. В некоторых провинциях Китая в честь врачей строились храмы, сооружались памятные стелы. Сословие врачей пользовалось в народе большим уважением.

Лекарю традиционной медицины надлежало быть высокоморальным, ответственным и человеколюбивым, от него ждали доброты, порядочности, высокой профессиональной эрудиции. Однако отношение к китайским врачам не лишено амбивалентности, так как с глубокой древности среди них находились и такие, кто брался за лечение исключительно ради выгоды, при этом часто не имея даже элементарных знаний по медицине.

В XX в. главным источником существования китайских больниц и врачей стали доходы от выписанных рецептов и процедур, что косвенно способствовало росту недобросовестных врачей, которые состояли в сговоре с фармацевтическими компаниями. К началу 2000-х напряжение отношений врач — пациент достигло эпогея: недоверие к врачам и системе вылилось в общественное недовольство и даже случаи физического насилия. Образ врача стал в результате растущего к нему недоверия приобретать негативный оттенок.

С декабря 2019 г. новая коронавирусная инфекция распространилась, как известно, из китайского г. Ухань не только по всей стране, но и по всему миру. Сегодня мы вновь наблюдаем процесс изменения статуса врача.

Искусство способно мгновенно реагировать на те процессы, которые происходят в обществе. Отношение к профессии врача проявляется в широком спектре художественного творчества: живописи, скульптуре, кинематографе.

На картинах современных художников врачи чаще изображены в белых костюмах, защитных очках, белых масках, которые уже стали символом борьбы с пандемией. На них изображены сцены из жизни медицинского персонала в период эпидемии. Художник Пан Маокунь (庞茂琨), например, создает триптих «Вечность и мгновение» (永恒与短暂 *Юнхэн юй дуаньцзань*): трое врачей, которые не успели снять защитную одежду и маски, ложатся на пол или держатся за стену, чтобы немного отдохнуть после утомительной смены. Пан Маокунь пытался изобразить их беззаветную самоотдачу, отразить вклад всех медицинских работников и всей нации в борьбу с вирусом.

Современные китайские скульпторы с помощью своих произведений отдают дань глубочайшего уважения медицинским работникам, которые делают все возможное, чтобы остановить распространение вируса. Врачи, у которых из-за длительного ношения защитных масок и костюмов появились красные вмятины на лбу и лице, вдохновили Ли Сюня (李迅) на создание скульптуры «Поцелуй ангела» (天使的唇印 *Тяньши дэ чуньинь*). «Поцелуем ангела» врачи в шутку называют эти шрамы. Еле заметная улыбка девушки на скульптуре дает надежду на то, что ужасные события вскоре закончатся.

Тема пандемии не обошла стороной китайскую киноиндустрию. Фильмы и сериалы о пандемии в основном делятся на два вида: художественные и документальные. Для изображения врачей чаще всего используется художественный жанр.

Фильм «Я врач в борьбе с эпидемией 2020 года» (战疫2020之我是医生 *Чжэни 2020 чжи во ши шиэн*) повествует, например, о заместителе директора отдела интенсивной терапии Чжэн Чжи. Все медицинские работники, самоотверженно сражаясь с эпидемией, выполняют свой служебный долг. В настоящее время выпускается все больше китайских фильмов и сериалов не только о врачах, но и о жизни Китая во время эпидемии. Однако ключевыми фигурами во всех фильмах остаются врачи.

Образ врача в Китае претерпел большие изменения с течением времени, отношение социума постоянно менялось: от самого почтительного на ранних этапах до практически полной дискредитации его статуса в XX в. В настоящее время понятие врача наполняется новым содержанием, возвращая себе статус человека, вызывающего доверие и уважение. Китайское искусство в период пандемии вдохновляет на великие подвиги, самоотдачу, геройские поступки во имя людей, вселяет веру в светлое будущее.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. Е. Малинина

Камикадзэ — военные боги синтоизма

И. В. Локтев

Новосибирский военный институт имени генерала армии

И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ

Зарождение древнейшей религии Японии синтоизма (*синто* — «Путь богов») происходило в период Дзёмон (13 000 г. до н. э. — III в. до н. э.). Первоначально синтоизм не имел упорядоченной системы верований и основывался на мифологических представлениях, которые позднее были закреплены в письменных источниках: «Записях о деяниях древности» (*Кодзики*, 712) и «Анналах Японии» (*Нихон сёки*, 720), ставших впоследствии священными книгами синтоизма.

Согласно *синто*, мир появился благодаря желанию Земли и Неба. Божества (*ками*) Идзанами и Идзанаги породили японские острова и Богиню солнца Амаэрасу — высшее божество синтоизма. Божественное происхождение имеют и все японцы, являясь потомками этих богов.

Японцы верили, что дух *ками* присутствует во всем: в природе, животных, умерших предках. Поэтому объектами поклонения становятся многочисленные божества, олицетворяющие силы и явления природы. Духи обладают исключительными качествами (как отрицательными, так и положительными) и внушают японцам священный трепет. Все *ками* бессмертны и включены в круговорот рождения и смерти, что позволяет миру постоянно обновляться, сохранять равновесие и гармонию между миром людей, природой и миром духов. Нарушить ее может только общественно порицаемое действие (*цуми*). Поэтому в синтоизме важна не столько молитва, сколько поступки, образ жизни, поклонение божествам и духам умерших предков, соблюдение культов и ритуалов в храмах. Своими поступками люди тоже могут заслужить божественный статус и после смерти обрести *ками* [1, с. 22].

Под сильнейшим влиянием синтоистской мифологии в Японии складывается движение камикадзэ — фанатичных воинов-смертников, жертвующих своей жизнью во имя победы. Это имя они получили от названия тайфуна *камикадзэ* («божественный ветер»), который, как считали японцы, не раз во время сражений насылала богиня Амаэрасу, чтобы спасти страну.

В конце Второй мировой войны Япония, терпевшая одно поражение за другим, надеялась, что таким «божественным ветром», который снова отгонит и уничтожит противника, станут *камикадзэ*. Имея такое высокое предназначение, воины верили, что, отправляясь на верную смерть, они обретут *ками* и станут богами, духами-покровителями Японии.

Первыми камикадзэ были летчики-смертники, которые направляли свои самолеты на корабли противника и погибали. Позднее появляются смертни-

ки, управляющие карликовыми подводными лодками, танками, и камикадзе-водолазы [2, с. 46].

На голове они носили белые повязки (*хатимаки*) с изображением красного солнечного диска (белый цвет означал непреклонность намерений) и надписью «божественный ветер». Их форма состояла из широких штанов, заправленных в тяжелые ботинки, и длинного плаща с хризантемой на спине, воплощающей богиню Амаэрасу. На пуговицах формы были выбиты три лепестка сакуры, символизирующие быстротечность и хрупкость жизни солдат, добровольно отдавших жизни за императора и страну.

У корпуса *камикадзэ* существовали свои обычаи и ритуалы. Перед атакой смертники съедали горсть риса и, стоя в единой шеренге, выпивали чашечку *сакэ*, прощались с товарищами, пели самурайские песни и сочиняли короткие предсмертные стихи. Каждому *камикадзэ* командование вручало именную малую самурайский меч в парчовых ножнах, по традиции самурай должен принимать смерть, имея при себе оружие. В специальной шкатулке для семи воин-*камикадзэ* оставлял прядь своих волос и обрезки ногтей. С собой они брали японский флаг, фотографии и подарки близких. Важной для них была идея, что жертвенный подвиг во имя спасения всей японской нации благоприятно скажется не только на их близких родственниках, но и на их далеких потомках.

Все погибшие *камикадзэ* объявлялись богами (*ками*). В их честь воздвигнут храм Ясукуни [3], в котором, по преданию, обрели свое последнее пристанище души воинов. В храме установлены медные таблички с именами всех *камикадзэ* и ежегодно устраиваются пышные церемонии.

1. Вудард У., Оно С. Синтоизм: Древняя религия Японии. М.: София, 2007. 160 с.

2. Спеваковский А.Б. *Камикадзе*. «Божественный ветер» в истории Японии. СПб.: Паритет, 2013. 488 с.

3. Завьялова А.Н. Особенности взаимодействия японского искусства и стиля модерн // Наука в современном информационном обществе: Материалы IV Межд. науч.-практ. конф. North Charleston USA, 2014. С. 41–44.

Научный руководитель — канд. культурологии, доц. А.Н. Завьялова

Корейская кухня в эпоху колониализма: насильственная модернизация и культурный геноцид

М. А. Мединцева

Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург

Уральский федеральный университет

им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Большинство исследователей сходятся во мнении, что период японской оккупации (1910–1945) оказал серьезное влияние на развитие корейской кухни, но при этом серьезные разногласия возникают по поводу его оценок. В данной работе ставится вопрос о том, можно ли считать оказанное на корейскую кухню в тот период воздействие «культурным геноцидом» или же взаимодействие двух разных культур стало своеобразным толчком к модернизации корейской кухни. Для решения указанной проблемы были проанализированы сферы, претерпевшие в 1910–1945 гг. наиболее заметные изменения: выпуск алкогольных и безалкогольных напитков, кондитерских изделий, соевая индустрия и хлебопечение.

С 1910 г., сразу после подписания договора о включении страны в состав Японии, начинается активное строительство японцами на территории Корейского полуострова предприятий пищевой промышленности; производство осуществляется за счет корейских сельскохозяйственных и трудовых ресурсов. К 1922 г. японские производители владели 492 предприятиями. В указанный период в Корее было налажено промышленное производство алкогольных и безалкогольных напитков, хлеба и выпечки, соусов [1, с. 412].

Соус *канчжан* оставался наиболее востребованным среди японцев варом. Количество и географическое распределение уже существовавших с конца XIX в. предприятий резко возросло, а к началу 1920-х гг. «соевые» мастерские были объединены в группы и сосредоточены в основном в городах с преобладающим японским населением. Начало Японо-китайской войны дало огромный толчок развитию корейского производства соевого соуса. Производством соевого соуса славились четыре провинции: Кенсан-Намдо и Кенгидо на юге, Пхенан-Намдо и Хамген-Пукто на севере [2, с. 394].

До XX в. практически каждая корейская семья изготавливала самодельные алкогольные напитки, однако к началу 1930-х гг. эта тенденция оказалась практически искоренена и алкоголь начали производить исключительно крупные алкогольные предприятия и пивоварни [3]. Особенно популярны стали новые настойки, рисовые, фруктовые и имбирные крепленые вина (например, гвахаджу и чонджу), китайские спиртные напитки байдзю и хуайдзю и якджу. Безалкогольные напитки с заводов также были довольно

популярны: газированные «Чанен» и «Чонен», содовые со вкусом цитрусовых, фруктовые соки [4].

Первое знакомство корейцев с хлебом, а точнее с его подобием, произошло еще в XVIII в. и не увенчалось особым успехом из-за тогдашнего состава корейской муки. С появлением в мае 1919 г. на колониальном севере первых японских мельниц эта проблема исчезла, а в ноябре 1921 г. уже была основана компания по производству пшеничной муки. Еще больший скачок производства произошел на фоне вторжения японцев в Маньчжурию. Производился бисквитный хлеб *갓면포* (*гатменпо*) или *간광* (*ганпхан*), *안광* (*анпхан*), так называемый бобовый хлеб, маленький сухой хлеб *다마고* (*тамаго*), стремительно распространялись пришедшие из Японии заводские сладости: карамель, бисквиты, сухари и галеты [5].

На основании результатов исследования можно сделать вывод о том, что японское влияние нанесло значительный ущерб аутентичности Хансик и имеет скорее негативную окраску. Тем не менее нельзя проигнорировать и тот факт, что во многом именно благодаря колонизаторам сфера пищевой промышленности поработенной Кореи смогла перейти на новый уровень развития, вследствие чего корейцам пришлось поменять многие аспекты повседневной жизни, включая гастрономические привычки.

1. 한국사. 과천시: 국사편찬위원회 (Хангукса. Квачхонса: кукаспхён-чанвивонхвэ). История Кореи. Квачхон: Нац. ин-т корейской истории. 2002. Ч. 51. С. 381–474.

2. Cwierka K. J. The Soy Sauce Industry in Korea: Scrutinising the Legacy of Japanese // *Asian Studies Review*. L., 2006. Vol. 30. P. 389–410.

3. 한국민족문화대백과사전: 화채 // 한국 민족문화 대백과사전. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0064885> (дата обращения: 16.02.2021).

4. 이태호. 식혜=단술? // 부산일보. URL: <http://www.busan.com/view/busan/view.php?code=20150212000003> (дата обращения: 16.01.2021).

5. 주영하. 한국 빵의 역사 // 한국의 생활사. URL: <https://m.terms.naver.com/entry.nhn?cid=59022&docId=3579162&categoryId=59022> (дата обращения: 16.01.2021).

Научный руководитель — И. А. Мусинова

Религиозное почитание лис в современном Гонконге

А. Д. Понькина

Новосибирский государственный университет

Культ лис имеет долгую историю развития, продолжая пользоваться популярностью и в современном Китае. Его формирование относится к VII–X вв., в XVII в. он складывается в целую систему народных представлений. Со времен династии Тан вера в лис-оборотней была в основном распространена среди жителей северного Китая, где считалось, что лисы обладают способностью превращаться в сверхъестественных существ, имеющих и положительные, и отрицательные качества [1]. Хотя культ лисы зародился в северном Китае, в настоящее время его следы можно найти и в южных районах, включая Гонконг.

Формирование представлений о лисах тесно связано с их образом в традиционной китайской литературе и в популярных средствах массовой информации. В Гонконге на восприятие образа лисы оказывают влияние также и городские легенды, получившие распространение в 80-х гг. XX в. Они продолжают бытовать в массовой культуре, тем самым поддерживая негативное отношение жителей к лисам-оборотням [1]. Лиса как объект поклонения по-прежнему играет заметную роль в народных представлениях.

Можно отметить два наиболее известных места почитания лис в Гонконге: «Даосская школа беспредельного закона Куньлунь» и «Школа закона бессмертных лис». В работе проанализированы сходство и различия двух школ, история их основания, а также освещена их религиозная и просветительская деятельность. Главная задача этих школ — способствовать популярности культа лис в Гонконге.

Так, наставник-старец Бессмертной лисы (白虎老人 *байху лаожэнь*) Ли Имин (黎宜銘), представитель «Школы закона бессмертных лис», составляет заклинания против злых духов, а также заговоры от лис-оборотней [2, с. 49–51]. Методы деятельности школ можно проанализировать, изучив их страницы в социальных сетях: на странице «Школы закона бессмертных лис» в социальной сети Facebook публикуется информация о том, как лисы могут помочь людям в достижении успеха, приобретении богатства или поиске супруга (при этом пользователи могут лично контактировать с наставником, задавая интересующие их вопросы).

Автором работы проанализированы фрагменты из даосских заклинаний и культовых практик во время подношения благовоний перед алтарем духа бессмертной лисы в храме Вон Тай Син в Гонконге (狐仙上香咒 *Хусянь шан сян чжоу*). На основе анализа можно сделать вывод, что культ лис в Гонконге тесно связан с даосскими религиозными практиками.

Так, в «Молитве для очищения тела» [3] упоминаются души 魂 *хунь* и 魄 *по*, которые играют важную роль в даосской алхимии и отвечают за психофизическую стабильность организма [1, с. 509]. Более того, влияние на гонконгский культ лис оказала «Школа истинного единства» (正一派 *Чжэньпай*), которая является одним из течений даосизма (в заклинаниях можно найти упоминание гор Лунхушань — центра этой школы) [3].

Образ лис-оборотней является неотъемлемой частью китайской традиционной культуры и в современном Китае нередко используется в массовой культуре, в том числе в кинопродукции и телесериалах. В современном Гонконге он наделен в основном негативными чертами. Тем не менее под влиянием соседних регионов культ лис в настоящее время приобретает все более значимую роль в религиозных практиках жителей Гонконга. На его распространение большое влияние оказывают места религиозного почитания лис.

В этом смысле сборник даосских заклинаний «Совершенный канон золотых правил лис-оборотней», который в своей практике использует наставник Ли Имин, является одним из способов распространения культа и позволяет проанализировать специфику почитания лис в Гонконге.

1. Ткаченко Г. А. Хунь по // Духовная культура Китая: энцикл.: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006.

2. Войтишек Е. Э. Ароматическая древесина и аквилярия в буддийских и даосских практиках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 4: Востоковедение. С. 44–52.

3. Хусянь цзиньяля юйлюй чжэньцзин [狐仙金科玉律真经]. Совершенный канон золотых правил лис-оборотней. Шэньчжэн. 34 с. URL: <http://www.divinehere.com/gods/0302020.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Основные проблемы современных японских арт-проектов на примере триеннале Этиго-Цумари

А. А. Савиных

Новосибирский государственный университет

После того как лопнул «экономический пузырь», многие районы Японии оказались еще более покинутыми и неразвитыми, чем раньше. Отчасти этому продолжают способствовать миграция рабочей силы в крупные города и старение населения. Японские арт-проекты, наследники экспериментального искусства 1960-х гг. и паблик арта 1980-х гг., появились в начале 1990-х гг. отчасти как попытка решения экономических и культурных проблем, затрагивающих регионы страны. Несмотря на почти тридцатилетнюю историю и возрастающую популярность в самой Японии, эти фестивали все еще мало исследованы, особенно на Западе.

Триеннале Этиго-Цумари — один из самых известных и успешных арт-проектов в Японии. Он был впервые проведен в 2000 г. под руководством Китагава Фрам, который до сих пор является его арт-директором. С одной стороны, проанализировав данные об Этиго-Цумари, мы можем вывести главные факторы, необходимые для успешного арт-проекта. С другой стороны, этот фестиваль очень масштабен и хорошо исследован, поэтому на его примере легко указать на проблемы, характерные для большинства подобных мероприятий.

Статистические данные, касающиеся префектуры Ниигата, где проходит триеннале, говорят о том, что арт-туризм действительно может финансово помочь региону, но не способен привести к полноценной ревитализации, так как он почти никак не способствует увеличению или омоложению населения. К тому же рост количества туристов может уменьшить качество взаимодействия с населением и даже ухудшить впечатление местных жителей от фестиваля из-за большого количества транспорта.

Опросы среди жителей деревень, где проходит триеннале, показывают, что главный успех арт-проекта связан именно со стимулированием социального взаимодействия, которое в данном контексте играет даже более важную роль, чем само искусство. Хотя в то же время основателей триеннале часто критикуют за эксплуатацию неоплачиваемого труда волонтеров, ответственных за работу с местным населением, а также за полную инструментализацию искусства и потерю им художественной автономии. Однако нужно отметить, что, по мнению некоторых исследователей, организация такого большого мероприятия без четкой вертикальной системы управления и работы волонтеров была бы невозможна.

На вопрос же об инструментализации искусства исследователи отвечают по-разному: некоторые рассматривают это как позитивное изменение, а другие считают, что художественная критика по отношению к арт-проектам необходима вдвойне. Однозначного разрешения этой проблемы нет, хотя есть возможность обратиться к опыту западных стран, где социально ангажированное искусство исследовано более подробно.

Кроме того, опасным фактором, ограничивающим свободу выражения, может стать финансовая зависимость фестиваля от муниципалитета. Этиго-Цумари является примером успешного решения этой проблемы и перехода на финансирование со стороны частных компаний, что гарантирует проекту большую независимость.

Таким образом, проанализировав основные проблемы, с которыми сталкиваются арт-проекты, на примере известного триеннале, мы можем выделить основные факторы успеха подобных фестивалей: 1) качественное взаимодействие между населением региона, волонтерами и туристами, что должно приводить к поддержке проекта со стороны местных жителей; 2) баланс между инструментализацией искусства и сохранением его автономии; 3) финансовая независимость от муниципалитета. При совпадении этих факторов возможна не только экономическая ревитализация региона, но и внутреннее сплочение местного сообщества, формирование региональной идентичности.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

История развития художественного образования в японских школах

Е. Б. Смолкина

Новосибирский государственный университет

Начальный этап в развитии методов художественного образования в Японии приходится на рубеж XIX–XX вв. В этот период происходили многочисленные заимствования достижений культуры западных стран: так, первый учебник по рисованию для японских школ был составлен из нескольких иностранных пособий, переведенных на японский язык. В целом занятия по изобразительному искусству этого времени носили сугубо практический характер: среди заданий, выполняемых учениками, преобладали копирование изображений и срисовывание с образца.

Движение в сторону углубления творческой осмысленности детского творчества связано с деятельностью художника Ямамото Канаэ (1882–1946). В 1916 г. на пути из Франции в Японию он посетил выставку детского творчества в Москве. Увиденное там настолько впечатлило Ямамото К., что по возвращении на родину он основал «Японскую ассоциацию свободного детского рисунка», целью которой было изменить методику преподавания изобразительного искусства и создать для детей наиболее благоприятные условия для творческой самореализации.

Идеи Ямамото К. нашли отклик среди многих художников, но также были встречены критикой со стороны теоретиков школьного образования. После Второй мировой войны движение за свободу детского творчества вновь обрело популярность. В 1952 г. искусствовед Кубо Садазиро и художник Китагава Тамидзи основали «Сообщество творческого эстетического образования». Члены сообщества выступали за то, что преобразование педагогических методов необходимо начать с перевоспитания учителей. Теоретическую основу деятельности сообщества составляли идеи Виктора Ловенфельда, Герберта Рида, Франца Чижека и др.

Принцип свободы детского творчества сыграл значительную роль в развитии японского художественного образования. Влияние данных идей можно наблюдать в методах обучения рисованию и в настоящее время. Изучение истории художественного образования в Японии, равно как и его современного состояния, может привести к интересным открытиям, поскольку эстетическое образование имеет непосредственное отношение к процессу формирования личности.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

История и символика сценического костюма оперы *юэцзюй*

А. Ю. Хандажапова

Новосибирский государственный университет

Всего за сто лет своего развития *юэцзюй* (шаосинская опера) стала второй по величине оперой в Китае и вошла в список нематериального наследия страны. Ее трогательные сюжеты и нежные лирические напевы постепенно вошли в жизнь людей и стали частью национальной культуры.

Опера Юэ возникла в округе Шэн (современный г. Шэнчжоу) района Шаосин пров. Чжэцзян, поэтому ее также называют Шаосинской оперой. Название «Юэ» (越) происходит от древнего государства Юэ периода Весен и Осеней (ок. 771–476 гг. до н. э.). *Юэцзюй* появилась на основе сочетания различных сфер народного творчества. Она вобрала в себя множество культурных и языковых особенностей пров. Чжэцзян.

На раннем этапе развития оперы Юэ как таковых костюмов не было, представления устраивались прямо на полях под открытым небом, а артисты использовали собственную одежду, которую носили в повседневной жизни. Для особых случаев заимствовалась одежда со статуй различных храмов и святилищ. С течением времени вместе с переходом данного направления народного искусства на профессиональную сцену появилась специальная одежда, постепенная трансформация которой привела к формированию собственного узнаваемого стиля.

Впервые дизайн костюмов для профессиональной сцены был разработан в 1943 г. для главных героев оперы «Сон в дождливую ночь» (雨夜惊梦). В итоге костюм оперы Юэ стал похож на традиционную одежду династии Мин. На данный момент выделяются следующие категории сценического облачения: расшитый узорами парадный кафтан (蟒), юбка (裙), вышитая кофта с накидкой (褶子与帔), головной убор (盔帽) и обувь (靴鞋). В отличие от Пекинской оперы, внешний вид платьев и аксессуаров в *юэцзюй* намного лаконичнее, сдержаннее, нет нагромождения элементов, фасоны просты, а цветовая гамма спокойная и гармоничная.

Дизайн одежды в опере Юэ во многом способствует формированию образов персонажей и созданию нужной атмосферы. При разработке костюмов учитываются возраст, социальный статус персонажей. Его роль состоит также и в том, чтобы обогатить и дополнить характер героев, поэтому по мере развития сюжета меняется и одежда. Цвет имеет сильное визуальное воздействие на ощущения зрителя, таким образом с помощью трансформации костюмов отражаются изменения мыслей и характера персонажа. Например, в опере «Сон в красном терме», в сцене, где Линь Дайюй сжигает рукописи стихов, костюмы персонажей полны темно-синих деталей, при по-

мощи такого цветового мотива выражено чувство отчаянья Линь Дайюй и безнадежности ситуации. Если говорить об изменении стиля костюма, то, например, с помощью длины и ширины струящихся рукавов героя и различных манипуляций с ним (качания, дрожания, вытягивания, бросания) можно понять эмоциональное состояние персонажа.

До реформы 1956 г. цветовая палитра ограничивалась пятью цветами: желтым, красным, синим, белым, черным. Так, костюм императора и членов императорской семьи, как правило, был ярко-желтого цвета, одежда на свадебное торжество должен был быть исключительно красного цвета, а для похорон и траура использовали ткани белого цвета. Впоследствии художники по костюмам начали экспериментировать, и цветовая палитра стала намного разнообразней. На смену светоотражающему атласу пришли неотражающий свет креп-атлас, а также креп-сатин, его использовали для обработки лицевой стороны изделия. Бархат, креп-жоржет и тюль также стали пользоваться спросом.

Дополнительную характеристику персонажу создавали различные виды вышивок, за основу брался *буцзы* — нашивной знак отличия чиновников. Например, в опере «Дворец Чанлэ» император носит черные одежды с черно-белой вышивкой *фу* (黻) в форме двух секир, что означало выполнение императором военных функций. На парадном костюме очень часто можно увидеть вышитого фазана или дракона, являющихся символами императорской власти, а на одежде супруги императора вышивались феникс и пионы. Для амплуа воинов использовались животные и растительные мотивы, персонажей преклонного возраста можно было отличить благодаря вышитым на их одеждах иероглифам «счастье», «достаток», «долголетие» или же иероглифам, означающим «восемь драгоценностей». Пряжки, ремни, шелковые ленты, нефритовые подвески дополняли образ и делали его законченным. После 1990-х гг. дизайнеры стали использовать новые приемы работы с тканями, например, экспериментировали с покраской материи, появились градиентные переходы и новые аппликации, трафареты, особую атмосферу стал создавать контраст цветов одежды и декораций.

На протяжении многих лет костюм оперы Юэ трансформировался и совершенствовался, тем самым был создан уникальный стиль, который стал важной частью китайского театрального искусства.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Выдающийся энциклопедический труд Китая «История благовоний» как исторический источник

И. А. Хассун

Новосибирский государственный университет

Ароматическая культура в Китае имеет долгую историю. В период династии Сун (960–1279) культура благовоний достигла пика своего развития, появилось множество специальных трудов. В дальнейшем благовония стали неотъемлемой частью повседневной жизни обычных людей, что предопределило появление серьезного труда «История благовоний» (香乘 *Сян шэн*), в котором были собраны основные сведения по этой теме, накопленные с древних времен.

Автором энциклопедического труда был ученый Чжоу Цзячжоу (周嘉胄, 1582–1658/1661), о жизни которого сохранилось мало сведений, что связано с политическими пертурбациями при смене династий в Китае [1].

Сочинение «История благовоний» состоит из 28 цзюаней и двух предисловий, первое из которых было написано Ли Вэйчжэнем, а второе принадлежало самому Чжоу Цзячжоу.

«История благовоний» содержит описание всех аспектов традиционной культуры благовоний в Китае с древности и до начала эпохи Цин (1644–1912). Для составления сочинения Чжоу Цзячжоу опирался на большое количество ранних трудов, где он черпал информацию о различных видах ароматических веществ. Среди источников, используемых автором, были исторические и фармакологические труды, медицинские трактаты, различные специальные систематические записи о благовониях и каталоги 香谱 *сянпу* [2].

Сочинение структурировано следующим образом.

- В главах I–VIII, XI–XII перечисляются различные ароматические вещества с комментариями и ссылками на источник информации.
- В главах IX–X приведена классификация ароматов и объектов, связанных с ароматической культурой (знаменитые красавицы древности, географические объекты, пища и напитки и т. д.).
- В главе XIII представлены выводы из предыдущих разделов.
- В главах XIV–XXV приводятся рецепты приготовления и использования разнообразных видов составных благовоний.
- Глава XXVI посвящена описанию разных видов курильниц.
- В последних главах XXVII–XXVIII в основном перечисляются литературные произведения поэтов и культурных деятелей эпох Тан и Сун, посвященные благовониям, с цитированием отрывков из этих произведений.

Среди наиболее часто упоминаемых в трактате ароматических веществ указаны агаровое дерево 沉香 *чэньсян*, сандаловое дерево 檀香 *таньсян*, амбра 龙涎香 *лунсяньсян*, мускус 麝香 *шэсян* и гвоздика 丁香 *динсян* [2].

При этом агаровое (алоинное) дерево *чэньсян* является наиболее часто упоминаемым ароматическим средством: первая глава полностью посвящена этому виду древесины, в ней приводится большое количество комментариев, связанных с формированием душистой древесины и применением разных ее сортов. Это говорит о том, что агаровая древесина занимала главенствующую роль среди остальных ароматов [3]. Гвоздика ценилась не только из-за ее аромата, веточки и кора гвоздичного дерева часто использовались в древности в гигиенических целях. В главе XIX приводится множество примеров составных благовоний для окуривания одежды и умащения тела, в состав которых входит гвоздика [4].

Таким образом, «История благовоний» является одним из важнейших исторических источников, имеющих большое значение в культуре ароматов Китая и стран Восточной Азии. В дальнейшем к этому сочинению непременно обращались авторы многих авторитетных трудов в этой области. Рекомендации и рецепты составных благовоний, указанные в нем, по-прежнему широко используются в настоящее время.

1. Цинь Чжэнь. Чжоу Цзянцзо шици [秦蕤。周江左事辑]. Собрание материалов о Чжоу Цзянцзо // Шилинь. Шанхай, 2012. 65 с.

2. Чжоу Цзячжоу. Сян шэн [周嘉胄。香乘]. История благовоний. Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2014. 596 с.

3. Войтишек Е. Э. «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, вып. 4: Востоковедение. С. 61–74. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74.

4. Xu Guanmian. Junks to Mare Clausum: China-Maluku Connections in the Spice Wars, 1607–1622 // Itinerario — Eur. J. Overseas Hist. 2020. 30 p.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Проблемы современного корейского общества в творчестве режиссера Пон Джунхо (на примере фильма «Паразиты»)

Ю. В. Шкварук

Новосибирский государственный университет

Корейский кинематограф за 100 лет своего существования, встречаясь со многими сложностями и претерпевая периоды застоя и бурного развития, успел пройти большой путь, приведший его к мировой известности.

Очевиден тот факт, что за термином «корейский кинематограф» стоит не безликая машина по выпуску популярных и кассовых фильмов, а целая эгида режиссеров, которые работают с общемировыми тенденциями и традиционными ценностями. Создавая свои кинокартины, они развивают корейский кинематограф, привнося в него новые черты.

При этом особое место в нише корейского кинематографа занимает режиссер Пон Джунхо (봉준호), творчество которого многосторонне изучено зарубежными исследователями и кинокритиками. При этом стоит отметить, что в науке мало освещен его последний фильм — «Паразиты», что связано с относительно недавней датой его выхода в свет.

Творчество режиссера берет свое начало в 1990-х, когда он, будучи студентом университета Ёнсе, создает киноclub «Желтая дверь» [1], где начинает делать свои первые шаги в качестве режиссера и сценариста, создавая короткометражные фильмы. Его первой работой стала 18-минутная история «Белый человек», снятая на пленку. Затем Пон Джунхо поступает в Корейскую киноакадемию, где продолжает свою деятельность, что в 2000 г. приводит к его режиссерскому полнометражному дебюту под названием «Лающие собаки никогда не кусают», которому, однако, не суждено было стать успешным прокатным фильмом. Первым коммерческим прорывом режиссера стал его следующий фильм «Воспоминания об убийстве» (2003 г.), основанный на реальных событиях. После у режиссера выходят такие фильмы, как «Монстр» (2006 г.), «Мать» (2009 г.), голливудский «Сквозь снег» (2013 г.), «Морской туман» (2014 г.), нетфликсовский «Окча» (2017 г.) и самый успешный на данный момент фильм — «Паразиты» (2019 г.).

Почти каждый фильм Пон Джунхо являет собой повествование о людях, в котором прослеживается тонкий анализ не столько их психологии, сколько их места в обществе и тех социальных проблем, которые существуют в современном мире. Краеугольный камень его фильмографии — действительность корейского общества, рассмотренная через призму жизни отдельных личностей и выраженная посредством незаметных деталей, самого сюжета, а также построения кадров картин.

Так, например, фильм «Паразиты» Пон Джунхо поднимает социальную проблему неравенства и взаимодействия богатых и бедных [2], рассматривая ее на примере построения отношений двух семей: Пак и Ким, которые представляют разные слои общества. Для многостороннего раскрытия данной темы режиссер использует различные визуальные приемы, среди которых — тщательная проработка построения кадров, призванных наглядно разделить героев на богатых и бедных, создав иллюзию существования двух миров, пересечение которых невозможно.

В «Паразитах» особое внимание уделяется мельчайшим деталям, являющимся важной составляющей имеющегося конфликта между двумя семьями и образующим две действительности корейского общества: ее бедной части и богатой. К таким деталям можно отнести в первую очередь запах [3], упоминание которого красной нитью проходит через весь фильм: отец богатого семейства постоянно чувствует неприятный и чуждый ему запах, исходящий от отца бедного семейства. Именно запах является тем невидимым воплощением социального различия между двумя героями.

Интересно и то, как изображены дома семейств. Так, дом бедного семейства находится в грязном полуподвале, который в итоге из-за дождей оказывается затопленным, в то время как дом богатого семейства расположен на возвышенном месте. Этот контраст особенно подчеркивается в кадре, который изображает путь сына бедного семейства из своей квартиры в дом другой семьи. Его путь — тяжкий подъем наверх, занимающий долгое время.

Выход фильма «Паразиты» является знаменательным событием не только в карьере режиссера Пон Джунхо, но и в корейском кинематографе в целом. Это связано с тем, как в фильме были подняты проблемы современного корейского общества и как они были в нем освещены.

1. Пон Чжунхо [봉준호]. Пон Чжунхо // Сайт namu.wiki. URL: <https://namu.wiki/w/>

2. Lee Hwa-jung. A Glimpse of a Worm-Eaten Society // Korean Cinema Today. 2019. Vol. 34. P. 15–17. URL: <http://www.koreanfilm.or.kr/eng/publications/kct.jsp>

3. Триумфатор Канн: Пон Чжун Хо — о запахе, пропаганде и чисто корейских шутках в «Паразитах» // Сайт онлайн-издания АфишаDaily. URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/12350-triumfator-kann-pon-chzhun-ho-o-zapaxe-propagande-i-chisto-koreyskih-shutkah-v-parazitah/>

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

Женские украшения эпохи Цин в Китае

Е. В. Юн

Новосибирский государственный университет

Ювелирные украшения являются неотъемлемой частью традиционного искусства Китая, без них невозможно в полной мере представить китайское искусство. Украшения позволяют узнать не только об искусстве той или иной эпохи, но также и о быте народа, определенных ритуалах, связанных с ними.

В Китае во все времена носили украшения, в древности для изготовления украшений мастера использовали различные материалы: перья и кости животных, минералы, жемчуг, раковины, дерево, а позже металл. Украшения предков маньчжуров обладали природными, естественными формами, однако с течением времени маньчжуры сформировали собственный стиль изготовления украшений, и в эпоху маньчжурской династии Цин маньчжурский стиль соединился с китайским.

Используемые материалы обладали особыми эстетикой и семантикой, с древности и до эпохи Цин сложилась традиция использования определенных материалов.

В китайском ювелирном деле использовалось понятие «драгоценный камень» (寶石 *баоши*), что подразумевало использование различных материалов вне зависимости от их происхождения: камни минерального и органического происхождения, все материалы считались «драгоценными», поэтому использовались различные материалы: кости, рога и когти животных, также перья птиц, различные камни, такие как янтарь, кварциты, лазурит, некоторые сорта мрамора, жемчуг, а также бронза, золото и серебро.

В эпоху Цин сложился определенный набор материалов, которые были популярны для изготовления украшений, среди них можно выделить драгоценные камни (жемчуг, янтарь, бирюзу и т. д.), перья зимородка, а также золото. Данные материалы использовались для изготовления женских украшений эпохи Цин.

Женские украшения эпохи маньчжурской династии Цин можно подразделить на определенные группы:

- 1) головные украшения:
 - головные уборы;
 - налобные украшения;
 - украшения для причесок;
- 2) украшения для ушей:
 - серьги;
 - подвески;

3) шейные украшения;

4) украшения для рук:

- кольца;
- браслеты.

Для отделки женских украшений использовались определенные декоративные мотивы, которые несли особую символику. Декоративные мотивы, представленные в украшениях эпохи династии Цин, являются традиционными для Китая в целом, что свидетельствует о схожести культур двух народов.

Мотивы ювелирных изделий цинского времени, отмеченные особым вниманием мастеров ювелирного дела Китая, можно разделить на несколько групп: антропоморфные, природные, иероглифические и орнаментальные, а также мифические мотивы. Одно украшение могло сочетать в себе несколько групп декоративных мотивов. Например, украшение для волос из коллекции музея Гугун — шпилька для прически в виде хризантемы, выполненная в технике 点翠 *дяньцуй*. Данная шпилька сочетает в себе группы природных мотив: растительные и зооморфные. Шпилька украшена хризантемой, листьями цветов и бабочками. Хризантема является символом долголетия, бабочка — символом счастья. Шпилька выполнена из позолоченного серебра, украшена перьями зимородка.

Эпоха Цин синтезировала стиль китайского традиционного искусства, маньчжурский стиль, а также европейский стиль. Цинская традиция женских украшений оказывает влияние на дизайнерские решения современных ювелирных мастеров, сегодня очень популярна тенденция заимствования и интеграции стиля цинской эпохи в современное ювелирное искусство. Современные дизайнеры заимствуют материалы, формы, декор предыдущей эпохи.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

Современные агитационные плакаты в Китае

А. Г. Якунина

Новосибирский государственный университет

Пропагандистские плакаты использовались руководством КНР для распространения формирования правильных политических взглядов у граждан страны. Данные яркие и понятные зарисовки хоть и были связаны с советским агитпопом, но при этом основывались на изобразительных традициях местных лубочных картинок и национальной ментальности. Плакатное искусство как элемент пропаганды в Китае появилось в середине 1920-х гг. и было призвано нейтрализовать влияние консервативной партии Гоминьдан, а затем и противостоять японцам, вторгшимся в Китай в 1937 г.

Несмотря на то что расцвет эпохи пропагандистского плаката пришелся на время Культурной революции (1966–1976), в настоящее время сфера наглядной агитации остается важным направлением деятельности КПК, а политические и социальные плакаты можно в большом количестве встретить на улицах Китая.

Существует несколько шаблонов политического агитационного плаката: портреты национальных лидеров как прошлого, так и настоящего, иногда вместе, чтобы показать преемственность традиций; портреты современных руководителей рядом с изображениями героев прошлого (например, действующего генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина и народного героя времен Культурной революции Лэй Фэна); плакаты с лидерами нации, возвышающимися над народом, что говорит не о превосходстве вождя над народом, а о том, что он находится под защитой сильного лидера; портреты с обращением авторитетного лица к народу; плакаты с использованием приема «эмоционального резонанса» (люди, изображенные на плакате, счастливы, смеются, обнимаются); плакаты, где лидер изображается «человеком из народа», занятым простыми будничными делами; изображения лидера на фоне больших достижений китайской науки и т. д. Данные плакаты сопровождаются мотивационными надписями, выдержками из выступлений, цитатами из исторических источников, часто стилизованными под древние почерки.

В последние годы в Китае развернулась масштабная кампания, целью которой является пропаганда идей концепции «китайской мечты» (中国梦). Впервые огласил ее Генеральный секретарь ЦК КПК в 2012 г. Ее идея заключается в том, чтобы призвать китайский народ осуществить мечту о великом возрождении китайской нации, т. е. идти по особому «китайскому» пути, сохранять дух нации. Для этого было создано множество агитационных плакатов, использующих различное сочетание образов, опирающихся

как на традиционную китайскую культуру, так и на современные реалии. Один из примеров данной кампании был размещен в 2012 г. в глобальной сети Интернет на ресурсе *Sina Weibo*. Плакат был выполнен в красно-желтых тонах. Изображались на нем характерные для китайской культуры элементы: фрагмент Великой Китайской стены; традиционный китайский дом *四合院* *сыхэюань*; флаг КНР; традиционная скульптура мифического льва-стража, которая обычно находилась перед воротами императорских усыпальниц и культовых сооружений императорского Китая. Слоган на плакате гласил: «Китайская мечта: великое национальное возрождение китайского народа». Таким образом, в одном плакате совмещались все известные рядовому китайцу образы как прошлого, императорского Китая, свергнутого революцией, так и коммунистической идеологии и современных глобальных технологий.

Помимо образов традиционной культуры и портретов лидеров, на политических плакатах часто изображаются дети. Например, одним из наиболее активно пропагандируемым в Китае образов, который ассоциируется с концепцией «китайской мечты», является изображение маленькой девочки в розовом платье. Слоган на плакатах гласит: «Моя мечта — мечта Китая». Образ этой маленькой китайской девочки — результат работы Линь Гана, работающего с глиняной скульптурой в стиле «глиняных фигурок Чжан» (*泥人张*), хорошо знакомом и любимом направлении народного творчества. В данных плакатах также совмещены современная политическая агитация и традиционные широко известные образы. Граждан призывают смотреть в будущее, видеть главной целью народа сплочение страны с помощью самобытности и уникальности китайской культуры.

Таким образом, мы видим, что политический и социальный плакат остается востребованным средством агитации, часто сочетая в себе современные задачи и традиционные образы, но тем не менее нельзя не отметить, что все популярные слоганы современности носят гораздо более абстрактный характер, нежели их аналоги середины XX в.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

История музейного кураторства в Республике Корея

В. А. Яниева

Новосибирский государственный университет

В современном музее профессия куратора занимает особое место. Появившись одновременно с музеем, она, как и сама институция, преодолела в XX в. ряд изменений, именуемых в научной литературе кураторским дискурсом. Изначально кураторство было сосредоточено исключительно на сохранении коллекции и ведении музейных учетов, однако со временем профессиональное поле музейных кураторов значительно расширилось. Швейцарский куратор и историк искусства Ханс Ульрих Обрист в сборнике эссе «Пути кураторства», описывая профессиональную задачу куратора, перечисляет следующие функции данной профессии: сохранение коллекции, отбор новых работ, пополнение истории искусства и организация выставок, отмечая, что именно последняя наиболее близка к современному пониманию профессии [1]. Таким образом, куратор, напрямую влияя на восприятие искусства публикой, формирует основные тенденции в современном искусстве.

Традиционно историю коллекционирования предметов искусства в Корее связывают не только с дворцовыми коллекциями, но и с работой буддийских монастырей. Монахи, которые собирали, изучали и описывали предметы искусства, по сути, выполняли роль смотрителя коллекций — актуальной для того времени формы профессии куратора и положили начало организации предметов искусства в Корее. Поэтому предполагаем, что история кураторской деятельности в Корее начинается с формирования коллекций при буддийских монастырях. Первые музейные кураторы появились в Корее в 1908 г., когда по инициативе короля Коджона был учрежден Главный музей правительства Чосон, однако, как и в случае с буддийскими монахами, период их деятельности проходил еще до формирования кураторского дискурса на западе, поэтому их труд можно сравнить скорее с работой хранителя музейных собраний, нежели с работой куратора в современном понимании профессии. Ближе к актуальной форме кураторства представляется деятельность семьи Чон Хёнпхилия — создателя первого в Корее частного художественного музея Кансон. Чон Хёнпхиль лично собирал коллекцию для музея, а его сыновья Чон Сону и Чон Янью сделали значительный вклад в ее каталогизацию, организацию выставок и издание музейных каталогов [2]. В 1980-х гг. параллельно активному увеличению количества музеев в стране при университетах появляются специальные кураторские стажировки за границу. Так, в частности, в сборнике интервью к 40-летию Центра искусств Арко отмечаются стажировки 1986, 1987 и 1989-х гг.

При проведении параллели с хронологией развития кураторского дискурса на Западе, который к 1980-м гг. уже завершал свое формирование, можно предположить, что основные результаты данного процесса проникли в музейную среду Республики Корея во многом посредством университетских стажировок.

Однако главным событием, способствовавшим переосмыслению и оформлению профессии куратора в Республике Корея, следует считать выход в 1990-м г. указа президента «О работе исторических и художественных музеев», шестая статья которого постановляет и регламентирует работу кураторов при музеях Республики Корея. Параллельно учреждается исследовательская программа «Исследование системы квалификации кураторов исторических и художественных музеев». Согласно системе квалификации, куратор является музейным специалистом, ответственным за составление, исследование и сохранение музейной коллекции, а также за организацию выставок и образовательных программ [3]. Выделение организации образовательных программ как отдельной профессиональной задачи куратора является отличительной особенностью корейской кураторской культуры, которая проявляется не только в основных положениях системы квалификации, но и в практической работе музеев. Кураторы, ответственные за образовательные программы, практически не взаимодействуют с музейной коллекцией: вся их деятельность направлена на работу с публикой, художниками и молодыми музейными специалистами. Для музеев Республики Корея образовательные программы являются не только эффективным инструментом увеличения разнообразия культурных программ и сопутствующего интереса публики, но и важным источником пополнения собственных коллекций.

В настоящее время в Республике Корея культура кураторства развита в достаточной степени, о чем свидетельствует большое количество музейных программ в крупных городах, популярность виртуальных галерей и наличие специальных курсов подготовки кураторов как при музеях, так и при независимых организациях.

1. Обрист Х. У. Пути кураторства. М.: Ad Marginem Press, 2016. С. 29.

2. Киреева Л. И. Статьи по искусству Кореи: сб. избр. ст. и заметок. Магнитогорск: МаГУ, 2006. С. 15–16.

3. Yang Hyun-Mee. Study on the Appropriateness of the Museum Career Standard for the Curator Certificate // J. Cultural Policy. Pub.: Seoul, 2009. P. 59–60.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. С. Шмакова

МИФОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.851

Общая характеристика сборника эссе Ли Юя «Случайное пристанище для праздных дум»

А. Е. Аббасова

Новосибирский государственный университет

Ли Юй (1610–1680) — писатель, драматург, теоретик театра и эссеист, живший в начале правления династии Цин. Ли Юй — автор собрания высокой прозы и стихотворений «Слово Одного» (*И цзя янь*), которое включает философское сочинение «Случайное пристанище для праздных дум» (*Сяньцин оуцзи*). Он был также автором художественных произведений: сборников повестей «Бесценная яшма» (*Ляньчэнби*) и «Двенадцать башен, или Слово ясное, мир пробуждающее», а также нескольких пьес. Ему приписывается авторство двух художественных романов: «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти» и «Повеествование о круговых письменах». Среди его произведений на русский язык Д. Н. Воскресенским переведены сборник повестей «Двенадцать башен» и роман «Подстилка из плоти».

Эссе «Случайное пристанище для праздных дум» (*闲情偶寄 Сяньцин оуцзи*, 1671) считается одним из самых важных произведений автора, поскольку в нем наиболее отчетливо отражаются взгляды Ли Юя на жизнь, его философская концепция и отношение к бытию. В данном сочинении Ли Юй учит, как можно обрести радость в жизни. Философская концепция Ли Юя получила название *яньшэн* (букв. «учение о поддержании жизни»). Согласно взглядам Ли Юя, жизнь человека обладает ценностью сама по себе. Чтобы достигнуть счастья и познать самого себя, человек должен отринуть рутинность бытия и суетность жизни [1].

«Случайное пристанище для праздных дум» является ценным истопником данных о повседневной жизни XVII в., а также о мировосприятии людей того времени. В сочинении затронуты различные аспекты жизни, в том числе театральное, песенное, садовое искусство, архитектура, здоровье, культура питания и многое другое, что делает его одним из важнейших памятников той эпохи [2].

Данное сочинение делится на восемь частей: «Поэзия и мелодия» (词曲部 *Цы цюй бу*), «Театральные выступления» (演习部 *Яньси бу*), «Звуки и образы» (声容部 *Шэнжун бу*), «Жилые помещения» (居室部 *Цзюйши бу*), «Утварь для любования» (器玩部 *Цивань бу*), «Еда и питье» (饮饌部 *Иньчжуань бу*), «Выращивание растений» (种植部 *Чжунчжи бу*), «Упокое и поддержание» (颐养部 *Иян бу*).

Особенный интерес для современного Китая представляет часть «Еда и питье», в которой не только изложены ценные сведения о пищевой культуре, но и взгляды самого Ли Юя на питание, предложена специфическая концепция диеты. Интерес для изучения также представляет часть «Упокоение и поддержание», в котором изложены основные философские взгляды Ли Юя на жизнь, способы достижения внутренней гармонии. В части «Жилые помещения» изложены его взгляды на эстетику жилища, в части «Театральные выступления» — взгляды на театр.

Каждая часть, в свою очередь, делится на главы в количестве от двух до шести. Главы книги представляют собой отдельные эссе, в каждом из которых изложены рассуждения автора. Сочинение содержит 234 подзаголовка.

Стиль произведения близок к языку *байхуа* того времени. Сочинение написано живым и легким языком. Взгляды Ли Юя на жизнь и здоровье оказали значительное влияние как на его современников, так и на будущие поколения. Данное произведение, как и творчество Ли Юя в целом, в российском китаеведении изучено недостаточно.

1. Воскресенский Д. Н. Ли Юй: Писатель и его творчество // Двенадцать башен. М., 1985. 416 с.

2. Е Ци. Цзяньцзинь цзяжань дэ иньши чжидэо; цун сяньцин оуци кань ли юй дэ иньши вэньхуа гайнянь [叶琦. “渐近自然” • 的饮食之道——从《闲情偶寄》看李渔的饮食文化观念]. Ханчжоу исюэ гаодэн чжуанкэ сюэ-сяо сюэбао. 2003. С. 263–266.

Научный руководитель — Т. Г. Завьялова

**Сравнительно-сопоставительный анализ художественных деталей
в повестях В. Гаврильевой «Любовь осени»
и народной писательницы Бурятии Р. Белоглазовой «Ритка»**

Т. Л. Андросова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Социально-психологические повести «Любовь осени» (1973) якутской писательницы В. Н. Гаврильевой и «Ритка» (1974) народной писательницы Бурятии Р. В. Белоглазовой затрагивают тему характера современника, авторы раскрывают внутренний мир своих героев, применяя художественные детали.

В результате сравнительного анализа произведений якутской и бурятской литературы можем отметить, что при изображении переживаний и характеров персонажей у Р. Белоглазовой наблюдаются пейзажные и портретные детали. У якутской писательницы отмечаются все типы художественной детали по классификации А. Б. Есина: портретные, предметные и пейзажные.

Художественные детали в повести «Ритка» в первую очередь раскрывают душевное состояние героев, своеобразие характера персонажей. Например, цикламен, находящийся в комнате Кати и Ритки, характеризует надежду на счастье в семье. Посредством этой пейзажной детали выясняем, что девочки переживают о благополучии своих семей. У матери Кати, увлекшейся другим мужчиной, ночью отбирают соболью шапку. Данная портретная деталь представляет мысль об уходе из семьи.

Одним из грабителей был Андрей, бывший возлюбленный Ритки. Она, узнав об этом, тихо притрагивается к традесканции, следующей пейзажной детали, означающей справедливость. Справедливым приговором по отношению к Ритке считается ее направление обучаться в ПТУ. Багульник, который принесли приятельницы, когда она находилась в изоляторе ПТУ из-за драки, символизирует ее мужество. Гладиолусы, посаженные на территории учебного заведения, в контексте данной повести служат символом благородства. Синий шарф, подаренный Ритке Катей, символизирует истинную дружбу.

При сопоставлении повестей обнаружено, что в произведении якутской писательницы, в отличие от Р. Белоглазовой, подбор разновидностей растений ограничивается одним красноталом. Одиноким краснотал — пейзажная деталь — состояние души Анны.

Употребление портретных деталей в произведении «Любовь осени» занимает лидирующую позицию. С помощью красной суконной шляпы Анны передается фальшивый авторитет и желание отличиться. Сочетание красных замшевых торбасов с синим плюшевым пальто у Айты символизирует отличие образа жизни девочки. Таня, подруга девушек, для свидания вы-

бирает синее «успешное» платье Айты, надеясь на продолжение отношений. Портретные детали данной повести прежде всего изображают материальные возможности, тем не менее указывающие на характер девушек. Например, завистливость Анны.

Предметные детали в произведении В. Гаврильевой связаны со скверным характером главной героини и намерением Миши на откровенный разговор: машина «Волга» характеризует привычки Айты «быть выше всех», красное вино Миши передает откровение и раскрытие истины для Анны, заявление о разводе Айты и Миши изображает эгоизм и подлость Айты.

При анализе художественных деталей повестей выявлено, что выбор определенных цветов играет немаловажную роль в этих произведениях. Бурятская писательница с помощью фиолетового цвета изображает чувственность героев, а якутская писательница с помощью красного цвета обращает внимание читателя на материальные ценности героинь.

Таким образом, проанализировав повести «Любовь осени» и «Ритка», следует подвести итог, что произведения, написанные почти в одно время, имеют отличительные черты прозы 1960–1980-х гг.: нравственную проблематику, прием самоанализа, а также сходство в выборе персонажей.

Основным отличительным признаком произведений является авторская идея, в контексте которой преобразовывается значимость художественных деталей. Пейзажная деталь в повести «Любовь осени» описывает состояние души, а в повести «Ритка» такие детали раскрывают проблему межличностных отношений. Портретные детали в повести Р. Белоглазовой раскрывают отношение к дружбе и семье, в произведении В. Гаврильевой с их помощью передаются существенные черты характера. Предметные детали, обнаруженные только у якутской писательницы, представляют материальные возможности, указывающие на характер девушек.

Выявлены идентичные особенности вытачивания детализации. Обе писательницы, тщательно выбирая цвета для своих художественных деталей, углубляют их значение и направляют читателей к соответствующей интерпретации.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Т. Н. Васильева

Взгляд на брак и брачные отношения в современной женской корейской прозе

К. Р. Бакстова

Новосибирский государственный университет

Целью работы является выявление основных тенденций в изменении взгляда на брак и брачные отношения через современную женскую прозу Республики Корея.

Брак в Корее еще с древних времен, по представлениям конфуцианской идеологии, являлся началом всех семейных отношений. Брачные отношения в Корее вплоть до середины XX в. очень строго регулировались традициями и сложившимися пережитками патриархального общества, ориентированного на мужчин. Обязанности женщины и мужчины строго разделялись по принципу *부부유별* *нубулюбель*, указывающему на то, что между супругами должно быть различие, которое будет контролировать отношения между ними. Это привело к проблеме ущемления прав женщин как в семье, так и в обществе.

Однако в период глобализации и индустриализации, начавшийся в Корее в 60-е гг. прошлого века, женщины, вдохновившись западными идеями феминизма и демократии, начали противостоять традиционным пережиткам. Одним из главных средств борьбы женщин против патриархальных жестких правил стала литература.

Актуальность работы заключается в том, что, несмотря на то что некоторые произведения, такие как Хан Кан «Вегетарианка» (2007) или Чо Намджу «Ким Чжиён, рожденная в 1982 году» (2016), были переведены на многие языки и получили положительные отзывы литературных критиков по всему миру, современная корейская литература, а в особенности женское творчество, представляет собой малоизученное явление. К тому же стоит сказать, что феминизм в Корее, который получил свое распространение только в 2000-х гг. и проник в литературу, вызывает определенный интерес для изучения. Корейская женская литература позволит определить мировоззрение женщин-писательниц современного времени, их взгляды на брачную систему и отношения между мужчиной и женщиной.

В соответствии с вышеизложенным были определены и основные задачи нашего исследования.

1. Проследить изменения традиционного взгляда на брак и брачные отношения в корейской семье в период глобализации и индустриализации.

2. Дать характеристику ранней женской литературе начиная с 1920-х гг.

3. Описать современное женское творчество Республики Корея, определить его проблематику и рассмотреть развитие литературы течения «молодых феминисток».

4. Проанализировать некоторые современные сборники прозы и выявить на основе современной женской литературы тенденции в изменении взгляда на брак и брачные отношения в Корее.

На данном этапе нашей работы были проанализированы три крупных женских романа Хан Кан «Вегетарианка» («채식주의자», 2007), Син Кёнсук «Пожалуйста, позаботьтесь о маме» («엄마를 부탁해», 2009) и Чо Намджу «Ким Чжиён, рожденная в 1982» («82년생 김지영», 2016).

В произведении Чо Намджу широко рассматривается тема гендерного неравенства. В доказательство автор приводит реальные статистические данные Кореи, отражающие тяжелое положение женщины в обществе. В романе описывается рост негативного осознания гендерного неравенства в обществе, где девушка со средней школы начинает сталкиваться с дискриминацией и предвзятым отношением. Можно предположить, что данное произведение предназначено не только женской части общества, оно способно привить положительное и адекватное восприятие проблем неравенства в обществе и сформировать солидарность в отношении женщин, страдавших от несправедливого отношения, которая приведет к более развитому без патриархальных традиций современному обществу.

На основе анализа романов мы пришли к выводу, что авторы критикуют такие традиционные брачные установки, как традиция сватовства, чрезмерное вмешательство родителей в жизнь детей, а также выбор партнера для будущей жизни родителями, а не самими супругами. Также общим для романов является то, что преобладание равнодушия со стороны мужа приводит к краху брачных отношений и возникновению недопонимания между супругами, что ведет к женскому одиночеству и чувству отчужденности в семье. В романах представлен новый взгляд на процесс развода в Корее как на естественное явление, которое не должно вызывать стыд и страх перед общественным порицанием. Кроме того, пересматривается распределение обязанностей между супругами: женщина получает больше прав и возможностей в самореализации и трудоустройстве.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева

Проблемы современного китайского общества в творчестве китайского писателя Хэ Цзяньмина

К. С. Бахтина

Новосибирский государственный университет

Хэ Цзяньмин (何建明, 1956 г. р.) — современный выдающийся писатель, член Коммунистической партии Китая, уроженец г. Сучжоу, пров. Цзянсу. Занимает высокие посты в различных писательских организациях: заместитель председателя Союза китайских писателей, председатель Общества китайской документальной прозы, генеральный директор фонда китайской литературы. Обладатель нескольких главных литературных премий Китая, среди них три премии имени Лу Синя.

В конце 1970-х гг. Хэ Цзяньмин еще во время службы в армии начал заниматься журналистикой, после 90-х гг. перешел к литературному творчеству. Вступил в союз писателей КНР в 1992 г. Был удостоен звания «всеитайский отличник труда», это чрезвычайно трудолюбивый писатель. Он лично посещал разные города и деревни, находящиеся в различных уголках страны, проводил интервью у большого количества очевидцев, чтобы собрать достоверную информацию для своих будущих работ.

Такие работы писателя, как «Республика зовет о помощи» (共和国告急 *гунхэго гаоцзи*), «Слезы — золото» (落泪是金 *лолэй ши цзинь*), «Министр и государство» (部长与国家 *бучжан юй гоцзя*), были удостоены премии имени Лу Синя. Сюжеты произведений построены на основе реальных событий, происходящих в обществе, именно поэтому они создают значительный резонанс. Хэ Цзяньмин сформировал свой уникальный авторский стиль, сочетающий документальную точность описания с яркой образностью и эмоциональностью.

В произведениях Хэ Цзяньмина органично сочетаются критика и похвала. Неважно, будь это «абсолютное восхваление», как в «Шанхайских чувствах» (上海表情 *Шанхай бяоцин*), или «наводящая на размышления критика», их источником никогда не бывает политический ангажемент. В их основе лежат реальные проблемы развития страны и нации. Эстетический эффект его произведений — это обида без гнева, печаль, которая может заставить людей увидеть надежду после разочарования, избавиться от боли и быть вдохновленным критикой [1]. Например, в романе «Слезы — золото» повествуется о студентах, которые любой ценой хотят получить высшее образование, чтобы обеспечить себе «билет в лучшую жизнь».

Главные ценностные установки творчества Хэ Цзяньмина — внимать проблемам народа, условиям жизни людей, требованиям в отношении развития страны и нации. Писатель должен понимать ценность своей работы,

ее миссию и быть близок к реальной жизни простых людей [2]. В его произведениях находят отражения проблемы различного характера: социально-политические (например, проблемы реформы образования, деревни), экономические, техногенные и экологические.

1. Чжан Ли, Чжан Лошэн. Цзай дяньсин сюйши чжун хунян шидай юй миньцзу цзиншэнь — хэцзяньмин баогао вэньсюэ чуанцзо дэ дандай ии [在典型叙事中弘扬时代与民族精神 — 何建明报告文学创作的当代意义]. Развитие эпохи и национального духа в образцовом повествовании — современное значение творчества Хэ Цзяньмина в жанре документальная литература // Хунань дасюэ сюэбао шэхуэй кэсюэ бань. 2011. Т. 25, № 6. С. 72–77.

2. Дин Сяюань. Хэ Цзяньмин: фань чжэнчжихуа дэ фэйсюйгоу сюйши [何建明: 泛政治化的非虚构叙事]. Хэ Цзяньмин: Политизированное нон-фикшн повествование // Дандай цзоцзя пинлунь. 2011. № 5. С. 157–165.

Научный руководитель — Т. Г. Завьялова

**Хагивара Кёдзиро и его поэтический сборник «Смертный приговор»
в контексте японского авангарда начала XX в.**

Д. А. Бессонова

Новосибирский государственный университет

Хагивара Кёдзиро (1899–1938) — важная фигура в японской авангардной литературе. Самопровозглашенный анархист, он стоял за журналом «Красное и Черное» (赤と黒 *Ака-то куро*), был участником авангардной группы художников MAVO. Его первые стихотворения были написаны в традиционной форме *вака*, однако после знакомства с футуристом Хирато Рэнкити и переезда в Токио Хагивара К. все больше интересуется авангардом, что находит отражение в его поэзии.

Художественные течения, развивающиеся в первые десятилетия XX в. в Европе, начали стремительно распространяться в Японии после землетрясения в Канто, которое произошло в Токио в 1923 г. Шок, вызванный землетрясением, можно сравнить с последствиями Первой мировой войны и ее влиянием на европейский авангард. Нигилизм и анархизм начали укореняться на благодатной почве демократизации. Это все дало возможность авангардным движениям развиваться семимильными шагами.

Важной частью авангардных движений начала XX в. является переход творчества от личного к обществу: появляется все больше обществ и кружков, искусство стремится стать максимально близким к жизни, художники и поэты работают вместе над общими проектами. Так, в 1925 г. Хагивара Кёдзиро в сотрудничестве с художниками авангардной группы MAVO выпускает свой первый поэтический сборник — «Смертный приговор» (死刑宣告 *Сикэй сэнкоку*).

По структуре «Смертный приговор» представляет из себя компиляцию стихотворений, фотографий и линогравюр, которые отражают эксперименты с печатью и версткой, фотографией и дизайном. Типографические эксперименты с формой, размером и направлением шрифта придают поэзии беспорядочность и динамичность. Визуальная эстетика «Смертного приговора» тесно связана с работами участников группы MAVO: линогравюры выполнены Окада Тацуо, фотографии и иллюстрации — самим Хагивара Кёдзиро, Яанасэ Массами, О:ра Сю:зо: и лидером MAVO Мураяма Томояси. Также в сборнике используются работы родоначальника русского конструктивизма — Владимира Татлина.

Эстетические воззрения Хагивара К. на рост технологии, коммерции и пропаганды, которые стали неотъемлемыми элементами городского пейзажа, нашли свой ответ в зарисовке, помещенной в «Смертный приговор»: напоминающая робота конструкция держит в руке-пружине флажок с под-

письмо *Nihil*, а по ее корпусу содержится сообщение «Все поэтические формы уничтожены. Их заменит электро-радио-рекламная башня!!» [1].

Для Хагивара Кёдзиро как поэта раннего авангарда стояла проблема вывести поэзию на новый уровень, дать образам не только лингвистическую, но и графическую репрезентацию. Его главная идея — уничтожение всего, что он считал устаревшим и архаичным в новой японской поэзии через уничтожение самого языка. Стихотворения Хагивара К. напоминают по форме фигурные стихи русского футуриста Василия Каменского и поэзию «слов на свободе» (*parole in libertà*) итальянских футуристов.

В предисловии «Смертного приговора» Хагивара К. декларирует: «Выделим же и сделаем независимой каждую строчку! Огрубим ее могучим смехом! Огрубим ее восклицанием! Наполним ее живым сильным чувством!» [1]. Свой тезис Хагивара К. реализует через выбор лингвистических и экстралингвистических средств. Некоторые знаки имеют план содержания, другие — используются для создания графического образа: точки, линии, буквы. «Смертный приговор» — это лингвистический хаос с его беспорядочным расположением букв, фраз и слов, словно рассыпающихся на скопление знаков: смешение иероглифики, каны, букв латинского алфавита и геометрических объектов.

Политические симпатии Хагивара К. нашли свое отражение в образах, повторяющихся в стихотворениях. Например, красные коммунистические или черные анархистские флаги. Вчитываясь и всматриваясь в его поэзию, читатель не может не заметить взаимосвязь идеологии и образности.

«Смертный приговор» был в определенном смысле этого слова вехой в поэзии начала XX в. Хагивара К., искусно сочетая топографические инновации с твердыми политическими убеждениями, обозначил тип нового поэта — анархиста по духу и экспериментатора в подходе к писательству.

1. Хагивара Кёдзиро. Сикэй сэнкоку [萩原恭次郎。死刑宣告]. Смертный приговор. Токио: Хорубусюппан, 1972. С. 9–11.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Тематика китайских народных песен

Я. М. Бубеева

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Верным способом изучения иностранной культуры и языка служит углубление в культурные истоки народа — народное творчество, в котором воплощены воззрения, идеалы и стремления народа, его поэтическая фантазия, богатейший мир мыслей, чувств и переживаний. Важнейшей составляющей народного творчества Китая является народная песня. Концентрируя тысячелетиями в себе многогранный людской опыт, китайская народная песня отличается правдивостью образов, глубиной художественного освоения действительности.

Народные песни — это богатое и выдающееся поэтическое устное народное творчество. Существует множество разновидностей народных песен, которые всесторонне отражают производственную и социальную борьбу трудового народа, а также его повседневную жизнь. Они живо и наглядно выражают мысли и чувства простых людей. Песни следуют веяниям времени и быстро изменяются вслед за жизнью. Это важный социально-исторический материал, который распространяется в устной форме. Это голос сердца народа, зеркало общества невероятной ценности.

В ходе исследования тематики китайских народных песен нами была предпринята попытка самостоятельно классифицировать китайские народные песни по их смысловой наполненности. Исходя из данной классификации, мы пришли к следующим выводам по теме исследования.

1. Подавляющей составляющей китайских народных песен являются **песни на тему природы и любви к ней**, что говорит о такой китайской национальной черте, как бережное и трепетное отношение к природному благосостоянию своей Родины.

2. Следующей обширной темой мы считаем **тему уважения и поклонения родителям и предкам**. Данное явление берет свое начало из конфуцианства — основной религии Китая, которая предполагала безоговорочное подчинение младших старшим («сыновья почтительность»).

3. **Песни, исполнявшиеся во время изнурительной физической работы**, отличаются своим подбадривающим коллективным духом. Испокон веков китайцы большую часть времени своей жизни отдавали работе и труду во благо своей семьи и государства, а народная песня являлась своего рода «лекарством» от усталости.

4. **Песни-молитвы** также уходят корнями в китайское национальное вероисповедание. Вера в сверхъестественные высшие силы, а именно в силу и волю Неба, составляет немалый тематический пласт народных песен Китая.

5. Тема вина и любви к нему встречается не только в устном народном творчестве Китая. Эту тему в разные эпохи затрагивали великие поэты и писатели Китая, посвящали ей оды и целые романы. Исходя из этого, можно с уверенностью предположить, что вино для китайского народа представляет собой особый источник вдохновения и любви

6. Тема дружбы, так же как и **тема любви между мужчиной и женщиной**, в изобилии встречается не только в народно-песенном творчестве Китая, но и у других народов мира. Эти темы действительно являются исключительно важными и универсальными для людей любого возраста, национальности, места рождения и религии.

7. Тема скитаний и поиска смысла жизни отсылает нас к концепции даосизма — мощному направлению древнекитайской философской мысли. В основе даосизма лежит понятие «дао» («путь») — первоначало, безличный мировой закон, путь достижения природы и ее закономерностей.

Китайская народная песня обладает огромным тематическим разнообразием, способностью чутко реагировать на политические, общественные и религиозные события, точно описывать чувства и стремления народа.

Научный руководитель — В. Ф. Алсаева

Влияние русской литературы на творчество Акутагава Рюноскэ

Д. Д. Бурсакова

Новосибирский государственный университет

В начале XX в. литература Японии стремительно развивалась, объектом исследования стал человек, писатели-новаторы уделяли внимание психологии своих персонажей, их внутреннему миру. Ким Рёхо упоминает это в труде, посвященном Японии начала XX столетия [1]. Молодые авторы знакомились с недавно переведенными на японский язык произведениями западной и русской литературы, в особенности с романами А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, и изображали окружающую действительность с реалистичностью, присущей русским авторам.

Особое место в литературном мире Японии занимают произведения Акутагавы Рюноскэ, на примере творчества которого мы рассматриваем влияние русской литературы на японских писателей. Выбор произведений Акутагавы Рюноскэ в качестве объекта нашего исследования объясняется их популярностью в Японии и за рубежом, а также тем, что в них развиваются мотивы произведений Ф. М. Достоевского. Акутагава, как и Достоевский, интересовался мотивом преступления и наказания, моральными терзаниями героев. Он исследовал не детективную сторону, а трагедию личности, механизмы сознания преступника, которые побуждают его совершать безнравственные поступки, нередко оправдывая себя благими намерениями. Так, в новелле «Ворота Расёмон» 1913 г., по утверждению Аркадия Стругацкого, находят отражение мотивы сна из «Преступления и наказания» [2, с. 3], а герой «Мук ада» (1918), придворный художник Ёсихидэ, подобно Раскольникову, становится носителем принципа «все дозволено», жертвуя собственной дочерью ради искусства. Мотивы преступления проходят и через новеллы «Убийство в век просвещения» (1918), «В чаше» (1922).

Размышляя о человеческих пороках и шансах на искупление, Акутагава пишет новеллу «Паутинка» в 1918 г., в основу которой ложится притча о добре и зле «Луковка» из «Братьев Карамазовых». По мнению исследователя Л. И. Сараскиной, в произведениях на религиозные мотивы он исследует не веру как таковую, но, как и Федор Михайлович, субъективный мир верующего человека, его психологическое состояние. [3]. Даже сагирическая утопия, пародирующая нравы буржуазной Японии, «В стране водяных» («Каппа», 1927) пропитана духом работ Ф. М. Достоевского. Например, произведения искусства в гротескном мире капп создаются так называемыми сверхчеловеками, опустившимися до состояния, в котором отсутствуют представления о морали и нравственности. В произведении «Зубчатые колеса» 1927 г. герои вступают в диалог, предметом которого становятся произ-

ведения Достоевского. Они говорят о свете и тьме, божественном и дьявольском в людях, пытаются найти связь между судьбами персонажей Федора Михайловича и своими. В этом произведении Акутагава уделяет большое внимание деталям: желтый цвет, как и образ Наполеона, становится цветом наступающего героя безумия, его злого рока, от которого бежит и герой Акутагава, и Раскольников.

Изучив творческий путь писателя и проанализировав его избранные произведения, мы можем прийти к выводу, что Рюноскэ Акутагава не раз возвращался к темам, терзавшим Ф.М. Достоевского. Он обыгрывал его мотивы в своих произведениях, обращался к теме преступления и наказания, безнравственности, религии и, подобно русскому писателю, изучал внутренний мир своих героев и мотивы их поступков. Таким образом, мы видим, что творчество Ф.М. Достоевского оказало существенное влияние на произведения Рюноскэ Акутагавы.

-
1. Рёхо К. Русская классика и японская литература. М.: Худож. лит., 1987.
 2. Стругацкий А.Н. «Три открытия Акутагава Рюноскэ»: Акутагава Р. Новеллы. М.: Худож. лит., 1974.
 3. Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Совет. писатель, 1990.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н.В. Кутафьева

**Соматизмы «рука» и «нога»
в недоговорках-иносказаниях китайского языка**

М. О. Волкова

Новосибирский государственный университет

Фразеологизмы сохраняют и доносят народные предания и поучительные истории, отражают культурные реалии прошлого, являются источником национальной самобытности. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка, не стал исключением и китайский язык, обладающий богатейшим культурным фондом.

Цель нашей работы — выявить коммуникативные особенности недоговорок-иносказаний с соматическим компонентом в китайском языке.

В китайском языке существует особый разряд фразеологизмов — 歇后语 *сехоу юй* (букв. «речения с усекаемой концовкой») [1]. В русской литературе они получили название «недоговорки-иносказания».

Словарь «Синьхуа цзыдянь» (新华字典) дает следующее определение: «Недоговорка-иносказание — выражение, в котором вторая часть — “разгадка” скрыта, и только при помощи первой части “загадки” можно догадаться о смысле выражения» [2].

Впервые термин 歇后 *сехоу* встречается в «Биографии Чжэн Ци Старой истории Тан» (旧唐书 · 郑縈列传). Однако, как языковая форма, он появился еще в доцинскую эпоху. Так, в «Четвертой главе раздела Планы царства Чу произведения Планы сражающихся царств» (战国策 · 楚策四) встречается следующая недоговорка: 亡羊补牢 — 未为迟也. *Ванъян булао — вэйвэй чи е* («Чинить хлев, когда овцы пропали, еще не поздно», она употребляется в значении «лучше поздно, чем никогда») [3].

Существует несколько классификаций недоговорок. Более того, существует множество недоговорок, обладающих несколькими признаками одновременно. Ввиду этого возникает проблема четкого обозначения границ между типами, некоторые недоговорки можно отнести одновременно к нескольким категориям. Ниже представлена наиболее популярная классификация недоговорок по четырем категориям:

- 1) недоговорки-омофоны;
- 2) недоговорки, в которых описывается сходство с неодушевленным предметом;
- 3) недоговорки, в которых описывается сходство с одушевленным объектом;
- 4) недоговорки, содержащие исторические либо литературные мотивы [3].

На основании словарей «Сехоу юй дацюань» (歇后语大全) и «Цзелун дацюань» (接龙大全) методом сплошной выборки нами было отобрано 200 недоговорок-иносказаний.

Приведем несколько примеров.

1. 锭子舂海椒 — 辣(拿)手。Динцзы чунхай цзяо — ла (на) шоу. («Давить кулаком острый перец — жжет руку», т. е. в значении «быть сильным в чем-либо, быть умельцем»).

Метафоричный перевод второй части «разгадки» приводится до скобок, коммуникативный — после скобок. Данная недоговорка относится к первому типу. В ней присутствует метафоричный перенос, заключающийся в том, что и давить острый перец без перчаток, и быть профессионалом в чем-либо — дело непростое. Иероглиф 手 шоу «рука» выступает в значении «мастерство».

Поскольку в недоговорке речь идет о свойствах перца, т. е. предмета одушевленного, ее также можно отнести ко второму типу.

2. 磅秤上放粒芝麻 — 无足轻重。Банчэн шан фан ли чжима — у цзу цин чжун. («На весы для больших грузов положить зернышки кунжута — не стоит принимать во внимание»).

Данная недоговорка относится ко второму типу. В ней проводится сравнение между предметами, которые обычно взвешивают на таких весах, и зернышками кунжута — чем-то настолько несущественным, что даже обращать внимание нет смысла, это словно «капля в море».

Таким образом, используя указанную выше классификацию, мы на материале недоговорок-иносказаний выполнили анализ коммуникативных особенностей данного языкового явления в китайском языке.

1. Прядохин М. Г. Китайские недоговорки-иносказания. М.: Наука, 1977. 148 с.

2. Синьхуа Цзыдянь [新华字典]. Словарь Синьхуа. URL: <http://xh.5156edu.com/html5/71535.html> (дата обращения: 11.02.2021).

3. Сехоуэй [歇后语]. Электрон. энцикл. «Байкэ» [百科]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%AD%87%E5%90%8E%E8%AF%AD/93030?fr=addin> (дата обращения: 02.02.2021).

Научный руководитель — канд. филол. наук., доц. Н. В. Кутафьева

Социальная тематика в драме Тянь Ханя «Наводнение»

Е. А. Ензак

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Данное исследование является анализом социальной драмы Тянь Ханя «Наводнение». Литература Китая XX в. и сейчас вызывает огромный интерес у российских востоковедов. В частности, глубокому анализу подвергаются произведения социальной тематики.

Драматическое искусство Китая в первой половине XX в. было достаточно скудным, развитие происходило медленно и трудно. Китайские драматурги черпали вдохновение в произведениях зарубежных авторов, а также занимались переводами их драм на китайский язык. Для развития драматургии во второй половине XX в. немаловажную роль сыграло активное участие Тянь Ханя, для которого целью было создать «новую разговорную драму» (*хуацзюй*).

Тянь Хань — выдающийся современный китайский драматург, автор гимна Китайской Народной Республики, поэт, режиссер и кинематограф. Родился в обычной крестьянской семье, в пров. Хунань. Творческую деятельность Тянь Хань начал после вступления в антияпонское движение «4 мая» 1919 г., желая повлиять на политические и социальные проблемы в обществе. После этого, вдохновившись оперным искусством и сценической обработкой, создал собственный театральный кружок и дебютировал в качестве драматурга.

Тянь Хань сумел через доступные простому человеку формы искусства, такие как драма, песни, сценарии к кинофильмам, достучаться до сознания китайцев о национальной идентичности и независимости. В критические моменты именно Тянь Хань смог сплотить широкие массы с интеллигенцией, тем самым объединив их в мощную силу, для которой не было ничего невозможного. Благодаря Тянь Ханю был сформирован и четко поддерживался дух патриотизма в борьбе против японских захватчиков. Ранние драмы Тянь Ханя по большей части агитировали за индивидуальность и освобождение разума от политического «гнета». Разоблачая преступления против воли и свободы человека, писатель все больше уделял внимание социальным вопросам. К 30-м гг. XX в. драматург в полной мере принял марксизм, если раньше писатель уделял огромное внимание феодальным пережиткам и судьбе интеллигенции, то сейчас его стало больше интересовать судьба простых рабочих и крестьян.

Драма «Наводнение» (洪水, 1936) повествует о природном бедствии и о том, как пришлось сражаться простому народу с повышением уровня воды в Хуанхэ. В центре повествования находятся несколько крестьян и ста-

риков, дети которых давно бежали из провинции, чтобы спасти себя и своих детей, а также мы видим представителя администрации и инженера. Людям приходится делать выбор, искать средства на более современные и крепкие сооружения, при помощи которых инженер будет строить дамбу, тем самым предотвращать наводнение.

Перед нами предстает картина полной нищеты и неизбежности провала постройки дамбы собственными силами, удивляет не только стойкость народа, а также сплоченность и вера в лучший исход.

Предметом изображения является социальная прослойка общества — крестьяне, которые автором раскрываются в обстановке природной катастрофы, их целью является спасение собственной жизни не только от наводнения, но и от бесчинства.

Система персонажей выведена автором в произведение из реальной жизни. Главный конфликт произведения — это существующие отношения между сильным и беззащитным, при глубоком рассмотрении персонажей открывается сильный независимый образ человека. В драме также присутствуют антагонисты, заключающие в себе образ бесчеловечного и жестокого человека.

Несмотря на конкретно-исторические аспекты произведения, вечный вопрос справедливости, чести и гуманности заключен в живые реплики драмы. Ощущается живое иллюстрирование ситуаций, которые находят отклики в современном мире. Это вечные социальные проблемы: бедности и богатства, бессилия и власти, истинности и лживости в ценностях и т. д.

Автор умело оформляет реплики персонажей, ставит представителей разных слоев общества во всевозможные ситуации, использует игру контрастов, а также упоает на умение читателя сострадать.

В драме «Наводнение» автор пытается показать упорство и смелость простого народа. Тянь Хань стремится сделать центром сюжета не просто народное бедствие, а чувства, которые люди испытывают и которые близки каждому из нас.

Научный руководитель — В. Ф. Алсаева

Представление о душе в китайской лингвокультуре

Д. Н. Жаворонкова

Новосибирский государственный университет

В китайской философии отсутствует аналог слову «душа», и признаки, соответствующие западному пониманию души, представляют сложную систему терминов с узким значением.

В данном исследовании мы рассмотрим концепцию души и ее отражение в китайских фразеологизмах. В своей работе мы основываемся на трудах О. Н. Волковой, А. Г. Сторожука, А. И. Кобзева, Е. А. Торчинова, Ван Вэйвэй, Линь Цзиньфэн.

В качестве материала для анализа мы выбрали 150 фразеологизмов *чэньюй* — четырехморфемных фразеологизмов из словарей «Онлайн-словарь чэньюй» (在线成语字典 *Цзайсянь чэньюй цзыдянь*) [1] и «Онлайн-словарь Синьхуа» (在线新华字典 *цзайсянь синьхуа цзыдянь*) [2].

Идея о множественности душ сформировалась во времена династии Восточное Чжоу (722–256 гг. до н. э.). Важнейшим трактатом на эту тему является «Дао дэ цзин» (середина III в. до н. э.), в котором разграничиваются такие понятия, как 神 *шэнь* «дух», 鬼 *гуй* «дух», 魄 *по* «животная душа» и 灵 *лин* «душа», 精 *цзин* «дух, душа и духовная энергия».

Считается, что души разнообразны по своим свойствам, их можно разделить на две основные группы: 魂 *хунь* «эфирные» и 魄 *по* «животные».

У человека три души 魂 *хунь* и семь душ 魄 *по*. Три души 魂 *хунь* связаны с человеческим сознанием и мышлением. Кратко охарактеризуем каждую из душ по отдельности: 生魂 *шэнхунь* «живая душа» — жизненное начало как таковое. Кроме человека эта душа имеется также у растений и животных, исчезает после физической смерти человека. 觉魂 *цзюэхунь* «душа» — эфирная субстанция сферы чувств. Кроме человека эта душа имеется еще у животных. Исчезает после физической смерти человека. 灵魂 *линхунь* «дух» — вместилище человеческого сознания. Эта эфирная душа бессмертна, после смерти человека она возносится к небесному эфиру. Души 魄 *по* связаны с человеческой жизнедеятельностью и контролируют физиологические процессы в организме [3].

Таким образом, можно сказать, что жизнь зарождается от небесного и земного начал (德 *дэ* «великодушие» и 气 *ци* «душевные силы»). Причиной появления жизни называют 精 *цзин* «духовная энергия», она дает начало 魄 *по* «животной душе», а две 精 *цзин* «духовная энергия», соединенные 神 *шэнь* «духовным началом», порождают 魂 *хунь* «разумную душу».

Кроме вышеприведенных терминов, во фразеологизмах понятие «душа» может выражаться соматизмами, связанными с органами и частями тела че-

ловека. Например, 胸 *сюн* «грудь», 头 *тоу* «голова», 心 *синь* «сердце» (ближайший синоним слову «душа»), по мнению Тань Аошуан [4]). Кроме фразеологизмов, содержащих соматизмы, мы также рассмотрели фразеологизмы с многозначным компонентом 气 *ци* «дух, душа, характер, энергия, эфир».

На основании проведенного анализа мы пришли к следующим выводам. Все слова, приобретающие во фразеологизмах значение «душа», характеризуют ее с разных сторон и описывают разнообразные эмоции. Фразеологизмы с иероглифом 气 *ци* в большинстве случаев связаны с такими качествами, как гордость, спокойствие, величие духа; 心 *синь* «сердце» — с честностью, добротой, ранимостью; 胸 *сюн* «грудь» — с храбростью, волнением; 头 *тоу* «голова» — с мыслительным процессом.

Таким образом, душа в китайском мировоззрении является единством субъекта и объекта, образующих единый организм, а не духовной субстанцией. Во фразеологизмах душа характеризуется как с положительной, так и с отрицательной стороны и благодаря употреблению разнообразных синонимов служит средством выражения большого спектра эмоций и всевозможных процессов в теле человека.

1. Цзайсянь чэньюй цзыдянь [在线成语字典]. Онлайн-словарь чэньюй. URL: <http://cy.5156edu.com> (дата обращения: 11.12.2020).

2. Цзайсянь Синьхуа цзыдянь [在线新华字典]. Онлайн-словарь Синьхуа. URL: <http://xh.5156edu.com/html3/12610.html> (дата обращения: 16.12.2020).

3. Линь Цзиньфэн. Душа и дух в русской и китайской культурной антропологии // Филол. науки. Вопр. теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11. Ч. 3. С. 132–135.

4. Тань Аошуан. Локализация органов чувств в наивной картине мира китайского языка // Китайская картина мира. М., 2004. С. 119–125, 138–185.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева

Использование заимствованной лексики в современном корейском языке

Е. А. Кизикова

Новосибирский государственный университет

Данный доклад посвящен вопросу использования заимствованной англо-американской лексики в речи современных корейцев вместо исконно корейской.

В корейском языке имеется огромный пласт заимствованной лексики, который непрерывно пополняется. Если разобрать словарный состав корейского языка, то получится:

1) 80 % — заимствования, из которых 70 % из китайского языка, а 10 % — из английского, японского и других языков [1];

2) исконно-корейские слова [1].

Многие заимствования с течением времени прочно осваиваются в корейском языке и перестают восприниматься как чужие. Многие корейцы могут даже не подозревать, что употребляемые ими слова пришли из других языков, так как эти слова прочно вошли в обиход и кореезировались. Такими же стали и некоторые английские слова, вошедшие в корейский язык со времен первых миссий на Корейский полуостров и Корейской войны. И с течением времени их количество все увеличивается. Сейчас англо-американизмы присутствуют в лексиконе любой сферы жизни общества: культуры, экономики, науки, политики и др. Именно поэтому тема роли англо-американизмов в речи современных корейцев очень актуальна на сегодняшний день [1, 2].

Объектом исследования является заимствованная лексика в речи современных корейцев. Предмет — функционирование заимствованной лексики в корейском языке.

Основными методами исследования данной работы являются метод обобщения и систематизации данных. В работе использовались также структурно-семантический, описательный и функциональный методы.

Изучив историю проникновения англо-американизмов в корейский язык и их функционирование в повседневной жизни корейцев, можно сделать вывод, что они имеют действительно большое влияние на речь корейцев и стиль ведения разговора.

В данной работе был проанализирован лексический пласт англо-американской заимствованной лексики в корейском языке, описаны фонетические, грамматические и семантические адаптации, которые проходит слово в процессе вхождения в новый язык. Также в данном исследовании была описана история проникновения англо-американских заимствований в Корею. Мы пришли к следующим выводам.

1. Большая часть заимствований вошла в корейский язык как самостоятельные лексические единицы. Конечно, англо-американизмы могут сосуществовать в обеих формах языка (разговорной и книжной), однако в большинстве случаев они сосредотачиваются в разговорной форме. Наиболее большой пласт англо-американской лексики наблюдается в речи образованной городской молодежи, которая подвержена влиянию американской культуры. Судя по состоянию корейского литературного языка на сегодняшний день, можно говорить о том, что конглиш становится «субдиалектом» всеобщей развитой городской молодежи. Более того, он используется в печатных изданиях (в том числе в научно-исследовательской литературе), интернет-ресурсах и телевизионных программах [3, 4].

2. Различные варианты одного языка (в данном исследовании — корейского) часто развиваются в условиях государственной разобщенности. Так, раздел Кореи отразился на том, из какого языка будет пополняться лексический состав корейского языка. В Северной Корее это русский язык, а в Южной Корее — английский. Результатом этому стало то, что уже сейчас наблюдаются огромные различия в этих двух вариантах корейского языка [2].

3. Процесс вхождения английских заимствований в корейский язык затрагивает все стороны структуры языка, а также влияет на повседневную жизнь корейского общества.

Таким образом, нами была заложена теоретическая основа для дальнейшего изучения влияния заимствований на речь современных корейцев. Результаты данной и последующих работ могут помочь при переводческой деятельности, а также в качестве материала по вопросу лексикологии корейского языка.

1. Файзрахманова Ю. С. Лексические инновации: кореизированные английские слова // Вестн. РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 18—27.

2. Сухнин В. Е. Корея // Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. М.: Наука, 1986. С. 228—235.

3. Мун Ен Гир. Англо-американизмы в общественно-языковой практике Южной Кореи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

4. Файзрахманова Ю. С. Лексические инновации: кореизированные английские слова // Вестн. РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 3. С. 18—27.

Научный руководитель — А. С. Шамрин

Детская литература начала XX в. в Японии (на примере журнала «Красная птица»)

Е. Е. Киселева

Новосибирский государственный университет

Рубеж XIX–XX вв. — время становление авторской детской литературы в Японии. Первыми образцами авторских детских произведений принято называть сказки, опубликованные Иваей Садзанами, в частности изданную в 1891 г. сказку «Коганэмару» [1]. Самые ранние авторские произведения относились к жанру *отоги-банаси* — нравоучительной сказки, призванной прививать подрастающему поколению конфуцианские ценности [2]. Однако уже к концу 20-х гг. XX в. назревает необходимость пересмотреть подход к созданию детских произведений.

В 1918 г. издается первый выпуск детского литературного журнала «Красная птица» (Акай тори), на первой странице которого главный редактор Судзуки Миэкити определяет новый курс развития детской литературы. Согласно этому курсу, основной задачей журнала «Красная птица» являлось создание произведений, свободных от идей вульгарности и жестокости, которые представлялись авторам журнала избыточными в существовавших на тот момент детских произведениях [3].

Окончательное формирование концепта детства в Японии приходится на начало XX в., вследствие чего этот период иногда называют «Возрождением детской культуры» [2]. Этим было обусловлено, что философия «Красной птицы» отражала сложившийся в японском обществе взгляд на ребенка и мир детства в целом, параллельно дополняя его.

Данный журнал стоит особняком среди детских периодических изданий того времени благодаря нестандартному подходу к пониманию личности ребенка. С деятельностью авторов «Красной птицы» связано появление понятия *досин*, означающего восприятие ребенка как чистого и непорочного существа, нравственного идеала. Образ невинного ребенка становится основой философии новых литературных жанров, представленных в журнале — детских рассказов-сказок *дова* и детских стихков-песенок *доё*.

Рассказы *дова* разнообразны по структуре и содержанию: часть из них приближена к традиционной сказочной форме («Девушка из цветочной лавки»), часть являет собой рассказ, лишенный сказочных элементов («Гроздь винограда»). Среди произведений *дова* присутствуют также попытки включить оригинальные мысли в традиционные структуры типа *сэцува* (поучительных легенд). Все произведения жанра *дова* объединяет идея отношения к ребенку как к носителю высших моральных идеалов. Идеальный образ ребенка выражается в трех характеристиках (доброте, слабости, чистоте

сердца), проявление которых в отдельности или совокупности являются важным объектом запечатления для авторов, в том числе в целях формирования «идеального» читателя в лице ребенка [4].

Произведения жанра *доё* были призваны заменить патриотическую песенную литературу сёка, которая рассматривалась авторами «Красной птицы» как идеологически устаревшая. Вслед за появлением жанра *доё* возникло «Движение за новую детскую песню», лидером которого был поэт Китахара Хакусю [3].

Оригинальность подхода к теме детства и создания литературных произведений для детей обеспечила высокую оценку журнала в среде интеллигенции и «белых воротничков» [4]. Но эта же особенность придала литературе *досин* элитарный характер, за счет чего издание уступало по популярности периодике с более простым и понятным для самого юного читателя содержанием.

Опыт журнала «Красная птица» показал неэффективность формирования образа ребенка «сверху» без учета особенностей реального, а не умозрительного восприятия мира с точки зрения детей. Тем не менее плеяда писателей «Красной птицы» установила высокую художественную планку для авторов детских произведений последующих эпох, а *доё* и *дова* до сих пор составляют круг досугового и образовательного чтения как детей, так и взрослых.

1. Сулейменова А. М. Японская авторская сказка как жанр нового времени // Изв. Вост. ин-та. 2012. № 1. С. 90–96.

2. Аникеев С. И., Такеда А. Русский писатель В. Я. Ерошенко // Детские чтения. 2017. № 1. С. 69–70.

3. Байбикова Е. М. «Красная птица» из страны идеальных детей // Красная птица: Детская литература Японии. СПб.: Желтый двор, 2020. С. 205–214.

4. Кавахара Кадзуэ. До:ва-но нака-но кодомотати. Киндай нихон-но кодомо-кан [童話の中の子どもたち ~近代日本の子ども観~]. Дети в произведениях дова. Взгляд на детей в современной Японии // Детские исследования. 2011. № 13. С. 101–109. URL: <https://www.crn.or.jp/KONANWU/bulletin/13.html> (дата обращения: 19.01.2021).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

**Тема школьного насилия (буллинга)
в современной южнокорейской литературе**

А. В. Коваль

Новосибирский государственный университет

Классическое определение понятия буллинг было введено норвежским психологом Д. Олвеусом в конце XX в. Буллинг — это неоднократное, периодическое физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы лиц в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [1].

О. Л. Глазман выделяет следующие типы буллинга: прямой, косвенный (непрямой), социальный (игнорирование) [2]. Основными признаками травли являются: пренебрежительное отношение, физическое и психологическое насилие, оскорбления, постоянная критика жертвы и ее действий, вымогательство, шантаж, игнорирование, вербальные оскорбления. В последнее время также более распространенным становится буллинг в интернете (кибербуллинг, интернет-травля). Говоря о последствиях буллинга, можно отметить ухудшение психологического состояния и концентрации у индивида, склонность к депрессии, сложность адаптации в обществе, риск увеличения количества самоубийств [3].

Школьное насилие — это серьезная социальная проблема, которая особенно остро проявляется в странах Восточной Азии. По мнению автора, одна из причин этого явления — коллективное массовое сознание. Общество воспринимается как сложный механизм с жесткой иерархической системой, а его члены — составляющие данного механизма. Если член общества не вписывается в устоявшуюся систему социальных ролей, его либо отвергают, либо пытаются исправить и вернуть в систему.

Так, в Республике Корея массовое коллективное сознание в настоящее время проявляется в явно выраженном комплексе «Мы» (우리 *uri*). Данный комплекс является выражением культурного коллективизма, когда общество всегда выше и важнее личности. Индивидуализм считается проявлением эгоизма, отрицания корней и общего прошлого. Культура семейных праздников, совместной трапезы, уважительного отношения к предкам не подразумевает существование индивида отдельно от общества.

На данный момент среди трудов отечественных корееведов крайне мало исследований, связанных с изучением литературных произведений, посвященных проблеме буллинга.

Литература является важным составным элементом культуры любого этноса, где отражена совокупность норм поведения и социальных особенностей носителей культуры, а также картина мира и проблемы, характерные

для данного этноса. С другой стороны, проблемы современного общества оказывают непосредственное влияние на образность и проблематику литературных произведений. Внимание ведущих современных южнокорейских авторов к такой серьезной теме, как общественная травля индивида, является серьезным шагом на пути к борьбе с проблемой буллинга. Это может послужить также и серьезным фактором развития социальной и психологической направленности литературного творчества.

В результате тщательного анализа проблематики и художественных особенностей ряда произведений ведущих современных южнокорейских авторов был выделен круг рассказов и романов, тематика которых тесно связана с проблемой школьного насилия. Были проанализированы произведения Ли Мунёля «Наш испорченный герой», Ким Чжонюка «Уличный фокусник», Ли Чжанука «Большая часть Хару».

В ходе проведенной работы автором исследования в рассмотренных произведениях были выделены основные образы, сюжетные линии, выявлены социальные роли персонажей и основные художественные приемы. При этом на материале вышеперечисленных произведений были выделены следующие типы повествования: 1) посредством героя-очевидца, прямого участника процесса школьного насилия; 2) от лица стороннего наблюдателя. В процессе текстологического анализа автором была отобрана и систематизирована соответствующая лексика в корейском языке, связанная с обозначением социальных ролей в контексте темы буллинга. Важными аспектами проделанной работы становятся сравнительно-историческая методология, позволяющая в рамках анализа одного явления проследить его специфику и в Республике Корея, и на примерах современных европейских стран, а также сравнение индивидуально-авторских стилей в рассмотренных литературных произведениях.

1. Наумова Н.Н., Ефимова А.С. Зарубежные исследования феномена буллинга в 1980–90 годы // *Международ. журн. гуманитар. и естеств. наук.* 2018. Т. 1, № 5. С. 139–142.

2. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена.* 2009. № 105. С. 160–164.

3. Lee Kwan-Chun. School Bullying in Korea and Christian Educational Approach // *Asia Pacific Educ. Rev.* 2003. P. 75–83.

Научные руководители —
д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек, М. А. Шутова

Влияние философии Чжу Си на терминологию традиционной китайской медицины

А. С. Коломейцева
Новосибирский государственный университет

Традиционная китайская медицина представляет собой уникальный комплекс различных школ и учений. На ее развитие постоянно оказывали значительное влияние теория и методология китайской философии. Формирование основ медицинской теории в «Трактате Желтого императора о внутреннем» сопровождалось восприятием натурфилософских идей из канона «И-цзин», а при династиях Сун и Мин на медицину влияла философия неоконфуцианства, что позволило медицине оформиться в стройную теорию. В этот период традиционная медицина постепенно избавляется от элементов шаманизма и отходит от слепого следования образцам древности, в медицинской теории происходит ряд академических нововведений, а также начинается дифференциация конкурирующих друг с другом школ.

Изменением вектора развития медицинского учения в сторону рациональности традиционная китайская медицина во многом обязана деятельностью великого философа, энциклопедиста и педагога Чжу Си (朱熹, 1130–1200), с именем которого связывают расцвет конфуцианской оригинальной мысли при династии Сун (960–1279).

Хотя Чжу Си никогда непосредственно не участвовал в комплексном процессе формирования медицинской теории, как и никогда не был профессиональным врачом, его труды и идеи оказали огромное влияние на развитие традиционной китайской медицины, в том числе и на уровне терминологии.

Сопоставительный анализ категорий философии Чжу Си и медицинских терминов был проведен нами на материале медицинского трактата «Общее собрание сведений о медицине с древности до наших дней» (古今医统大全 *Гуцзинь итун дацюань*) известного конфуцианского врача из традиции 新安 Синьянь (древнее название современной области Хуэйчжоу в пров. Аньхой) Сюй Чуньфу.

Влияние философских концепций на медицинскую терминологию и последующая адаптация к нуждам медицины философских категорий и понятий прослеживается еще в трактате «Нэйцзин». Философия Чжу Си и выделенные им понятия не только помогли создать новые медицинские термины, но и позволили более точно определить уже существующие, в более рационалистическом виде. Например, Чжу Си определил 气 *ци*, одно из основных понятий китайской натурфилософии и традиционной медицины, как пневму, которая является одним из двух начал каждой из вещей 物 *у* наряду с принципом 理 *ли*. Медицина эпохи Сун восприняла эту концепцию пнев-

мы 气 *ци* и сформировала на ее базе совокупность более узких терминов: 元气 *юаньци*, 真气 *чжэньци*, 正气 *чжэнци*, 阳气 *янци*, 阴气 *иньци*, 中气 *чжунци*, 邪气 *сеци* и т. д. Таким образом, концепция пневмы 气 *ци* позволила сформировать смыслообразующую модель для целого ряда терминов, в результате чего сложилась терминологическая система, которая обладает четкой структурой и иерархичностью: в зависимости от изменений в организме, внутренних органах или при какой-либо болезни меняется и характер 气 *ци* (становится болезнетворной 邪气 *сеци*), а следовательно, меняется и термин, обозначающий характер патогенеза.

В результате можно заключить, что неоспоримый вклад Чжу Си в развитие традиционной китайской медицины (на уровне теории и терминологии) можно охарактеризовать как научную революцию, что вкупе со все повышающимся интересом к традиционной культуре и медицине Китая в современном мире создает плодотворную почву для исследований.

Научный руководитель — Т. Г. Завьялова

**Актуализация социально-экономических и экологических проблем
1960–1970-х гг. в южнокорейской поэзии
через образы города и природы**

Э. В. Ли

Санкт-Петербургский государственный университет

На 1960–1970-е гг. в Республике Корея приходится начало «экономического чуда», которое позволило укрепить тяжелое экономическое положение страны, что стало фундаментом для ее дальнейшего стремительного развития. Политика, проводимая президентом Пак Чонхи, помогла привести «страну к экономическому, а в итоге — к культурному процветанию» [1, с. 525]. Однако переломные моменты в истории практически всегда имеют как позитивные, так и негативные стороны. Специалист по истории Кореи С. О. Курбанов отмечает, что у многих южных корейцев этот период ассоциируется не с самыми хорошими воспоминаниями [1, с. 525]. Неоднозначное отношение к происходящим процессам демонстрируют и ведущие поэты периода Син Доннёп (신동엽, 1930–1969) и Ли Сонбу (이성부, 1942–2012). Обращаясь к образам города и природы, авторы обнажают актуальные проблемы того времени, затрагивающие индустриализацию и ее влияние на население страны и экологию.

Центральной темой стихотворения Син Доннёпа «5-я улица Чонно» (종로 5가) становится изображение жизни людей низшего социального слоя в условиях социально-экономического развития. Автор дает панораму Сеула 1960-х гг., по которой угадывается настроение того времени. Ли Сонбу в стихотворении «Остров Нанчидо» (난지도) описывает ситуацию на острове, ставшем главной городской свалкой. Затрагивая тему экологии, автор изображает страдания природы.

Основная мысль прослеживается в произведениях при рассмотрении верхнего семантического слоя. Однако еще больший интерес представляет внутренний пласт. Анализ текстов Син Доннёпа и Ли Сонбу показал, что раскрытию идей автора служат также некоторые модели, встречающиеся в древней корейской литературе и мифах. К примеру, в стихотворении последнего была выявлена модель, свойственная корейской мифологической системе: «Небо — Земля — Человек» [2]. Здесь данная триада показывает масштабность проблемы, затронутой автором.

В произведении Син Доннёпа акцент делается преимущественно на положении людей, проживающих в городе и провинции. Масштабные кампании, направленные на улучшение экономического положения страны в то время, не лучшим образом отражались на населении. В своем стихотворении поэт показывает боль жителей провинции и их надежды на светлое бу-

дущее, а наиболее глубоко это понять помогают архаичные элементы, выявленные в тексте (на протяжении всего стихотворения лирических героев сопровождают «южные» элементы, относящиеся к ориентации в пространстве и непосредственно Солнцу — таким образом автор на символическом уровне «привносит жизнь» в бездушный город).

Кроме того, по большей части работа с традиционными моделями затрагивает образы природы, которая традиционно наделяется сакральным смыслом в мировоззрении корейцев. Такое отношение к ней сохранилось и по сей день, поэтому ей уделяется особое внимание.

Тема экологии актуальна для корейской литературы уже нескольких десятилетий. Многие писатели и поэты неоднократно обращались к ней в своем творчестве. Один из репрезентативных примеров — творчество южнокорейской писательницы и поэтессы Пак Кённи (박경리, 1926–2008) — современницы Син Доннёпа и Ли Сонбу. Стихотворение последнего «Остров Нанчжидо» является своего рода «криком души» поэта, когда на первый план вышла одна из главных экологических проблем конца 1970-х гг.

Город в процессе индустриализации, объективно представляющий собой новое, рассматривается Син Доннёпом и Ли Сонбу не как символ прогресса и позитивных перемен, а как место, которое губит все живое. Здесь выявляется оппозиция «город — природа», на примере которой раскрывается социально-экономическое положение страны рассматриваемого периода, с точки зрения представителей обычного населения, а также выявляется их отношение к нововведениям.

1. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 525.

2. Троцевич А. Ф. Оппозиция Земля — Небо в корейских мифах (некоторые наблюдения над текстами преданий об основателях царств) // Теор. проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М.: ГРВЛ, 1977. С. 239–247. URL: http://www.rauk.ru/index.php?option=com_jdownloads&Itemid=4&view=viewdownload&catid=824&cid=4531&l ang=ru

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Гурьева

Перевод реалий с китайского языка на русский (на примере современной художественной литературы)

А. А. Логачева

Новосибирский государственный университет

В современном мире глобализация и развитие информационных технологий повлияли на увеличение масштабов взаимодействия различных культур, сближение стран и народов. В процессе межкультурных и межязыковых контактов важность приобретает перевод, основной задачей которого является обеспечение взаимопонимания представителей разных этнокультурных сообществ. Посредником в контакте между культурами в первую очередь выступает художественный текст, поскольку он знакомит читателя с образом жизни других народов, их бытом, историей, культурой и особенностями видения мира. Через художественный текст познается окружающая действительность, поэтому основная задача переводчика — воссоздать текст, не уступающий оригинальному произведению по эстетическому и художественному воздействию на читателя.

В последнее время в нашей стране наблюдается стремительный рост внимания к китайской литературе. Объектами исследований и обсуждений выступают как классические художественные и исторические произведения, так и популярные произведения современной литературы. Литературная сцена Китая последних четырех десятилетий действительно поражает разнообразием, изменчивостью, хаотичностью, и эти произведения продолжают переводиться и издаваться для русскоязычного читателя [1].

Вступая в контакт с чужой культурой, человек воспринимает ее через призму родной культуры, что приводит к возникновению препятствий, ведущих к неадекватной интерпретации различных аспектов иноязычной культуры. В процессе перевода нередко встречаются языковые единицы, которые не имеют эквивалентов в других языках, следовательно, не поддаются передаче привычными средствами, а требуют от переводчика особого подхода. К таким лексическим единицам относятся реалии, которые заключают в себе национальный и исторический колорит [2].

Исследованием перевода реалий занимались такие признанные лингвисты, как В. Н. Комиссаров, С. И. Влахов, С. П. Флорин, А. В. Федоров, В. В. Виноградов, А. Д. Швейцер. Фундаментальные работы по теории перевода в первую очередь обращены к исследованию европейских языков. Однако в связи с возрастающим вниманием к китайскому языку возникает необходимость разработки конкретной тактики перевода для адекватной передачи реалий китайской культуры.

Следует провести тщательный анализ способов перевода реалий в современной китайской художественной литературе; рассмотреть способы, отличные от перевода реалий с европейских языков; выявить подходы современных переводчиков; проанализировать, как удастся переводчику справиться с адаптацией столь отличных от нашей картины мира реалий.

В качестве примера был проанализирован роман Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» в переводе О.П. Родионовой, изданном в 2019 г. Данное произведение демонстрирует читателю жизнь китайского общества в своем истинном виде, вскрывая пороки как высших слоев населения, так и обычных крестьян. Выдуманные истории выглядят абсурдными, но изображают насыщенную контрастами действительность Китая. Роман изобилует реалиями, которые являются посредниками в знакомстве с культурой и бытом современного Китая. Методом сплошной выборки были выявлены данные лексические единицы и рассмотрены способы их перевода.

Специфические особенности, характерные китайскому языку, наиболее ярко проявляются в процессе перевода, когда происходит сопоставление двух языковых систем. Трудности, с которыми неизбежно сталкивается переводчик, можно разрешить только при условии владения всеми закономерностями этих языков. Языковые особенности того или иного произведения представляют собой одну из важнейших сторон национального колорита.

Переводчикам китайской художественной литературы необходимо осознавать важность и серьезность в подходе к переводу текстов, изобилующих реалиями, и иметь представление о специфике способов их перевода, так как именно в реалиях кроется наиболее отличительная информация, позволяющая познакомиться с народом и изучить его.

1. Хузиятова Н.К. ПАПАПА. Современная китайская проза. Предисловие. СПб.: Гиперион, 2017. С. 5–28.

2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С.В. Алкин

Образ женщины в повести Те Нин «Хлопчатник»

М. Б. Махарова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

Простые и традиционные произведения Те Нин и ее умение точно передавать основную суть женской жизни всегда вызывали большой интерес у читателей. Те Нин описывает женщин подробно, правдиво и с особой нежностью. К каждой героине относится с пониманием и проявляет сочувствие.

Так, в повести «Хлопчатник» (棉花垛, 1989) Те Нин выдвигает женские жизненные требования, которые касаются политики, морали, духовной культуры, нравственности. Военно-исторические коллизии выступают фоном, на котором разворачивается драма женского бытия. Консерватизм традиционного общества, низкий уровень самосознания обусловили безысходность и тупиковость женского существования.

Те Нин создала много уникальных образов сельских женщин, показывая их жизни в тени патриархального общества.

На протяжении тысячелетий традиционное китайское общество и культура демонстрировали своего рода необычайную стабильность в ходе своего развития. На этом фоне образ и условия жизни китайских женщин также обладали своего рода некой стабильностью: тотальная зависимость положения, отсутствие культуры, образования и средств для существования. У них нет возможности выжить в одиночку, поэтому единственное, на что они могут рассчитывать, — это продажа собственного тела в обмен на избавление от трудностей.

В повести «Хлопчатник» показаны условия жизни сельских женщин во время антияпонской войны. Главная героиня Ми Цзы имеет очень привлекательную внешность, которая заставляет мужские сердца биться чаще, а женщин завидовать. «Ми Цзы не собирает и не выращивает цветы, но дома цветы тоже имеются» (棉花垛 пер. М. Махаровой). Ми Цзы в небольшом домишке продавала цветы, что по сути являлось замаскированной проституцией. Для нее половые отношения стали способом получения средств существования. «У нее была причина для того, чтобы не собирать цветы, она хорошо выглядела», Ми Цзы использовала свою красоту для того, чтобы заключать сделки с цветоводами, а прибылью был хлопчатник плохого качества. В этой деревне хлопок являлся основным источником дохода, однако все ресурсы находились в руках мужчин, а женщины, в свою очередь, не имея ничего, кроме своих тел, получают этот хлопок за счет угождения мужчинам.

Те Нин не пытается напрямую через Ми Цзы раскритиковать и высмеять женщин, она уделяет большое внимание социальному фону того времени.

Фактически это касается не только Ми Цзы, местных жителей, но и иностранцев. Группа иностранок приезжает в Байшэ, находят хорошую гостиницу, днем скрываются, а ночью выходят. Они занимаются проституцией в обмен на вещи, необходимые для существования, и это было распространено повсеместно. Однако социальная среда того времени не придавала этому значение.

Ми Цзы использовала свою молодость и красоту в обмен на то, что было необходимо для жизни, «едва ей исполнилось 50 лет — тело стало кривым и иссохло подобно хворосту».

Цяо — простой и прозрачный образ, который является эмоциональным центром повести. Ее короткая жизнь полна невежества и тоски по любви. Она была из бедной семьи. Часто ходила в воскресную школу и читала отрывки из священного писания.

Цяо принимала активное участие в антияпонском сопротивлении. На первый взгляд Цяо — независимая и смелая женщина, которая любит свою страну. Именно это является прямой причиной и главной мотивацией ее присоединения к революции. Однако была до смерти унижена японскими захватчиками.

Сяо Чоуцзы так же, как и ее мать Ми Цзы, не смогла избавиться от трагической участи борьбы за выживание, понять и рассмотреть отчетливую и изменяющуюся зависимость женщин от мужчин. Сяо Чоуцзы с детства находилась под влиянием своей матери — проститутки, игнорировала традиционные нравственные нормы, для нее в свободных половых отношениях не было ничего предосудительного. Она предпочла стать любовницей предателя, чтобы выжить во время войны.

Вмешательство со стороны общества и нравственные оковы привели к тому, что половые отношения полностью противоречат природе женщины, они больше не являются чем-то красивым, а наоборот, обладают негативным окрасом.

Женская красота не стала подтверждением ее собственной ценности, а наоборот, превратилась в игрушку для мужчин. Низкое качество хлопка, полученного Ми Цзы за свои услуги, становится метафорой обесцененной сущности женщины.

Жестокие условия войны усугубили положение женщины в традиционном обществе, и, как видится автору, сопротивление было бессильно.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. Д. Тугулова

Репрезентация личной истории в поэтическом творчестве *кисэн*

В. Ю. Мишина

Санкт-Петербургский государственный университет

Кисэн представляли собой особую группу женщин, обладающих всеми необходимыми знаниями для развлечения гостей, и играли большую роль в общественной и культурной жизни Кореи.

Несмотря на то что *кисэн* принадлежали к низшей категории населения *чхонмин*, они были хорошо образованы. В кёбанах (специальных школах для обучения *кисэн*) женщины, кроме всего прочего, получали углубленные знания по литературе: они были знакомы с поэтической традицией как на родном, так и на китайском языках, искусно владели поэтическими приемами [1]. Многие *кисэн* были хорошими поэтессами, а некоторые из них оказали большое влияние на корейскую поэтическую традицию.

Жизнь *кисэн*, их чувства нашли отражение в их творчестве. Центральной темой в творчестве *кисэн* становится любовь, и именно *кисэн* ввели тему любви в *сичжо* — репрезентативный поэтический жанр на родном языке эпохи Чосон (1392–1897). Ввиду своей профессии *кисэн* были вынуждены довольствоваться только короткими встречами с любимым. Многие стихотворения имеют в основе своего создания реальное событие. Так, создание *сичжо кисэн Хоннан* связано с ее взаимоотношения с поэтом Чхве Кёнчханом (1539–1583) [2], а роман между *кисэн Мэчхан* (1573–1610) и поэтом Ю Хигёном (1545–1636) стал причиной создания множества стихотворений, которые они посвящали друг другу [3].

Следует уделить внимание символизму и другим художественным приемам в поэзии *кисэн*. Так, *кисэн Хоннан* в своем *сичжо* пишет об отправленной возлюбленному ветке ивы. У ивы есть несколько значений: она выступает символом самой девушки, так как ива у дороги, которую легко сломать, ассоциировались с *кисэн*. Также ива олицетворяет женское очарование [4]. С другой стороны, ива сама по себе является символом разлуки, было принято отламывать веточку ивы и давать ее уезжающему на память [4]. Таким образом, можно наблюдать сочетание символов.

Подобное сочетание символов можно встретить и в текстах *кисэн Мэчхан*. *Сичжо Мэчхан* о печальной любви и разлуки построено на параллелизме весны и осени, яви и сна. Непостоянство мужчины подчеркивается сразу двумя символами: ветром и белыми цветами грушевого дерева [4]. Также цветы груши ассоциируются с тоской [4]. Кроме того, период с весны по осень мыслился как период развития всех событий в дальневосточной традиции. Однако же после наступит весна, новая жизнь и новая любовь.

Несмотря на то что тема любви преобладала в творчестве *кисэн*, затрагивались и другие темы. Встречаются стихотворения о нелегкой судьбе *кисэн*. Так, *кисэн* Куннё сочиняет *сичжо*, в котором сравнивает себя с рыбой, обреченной всю жизнь провести в пруду; ее жизнь уже заранее predetermined, и она не может ничего с этим поделать.

Затрагивается и вопрос о жизни и смерти, невозможности вернуть время вспять. *Кисэн* Кесом в своем *сичжо* говорит о неуволимости того момента, когда уходит молодость: старость отнимает ее красоту, особенно важную для женщины ее рода занятий. Неизвестно, когда это произойдет и какой станет ее жизнь после этого, неизвестность страшит, а невозможно что-либо изменить приводит лишь к тоске.

Стихотворения *кисэн* наполнены эмоциями, которые были неотъемлемой частью их жизни: тоской, одиночеством и сожалением. Вместе с тем юмор и ирония также были свойственны их творчеству. Известно о шутиливой переписке между *кисэн* Хану и поэтом Лим Че (1549–1587) или о стихотворении *кисэн* Хван Чини (1506–1567), которое стало частью розыгрыша [1].

В поэзии *кисэн* было много личного. Они писали о том, что их волновало, о своих переживаниях по поводу любви, уходящей красоты и жизни в «золотой клетке». Темы, которые *кисэн* затрагивали в стихотворениях, были близки и понятны многим читателям.

1. Троцевич А. Ф. История корейской литературы (до XX в.): учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 323 с.

2. 병옥 = Чон Пёнук. 시조문학사전 (時調文學事典) = Сичжо мунхак сачжон (Энциклопедия литературы сичжо) / 정병옥. — 서울, 1972. 872 с.

3. Maechang, a Joseon-era Gisaeng who Embraces World with Poetry, Love. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=e&menu_cate=history&id=&board_seq=61022&page=17&board_code= (дата обращения: 26.02.2021).

4. Филимонова Е. Н. Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 25. 200 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Гурьева

Лингвокультурные особенности зооморфизмов в китайском и русском языках

Е. А. Ольхина

Новосибирский государственный университет

Общеизвестно, что язык — это единственное средство вербализации культуры. Он накапливает, хранит и передает из поколения в поколения культурный опыт каждого народа. В мире насчитывается более 5000 тыс. языков, в каждом из которых находится частичка самобытной культуры.

Это можно доказать на простом примере представителей животного мира. С давних времен они играли важную роль в жизнедеятельности людей: в быту и на охоте, в обрядах, верованиях, приметах и т. д. Одновременно с этим у людей происходил долгий процесс наблюдения за животным миром, за поведением его конкретных представителей и сравнения их с собой, наделения их «человеческими» качествами. Результат такой когнитивной деятельности отразился в языках в виде зооморфной метафоры [1].

Зооморфными метафорами, или зооморфизмами, принято обозначать наименования животных, которые выступают в качестве эталонных носителей тех или иных качеств человека [2].

Цель нашего исследования — выявить культурные коннотации зооморфных метафор аналогичных наименований животных в русском и китайском языке и проанализировать их сходства и различия.

На сегодняшний день изучение зооморфизмов вызвано особым вниманием филологов и лингвистов на процессы дифференциации культур в контексте глобализации и поиски национальных черт в универсальных языковых явлениях.

Настоящее исследование предполагает два этапа. Цель первого этапа заключается в поиске образов животных, хорошо известных представителям того или иного народа, например, из различных мифологических и фольклорных сюжетов и плотно закрепившихся в их мировоззрении, а также анализ зооморфной лексики и некоторых устойчивых оборотов (идиом, пословиц, поговорок) по данным современных толковых словарей русского и китайского языков.

На втором этапе мы проанализировали и сопоставили следующие зооморфные метафоры восьми наименований животных в русской и китайской культурах: лиса, волк, лев, медведь, собака, бык, лошадь и тигр. При анализе зооморфизмов мы основывались на классификации метафорических признаков по М. А. Гаврилюк [3]:

– конкретно-личностные признаки (внешний вид, физиологические особенности, интеллектуальные способности, особенности характера);

– социально-ролевые признаки (поведение человека в общества, его отношения к другим людям, профессиональные характеристики).

В ходе исследования в двух языках мы рассмотрели 102 устойчивых оборота, связанные с указанными выше наименованиями животных, и пришли к следующим выводам.

Во-первых, сравнительно-сопоставительный анализ показал, что ассоциативно-образные связи русских и китайцев, связанные с одинаковыми наименованиями животных, могут частично совпадать или совершенно различаться, что выявляет национальную специфику зооморфных метафор.

Во-вторых, при характеристике человека зооморфизмы выполняют эмоционально-оценочную функцию, что позволяет нам исследовать систему положительных и отрицательных оценок, служащих основой для формирования метафорической номинации. В настоящем исследовании было больше отмечено отрицательных коннотаций, чем положительных.

В итоге зооморфизмы — это одно из универсальных средств познания человека через призму образов животных, которые выступают в качестве связующего звена между языком и культурой.

1. Колмакова В. В., Буцыгина Ю. С. Зооморфизмы как показатель личных качеств человека // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конференции: в 4 ч. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 194–197.

2. Гукетлова Ф. Н. Этноспецифические особенности зооморфизмов в разносистемных языках (на материале французского, русского и карбандино-черкесского языков). Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 2008. № 84. С. 98–105.

3. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека. Томск: Вестн. ТГПУ, 2013. № 10. С. 136–140.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева

Лингвистические средства как рекламный инструмент на примере корейской баннерной интернет-рекламы

Т. В. Рыжкова

Новосибирский государственный университет

Язык рекламы — важный элемент на пути достижения главных целей рекламодателя, а именно: обратить на себя и удержать внимание потенциального покупателя, стимулировать его совершить покупку. Он бесконечно разнообразен, оригинален и по-своему уникален. Ведь именно посредством рекламы продавец общается с покупателем, и в зависимости от товара, от того, к какой аудитории направлено обращение, текст должен быть написан в определенном стиле.

В настоящее время именно интернет становится наиболее эффективной площадкой для проведения рекламных кампаний, продвижения товаров и услуг и привлечения потребителей. Согласно Корейскому интернет-агентству KISA, с 2014 г. именно интернет-реклама неуклонно развивалась и увеличивала доход наряду с другими рекламными СМИ. В 2016 г. онлайн-реклама составляла около 35,2 % от всего рекламного рынка Кореи. Большая доля рекламного бюджета в Корее приходится на крупные компании *Naver* и *Daum* [1].

Учитывая большое количество рекламных объявлений, можно уверенно сказать, что реклама представляет собой уникальный обширный материал для анализа функционирования языковых механизмов.

Рекламодатели при составлении рекламного текста и формировании баннера всячески используют языковое манипулирование: игру слов, различные лексические, стилистические, а также паралингвистические средства и т. д. Важно отметить, что баннеры занимают немного места при размещении на веб-странице, что влечет за собой необходимость емко и кратко передать самую важную идею товара или услуги, но в то же время остаться ярким и оригинальным. Поэтому языковой материал подбирается максимально продуманно и эффективно. А значит, лингвистические средства и приемы, которые мы встречаем при анализе корейских баннеров, оцениваются копирайтерами как самые эффективные и действенные для продуктивных стратегий.

К настоящему времени из корейских веб-страниц и часто посещаемых сайтов (новостные порталы, такие как *SportChosun*, *SportSeoul*, страница поисковой системы *Naver*, информационно-новостные сайты и пр.) отобрано 78 интернет-баннеров на тему еды и ее доставки.

Проведен сопоставительный анализ частеречной принадлежности лексики в рекламе, результаты которого позволяют сделать вывод о наиболь-

шей значимости имен существительных при построении рекламной стратегии в корейском языке, о чем свидетельствует их количественное соотношение со словами других частей речи (468 существительных, 70 глаголов действия, 61 глагол состояния и 33 наречия). Характеристика лексического состава дала возможность выделить особенности построения корейских рекламных интернет-баннеров, так как именно лексическим средствам отводится ведущая роль. Основными особенностями корейской рекламы являются большое количество иностранных слов, наличие неологизмов, сокращения и пр.

В ходе анализа не выявлено определенных фонетических средств выразительности, использующихся для проведения успешной рекламной стратегии. Однако полученный результат позволяет сделать важный вывод: рекламодатели не считают фонетические средства эффективными именно для баннерной интернет-рекламы, что также является специфичной чертой, которую необходимо принять во внимание. Кроме того, обнаружено крайне мало случаев употребления сленговой лексики, что стало неожиданным результатом, так как интернет-реклама в большинстве своем ориентирована на пользователей сети, которые активно пользуются интернет-сленгом.

Таким образом, доказано, что корейская баннерная интернет-реклама имеет свои уникальные особенности, а язык помогает преобразовать обычный, непримечательный рекламный текст в нечто яркое, звучное и образное, получая ведущую роль в построении успешной и продуктивной рекламной кампании.

1. MSIT — KISA, 2018 Korea Internet White Paper. URL: https://www.kisa.or.kr/eng/usefulreport/whitePaper_List.jsp (дата обращения: 12.03.19).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева

**Семантические поля «преступление» и «наказание»
в современном китайском языке**

Д. О. Сильченко

Новосибирский государственный университет

Изучение словарного состава языка методом семантического поля весьма распространено в современной лингвистике. Семантическое поле отражает представления носителей языка об определенном понятии, к которому относятся единицы, входящие в состав поля.

Целью данной работы является выявление особенностей взаимодействия семантических полей «преступление» и «наказание» в современном китайском языке.

Семантическое поле — совокупность слов, объединяемых смысловыми связями на основе единого общего понятия или сходных признаков их лексических значений [1]. Как считает М. А. Кронгауз, для семантического поля следует задать дифференциальные признаки, а именно смыслы, присущие части слов, с помощью которых значения слов данного семантического поля могут быть различены [2]. Поле состоит из ядра, центра и периферии, смежные поля взаимодействуют друг с другом [3].

Методом сплошной выборки из различных источников мы отобрали 200 примеров и провели их анализ.

В результате были выделены следующие компоненты.

К ядру семантического поля «преступление» относятся следующие слова: 犯罪 *фаньцзуй* «преступление», 罪行 *цзуйсин* «преступление».

К центру — 罪恶 *цзуйэ* «преступление, злодеяние», 罪过 *цзуйго* «преступление, злодеяние», 犯法 *фаньфа* «нарушать закон», 违法 *вэйфа* «нарушать закон», 触犯法律 *чужань фалюй* «нарушать закон», 作奸犯科 *цзоцзень фанькэ* «творить зло и нарушать закон», 犯科 *фанькэ* «переступать закон», 以身试法 *ишэнь шифа* «бросать вызов закону», 知法犯法 *чжифа фаньфа* «заведомо нарушать закон».

К периферии — группа, состоящая из слов и словосочетаний, обозначающих вид преступления; группа слов и словосочетаний, обозначающих различные характеристики преступления; группа, в которую входят слова и словосочетания, значение которых связано с составом преступления, а также группа, состоящая из двух словосочетаний, которые обозначают наказания в зависимости от характеристик преступления.

К ядру семантического поля «наказание» относится слово 刑罚 *синфа* «наказание».

К центру — 处刑 *чусин* «подвергнуть наказанию», 惩治 *чэнчжи* «наказывать», 刑事责任 *синши цзэжэнь* «уголовная ответственность».

На периферии семантического поля «наказание» находится группа лексических единиц, значение которых — определенный вид наказания; группа лексических единиц и словосочетаний, связанных с уголовным процессом; группа слов, связанных с участниками уголовного процесса, а также группа слов и словосочетаний, связанных с отбыванием наказания.

Поскольку семантические поля пересекаются, в состав того и другого поля входят некоторые слова и словосочетания, такие как 重犯监狱 *чжунфань цзяньюй* «тюрьма [для] совершивших тяжкие преступления», 轻犯监狱 *цинфань цзяньюй* «тюрьма [для] совершивших преступления меньшей степени тяжести», 犯罪客观方面 *фаньцзуй кэгуань фанмянь* «объективная сторона преступления», 犯罪主观方面 *фаньцзуй чжугуань фанмянь* «субъективная сторона преступления», 责任能力 *цзэжэнь нэнли* «вменяемость», 社会危害 *шэхуэй вэйхай* «общественный вред», 作案手段 *цзоань шоудуань* «метод совершения преступления; преступный почерк», 作案目的 *цзоань муди* «цель преступления».

В результате анализа мы выяснили, что некоторые языковые единицы входят в состав обоих исследуемых полей, что позволяет сделать вывод об условности границ и тесном взаимоотношении семантических полей «преступление» и «наказание» в современном китайском языке.

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Рос. энцикл., 1997. С. 930.

2. Кронгауз М. А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2005. С. 132.

3. Новиков А. Л. Эскиз семантического поля. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskiz-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 21.01.2021).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева

Отторжимая и неотторжимая принадлежность в японском языке

М. В. Соловьева

Новосибирский государственный университет

Данная работа представляет собой исследование категории принадлежности японского языка, а именно анализ использования предикативных конструкций со значением обладания и принадлежности в зависимости от степени отторжимости обладаемого объекта. Помимо этого, в работе предпринята попытка выяснить степень отторжимости некоторых объектов обладания в японском языке. Исследование проведено на примерах из «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка».

Категория принадлежности или категория посессивности — универсальная понятийная категория, служащая для выражения широкого круга отношений принадлежности и обладания. Семантически данная категория неоднородна и рассматривается некоторыми исследователями как бинарные оппозиции, одной из наиболее значимых является оппозиция отторжимой/неотторжимой принадлежности. Категория отторжимой принадлежности приложима к объектам, которые не представляются обязательными или весьма вероятными для обладателя в языковом менталитете. Неотторжимым же является обладаемое, которое не мыслится отделимым от обладателя в языковой картине мира носителей языка. Во многих языках в сферу неотторжимой принадлежности входят партитивные отношения, родственные отношения, физические и ментальные состояния и пр.

В японском языке отсутствуют специальные формальные средства выражения отторжимости/неотторжимости, тем не менее даже без специальных средств данные идеи формально разграничиваются посредством предпочтительности или допустимости использования тех или иных видов конструкций с обладаемым того или иного типа.

В японском языке наиболее восприимчивы к признаку отторжимости обладаемого предикативные конструкции. В частности, модель обладания N_{POSS} に N が ある, где N_{POSS} — обладатель, оформленный как локатив показателем дательного падежа に *ni*, N — объект обладания, が *ga* — показатель именительного падежа, а ある *aru* — бытийный глагол, который может свободно использоваться для выражения отторжимой принадлежности, но ограничен в выражении неотторжимой: данную конструкцию в утвердительной форме нельзя использовать для описания партитивных отношений, наличия частей тела и некоторых атрибутов неодушевленных предметов (например, цвета и формы). Стоит отметить, что данная модель может использоваться для выражения родственных отношений, что может указывать на их меньшую степень неотторжимости. С другой стороны, посессивная конструк-

ция N_{poss} が N を $する$, где обладатель оформлен показателем именительного падежа が ga , обладаемое — показателем дательного падежа を o , а роль глагола обладания выполняет глагол $する$ *суру* со значением «делать», наоборот, используется для выражения значения неотторжимой принадлежности, при этом обладаемое сопровождается определением. Данная конструкция используется исключительно с неотторжимыми объектами обладания, к которым относятся части тела, а также некоторые неотъемлемые атрибуты и части неодушевленных предметов, что делает ее комплементарной модели обладания. Помимо этого, для выражения значения обладания используется еще одна конструкция с глаголом *суру* — N が N が $する$, где и обладаемое, и обладатель оформлены показателем именительного падежа. Данная конструкция используется с отдельными типами объектов обладания, такими как вкус, аромат, некоторые ментальные состояния. Наличие данных типов обладания у посессора можно выразить и с помощью вышеупомянутой модели обладания с глаголом *ару*, что указывает на относительно невысокую степень неотторжимости. С другой стороны, возможность выражения наличия данных типов обладания посредством именно этой конструкции, вероятно, говорит об особом восприятии их носителями языка.

Таким образом, основываясь на анализе использования японских предикативных посессивных конструкций для выражения значения неотторжимой/отторжимой посессивности, можно определить, какие типы обладаемого воспринимаются носителями языка как неотъемлемые от обладателя, а наличие каких представляется необязательным.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. В. Дурова

Идейное содержание и роль первой литературы дошкольников и младших школьников Китая

А. А. Стародубцева

Новосибирский государственный университет

Значение первой литературы в жизни ребенка очень велико. Книги расширяют его знания о мире, знакомят детей с вещами, природой, всем, что их окружает. Не является исключением и мир детской книги для подрастающего поколения Китая.

В европейской культуре первые произведения, адресованные детям, появились во второй половине XVIII в. Китайская же детская литература еще относительно молода: как самостоятельный сегмент художественной словесности она возникает только в XX в. Ее становление было связано с кардинальными изменениями в стране в то время. Проникновение в Китай западной культуры и появление переводов видных европейских писателей также стали причинами зарождения и расцвета китайской детской книги.

Первой литературой, с которой знакомятся китайские дети и через которую они познают мир легендарных героев, являются сказки. По методу изображения персонажей и событий сказки можно классифицировать следующим образом: волшебные сказки (главный герой — человек со сверхъестественными способностями: «Женщина-лисица»; «Девица-карп»); антропоморфные сказки (действующие лица уподоблены человеку: «Ворона отблагодарила своих родителей»; «Жеребенок перешел через реку»); бытовые сказки (фиксируют описание сюжетов повседневной жизни людей: «Как три зятя тестя поздравляли»; «Семейная драгоценность»). Однако стоит отметить, что четкой границы между ними нет и все сюжеты сказок так или иначе связаны друг с другом.

Немаловажной составляющей сюжетов литературы для маленьких китайцев является символическое наполнение, а именно: национальная система ориентации во времени и пространстве, числовая и цветовая символика («Портрет девушки из дворца»). Наблюдается также частая связь описываемых в литературе событий с какими-либо важными датами, например праздниками старого сельскохозяйственного календаря или особыми днями поминовения усопших («О том, как по животным счет годам вести стали»).

Значительное место в чтении ребят более старшего возраста занимают уже не просто всем знакомые традиционные истории, а авторские рассказы, повести и небольшие романы. Говоря о школьной китайской детской литературе, следует отметить, что одной из наиболее распространенных тем является воспитание любви к труду, а главными действующими лицами повествования чаще становятся сами школьники, появляются фигу-

ры деревенских и городских ребят-сверстников юных читателей («Бронза и Подсолнух» Цао Вэньсюань). Нередко произведения детских писателей посвящены семейному быту, учебе, дружбе, детству и взрослению («Дайте мне мой резец» Лю Цзяньпин; «Старая лодка» Пэн Сюэцзюнь). За последние десятилетия отмечается рост количества литературы, которая знакомит детей с национальными меньшинствами Китая, воспитывая в детях дух братского содружества и взаимопомощи («Бамбуковый свисток» Бай Хуа, где героиней рассказа стала девочка Шарья из народности яо).

Что касается внеурочной литературы для младших школьников, то в Китае доминирует популярный и в мировой литературе жанр фэнтези. Однако здесь он «обрастает» особой китайской спецификой: зачастую ключевыми персонажами становятся герои средневековых классических китайских романов, к примеру, Царь обезьян Сунь Укун или благородные разбойники из лагеря Ляншаньбо, а китайский советник Чжугэ Лян нередко похож на волшебника Мерлина. Одним из новейших элементов китайской литературы для детей также стал интернациональный продукт книжной индустрии — комиксы, которые сразу заняли особое место в жизни юных китайцев.

Сквозная мысль, проходящая через все современные китайские произведения о детях: ребенок имеет право на собственную жизнь и собственное мнение. Среди ценностей, которые трактует первая литература дошкольников и младших школьников Китая, можно выделить: нравственные ценности, включающие оказание помощи другим, добро, честность; общественные ценности — значимость настоящей дружбы, сохранение мира и согласия; личностные ценности — уверенность в себе, веру в свои силы и стойкость духа.

Таким образом, можно сделать вывод, что роль первой литературы для детей невозможно переоценить, она задает вектор развития пока еще маленькой личности китайца, знакомит его с национальными достижениями Китая, формирует базовые представления о его стране, воспитывает любовь к народу, труду, формирует положительные нравственные ценности.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Расположение субъекта в пространстве в японском языке

В. А. Узунова

Новосибирский государственный университет

Категория пространства занимает важное место в культуре и языковой картине мира любого народа. Со второй половины XX в. ученые изучают, как категория пространства структурируется и выражается в языках. Многие лингвисты пришли к выводу, что пространственные представления, вырабатываемые языковым сознанием, являются базисом для временных и обстоятельственных отношений [1].

В данном докладе мы хотим представить анализ примеров японских предложений, описывающих нахождение субъекта в пространстве, в которых предикат является переходным.

В японском языке, ввиду наличия большого числа грамматических конструкций, есть возможность описать нахождение в пространстве с использованием нетипичных предикатов. Одной из таких грамматических конструкций является аналитическая форма бессубъектного результата со вспомогательным глаголом *ある ару*.

挨拶は、小さな手帳にたくさん集めてある。

Aisatsu wa тиисана тэтё: ни такусан ацумэтэ ару

«Приветствия собраны в небольшом блокноте».

キャビネには、様々な数学の参考書が並べてある。

Кябинэ ни ва самадзамана кагаку но санко:сё га нарабэтэ ару

«В кабинете были выставлены в ряд различные пособия по математике».

В обоих случаях сказуемые являются переходными глаголами (*集める ацумэру* «собирать», *並べる нарабэру* «ставить в ряд»), однако, находясь в аналитической форме бессубъектного результата, предикат не имеет объекта действия, оформленного винительным падежом, а выражает результат действия, совершенного неизвестным субъектом.

Проанализировав примеры предложений со сказуемыми в форме бессубъектного результата, мы пришли к выводу, что не только непереходные глаголы с бытийной семантикой, но и переходные глаголы, описывающие воздействие на субъект, могут выражать нахождение субъекта в пространстве.

1. Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.

Особенности эмотивной лексики литературного японского языка периода Эдо (на примере произведения Тамэнага Сюнсуй)

С. В. Филатов

Новосибирский государственный университет

Эмоции являются неотъемлемой частью жизни любого человека, при этом мы даже не задумываемся о том, как и в какой степени мы выражаем то, что чувствуем. Несомненно, способы выражения эмоций напрямую зависят от культуры и языка, носителем которых является говорящий. Так, носитель богатого на прилагательные русского языка располагает широким словарным запасом для выражения самых разных эмоций, в то время как, например, носитель более строгого английского делает это более сухо. В нашей работе мы рассматриваем эмотивный слой лексики японского языка начала XIX в. на примере произведения одного из самых известных авторов жанра *人情本* *ниндзё:бон* Тамэнага Сюнсуй — «Сливовый календарь любви» (春色梅児誉美).

В начале XX в. разгорелся спор между двумя группами ученых-лингвистов о том, стоит ли считать эмоции частью языковой структуры. Представитель группы отрицающих связь языка и эмоция Э. Сэпир считал, что язык прежде всего служит для выражения актуальной информации, а представитель противоположной группы Ш. Балли указывал на невозможность рассмотрения языка в отрыве от эмоций. Впоследствии А. Вежбицкая издает труд, в котором она высказывает мысль о неразрывной связи языка и эмоций, а также о том, что особенности языкового выражения эмоций напрямую зависят от культурной составляющей личности [1].

Старописьменный японский язык *文語* *бунго* начал формироваться около VIII в. н. э. и разительно отличался от современного языка грамматически, хоть и имеет множество лексических сходств. В нем использовались дополнительные слоги азбуки, которых в современном языке нет, а также присутствовали сложные громоздкие падежная система и система спряжения, которые хоть и не исчезли из языка полностью, но претерпели значительные изменения. Несомненно, существовали и определенные лексические элементы, отвечающие за отражение на письме эмоций говорящего, особенно это заметно в стихотворных произведениях, где зачастую автор выражался иносказательно.

В отношении японского языка одним из наиболее представительных жанров, в которых описание эмоций является неотъемлемой частью повествования, является жанр *ниндзё:бон*, или «книги о человеческих чувствах». Для анализа эмотивной лексики нами было избрано произведение Тамэнага Сюнсуй, написанное в период 1832–1833 гг. и получившее широ-

кую известность сразу после издания. В нем автор отходит от традиционной темы долга 義理 *giри* и отдает предпочтение слабостям и чувствам людей, что в итоге приведет к временному запрету целого жанра [2].

Проведя анализ «Сливого календаря любви», мы пришли к следующим выводам.

1. Наибольшее количество эмотивных единиц в тексте выражено с помощью предикативных прилагательных (悲しい *канасий* «печальный», 苦しい *курусий* «мучительный», 嬉しい *урэсий* «счастливый»).

2. Большой спектр эмоций передается с помощью эмотивных частиц (さ *са*, よ *ё*, ね *нэ*).

3. Для описания характера персонажа местами используются фразеологические единицы (氣を鬼にする *ки-о они-ни суру* «против своей воли», 腹が立つ *хара-га тацу* «злиться», 身を粉にする *ми-о ко-ни суру* «стараться изо всех сил»).

4. Речь автора также полна эмотивных единиц, но в отличие от прямой речи героев эмоции в ней чаще выражены глаголами или грамматически (あわれなり *аварэ нари* «несчастный», つんとする *цун-то суру* «раздражено», にっこりわらう *никкори варау* «весело улыбаться», 万たらはぬ新世帯 *ёродзу таравану арадзэтай* «новый поселенец бедняк, при себе ничего»).

Произведение Тамэнага Сюнсуи показывает, что люди, жившие, например, в эпоху Эдо, выражали самые разные эмоции, как и выражают их люди, живущие сегодня. Однако, в соответствии с заявлениями Анны Вежбицкой, на то, как они их выражают, оказывает сильное воздействие долгий культурный и исторический путь, который проделал японский народ.

1. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 361 p.

2. Мельникова И. В. Сливающий календарь любви (Сюнсёку умэгоёми). СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. 288 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. В. Дурова

**Особенности структуры и повествования романа «Дыра»
южнокорейской писательницы Пхён Хеён**

А. А. Шумкова

Санкт-Петербургский государственный университет

Всего за несколько десятилетий Южная Корея смогла пройти сложный путь развития и превращения страны из аграрной в высокотехнологичную. Города трансформировались и модернизировались, параллельно изменив эстетический образ городского пространства, привычный ритм жизни людей, их сознание и духовные ценности. Возникшие острые вопросы современности предоставили богатый источник тем для литературного творчества нового поколения южнокорейских писателей, в частности Пхён Хеён (편혜영) (1972 г. р.). Акцент в ее произведениях на актуальные для современного южнокорейского общества проблемы послужил предпосылкой к изучению романов этой писательницы. Кроме того, особое внимание привлекает и ее самобытный авторский стиль, благодаря которому представляется возможным с разных сторон проанализировать сюжет и раскрыть его главную идею.

Одним из ярких произведений Пхён Хеён является роман «Дыра» (홀), написанный в 2016 г. В основе романа лежит история Оги, профессора колледжа, который вышел из комы после страшной автомобильной аварии. Очнувшись, он узнал, что авария не только унесла жизнь его жены, но и парализовала его, лишив шанса на возвращение к нормальной жизни. Тем временем его теща, вдова, которая также пережила потерю своего единственного ребенка, взяла на себя заботу о главном герое, несмотря на ее подозрения в его супружеской неверности и в том, какую роль он сыграл в этой аварии. Взаимоотношения между персонажами в полной мере раскрываются благодаря нетипичной структуре произведения и использованию необычных приемов.

В процессе изучения творчества Пхён Хеён была предпринята попытка проанализировать композиционное построение романа и стиль повествования. Особое внимание уделяется рассмотрению такой особенности построения, как ретроспектива, использование которой ведет к изменению классического представления о построении сюжета. Такие приемы, как переплетение разных временных пластов или два параллельных хронотопа, помогают лучше раскрыть главную идею романа и показать взаимодействие и отношения между героями. Пхён Хеён на протяжении всего произведения использует характерные для ее творчества художественные приемы, включая оппозиции, контрасты и детализацию.

Анализ романа помог выявить определенные закономерности и особенности структуры и повествовательного стиля писательницы, благодаря ко-

торым ей удастся мастерски осветить и описать жизни людей в современном мегаполисе.

В дальнейшем планируется исследование более раннего романа Пхён Хеён «Пепел и красное» 재와 빨강, чтобы посмотреть, применяет ли писательница в более раннем своем произведении те же литературные приемы, которые она использовала в романе «Дыра».

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. В. Цой

**Символические обозначения пространственных оппозиций
«север — юг», «восток — запад» в китайской культуре**

О. П. Щигорева

Новосибирский государственный университет

Четыре стороны света (север, юг, восток, запад) с древнейших времен играли важную роль в создании системы координат, позволяющей человеку определять и описывать свое положение в пространстве, т. е. ориентироваться относительно других объектов [1]. Основой для возникновения данной системы служило движение по небосклону Солнца. Китай больше, чем любая другая страна Евразии, показывал тесную связь между архаическим человеком и сторонами света. Эта связь пронизывала все сферы жизни древних китайцев, определяла многие их действия, поступки, образ мыслей и язык.

В китайском языке стороны света часто имели символические обозначения, они могли отождествляться с временами года, физическими элементами, цветами, деревьями, частями человеческого тела, металлами, драгоценными камнями, богами, числами и т. д. Эта так называемая символическая классификация, особенно ярко проявившаяся в китайской культуре, показывает главенство сторон света в картине мира древних китайцев.

Универсальная классификационная схема представляет собой пятичленную космологическую модель, в которой мировое пространство разделено на пять зон. Четыре из них — Восток (东), Юг (南), Запад (西) и Север (北) — соответствуют четырем сторонам света. Пятая обозначается как Центр и ассоциируется с центром мира. Основными временными координатами в представленной модели послужили времена года, в китайской терминологии четыре сезона — весна (Восток), лето (Юг), осень (Запад) и зима (Север) [2]. Для Центра отводился специальный временной промежуток, приходившийся, по лунному календарю, на вторую половину июля — начало августа.

Каждая пространственно-временная зона, согласно универсальной символике частей мира, наделяется самостоятельным смысловым значением и рядом символических обозначений. Под Центром понимается сакрально-политический фокус мирового пространства, персонифицированный правителем; он соотносится со столицей. Восток ассоциируется с восходом солнца, весной и рождением новой жизни. Юг, как и Центр, является сакральной пространственной зоной, что, вероятно, было обусловлено солярными верованиями китайцев, их поклонением солнцу. Известно, что правители Китая во время выполнения любых официальных религиозных и светских церемоний обязательно находились лицом на Юг. Данная сим-

волическая пространственная ориентация была в целом универсальной для всего китайского народа. Восток в китайской культуре всегда ассоциировался с рождением жизни, любовью и половыми отношениями. Запад же как место заката воспринимался в Китае как наиболее губительная для человека пространственная зона, где царят хаос и враждебные по отношению к нему природные стихии. Кроме того, он ассоциируется с военной силой, насильственными поступками и смертью. Окраска данных символических обозначений связана с тем, что к западу от Шан-Инь и Чжоу (в предгорье Тибето-Цинхайского нагорья) обитали наиболее воинственные и враждебно настроенные к китайцам народности, с которыми оба древнекитайских государства вели войны [3].

Северная пространственно-временная зона имеет бинарную символику. С одной стороны, она, как и Запад, ассоциируется со смертью (зима) и природным хаосом, а с другой — со всем сокровенным. Такое ее осмысление обусловлено природно-хозяйственными реалиями земледельческого народа: зима — период, когда в земле прячутся зерна, которые в будущем дадут новые ростки. В связи с тем что понятие «тайного», «таинственного» обычно включает в себя идею их постижения, Север стал ассоциироваться с мудростью, знанием, ученостью и образованием [2].

Пространственные оппозиции «север — юг», «восток — запад» не только служили обозначением пространства, но и носили символический характер в классификационных схемах, на уровне языка и т. д. В оппозиции «север — юг» преимущественно отдается предпочтение Югу, ведь его символические значения имеют исключительно положительную коннотацию. Тем же объясняется частое упоминание Востока, в то время как Запад и Север упоминаются реже всего.

1. Подосинов А. В. Пространственные представления в архаических культурах Евразии (ориентация по сторонам света): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 45 с.

2. Кравченко А. С. Образы-символы пространственно-временных параметров в «Шицзин» // Spirit time. Херсон, 2020. № 1-1(25). С. 21–22.

3. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. 960 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Концепт «стыд» в японской языковой картине мира (на материале фразеологизмов и паремий)

С. А. Юсупова

Новосибирский государственный университет

Понятие стыда является одним из базовых элементов японской культуры, которое формирует личность японца. Стыд пронизывает все сферы жизни японцев: от поведения до речи. Так, известный американский культуролог Рут Бенедикт (1887–1948) типологизирует японскую культуру как «культуру стыда» с этическим акцентом на межличностных отношениях.

Про японцев часто говорят, что они очень стыдливая и самая закомплексованная нация. Так, наиболее часто встречающимися словами в японском языке являются *хадзукасий* (мне стыдно) и *сумимасэн* (извините) [1]. М. В. Шабаева в исследовании «Понятие стыда в японской культуре» утверждает, что такого количества пословиц и повседневных выражений, связанных со стыдом, нет, наверно, ни в одном другом языке [1].

В данном исследовании рассматривается концепт «стыд» в японской языковой картине мира на материале японских фразеологизмов и паремий. Семантика фразеологизмов, паремий связана с отражением фоновых знаний носителей языка, культурно-историческими традициями народа, что важно учитывать при описании языковой картины мира [2].

В данной работе произведена попытка всесторонне изучить концепт «стыд», который вбирает в себя множество понятий. Так, нами было выявлено несколько аспектов данного концепта: стыд как регулятор общественного поведения (А. Н. Мещеряков, Р. Бенедикт); стыд как способ избежать унижения и тем самым сохранить честь, также с понятием чести тесно связано чувство долга (А. Б. Недосугова, Р. Бенедикт); стыд как источник японской вежливости (В. В. Овчинников, Де Мент); стыд как нравственное понятие добродетели (Н. В. Шкапа, Ю. Накамура).

Все указанные выше работы отталкиваются от теории Рут Бенедикт и выстраивают свое исследование на тему стыда в японской культуре. Однако Н. В. Шкапа в исследовании «Стыд и вина в японской культуре» заявляет, что слишком упрощенно относить Японию к культуре стыда. К тому же типология была дана с позиции западной культуры. Основным предметом дискуссии было то, что Бенедикт игнорировала личный стыд, когда человек стыдится самого себя не потому, что его проступок заметили другие, а потому что он нарушает свои внутренние принципы [3].

Таким образом, стыд рассматривается по-разному, данный концепт имеет множество аспектов для его изучения. Изучив материал, мы приходим к выводу, что наиболее обоснованной является гипотеза, которая рассматри-

вает стыд как регулятор общественного поведения и как сохранение чувства долга и чести, поскольку в основе всех социальных норм поведения японцев лежит понятие 義理 *гири* «чувство долга». Согласно японско-англо-русскому словарю пословиц и поговорок, гири — «это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности» [4].

Выражение 義理にも *гири-нимо* может быть переведено двояко: а) из чувства долга; б) ради приличий, что объединяет в себе понятия стыда как регулятора поведения и способа сохранения чести и достоинства. Рассматриваемый нами концепт «стыд» взаимосвязан с понятием *гири* и является каркасным, одним из базовых элементов японской культуры.

В данной работе было рассмотрено более 30 лексем, связанных с концептом «стыд», 96 фразеологизмов и 21 пословица.

1. Шабаета М. В. Понятие «стыда» в японской культуре // Молодой ученый. 2012. № 6(41). С. 483–486.

2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 217.

3. Шкапа Н. В. Стыд и вина в японской культуре // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2004. № 1. С. 169–173.

4. Японско-англо-русский словарь пословиц и поговорок / сост. Л. М. Кармазин. М.: Kotori group. Stradies, 1997. С. 141.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. В. Дурова

Влияние художественного метода Артюра Рембо на творчество японского поэта Тю:и Накахара

М. К. Яскажук

Новосибирский государственный университет

После революции Мейдзи значительное влияние на японскую литературную традицию оказали направления и течения западного искусства. Особое место среди них занимал французский символизм. Причиной этого многие исследователи полагают близость его художественных принципов с самим мироощущением японцев (эстетическими категориями 幽玄 *югэн* «скрытая красота», 物の哀れ *моно-но аварэ* «очарование вещей», 余情 *ёдзё* «сверхчувствие, домысливание»). Это сходство и позволило эстетике символизма укорениться в творчестве писателей и художников Японии второй половины XIX — начала XX вв. Однако, осваивая европейский художественный метод, они сохраняли и элементы традиционного художественного метода. Таким образом, поэзия символов в Японии — это сочетание традиции и новаторства в стихосложении.

Артюр Рембо (1854–1891 гг.) был одним из пионеров французского символизма, заложившим основы его художественных принципов. В манифесте поэзии — «письмах ясновидца» — он пишет о желании создать «универсальный язык», который бы содержал в себе ощущения от всех органов чувств. Исходя из этого утверждения, одним из основных элементов поэтики А. Рембо считается использование *художественной синестезии* (т. е. межчувственного переноса). Для воздействия на воображение читателя в своих произведениях поэт намерено устанавливает связи между звуками, запахами и визуальными ассоциациями. Данный прием можно проследить, начиная со знаменитого сонета «Гласные», а в «Озарениях» — последнем сборнике А. Рембо — синестезия уже становится неотъемлемой частью его поэтики. Особый интерес в нашем исследовании представляет одна из составляющих частей художественной синестезии — *звукосимволизм*.

Подражание этому художественному приему можно найти в работах японского поэта Тю:и Накахара (1907–1937). Познакомившись с творчеством Рембо в университете, Накахара в своих дневниках писал о значительном влиянии жизни и творчества Рембо на его мировоззрение; только поэтику Рембо он признавал совершенной. Занимаясь переводом произведений Рембо с французского на японский язык, Накахара имел возможность напрямую познакомиться с его художественным стилем и методом и перенять эти особенности.

Им было переведено стихотворение А. Рембо «Брюссель», в котором звукосимволизм используется для усиления образного начала стихотворения:

鳥の群だ、オ イア イオ、イア イオ！

Tori-no gun da o ia io ia io

Стаи птиц голоса: **о-иа-ио иа-ио!**

Мы считаем, что аналогичный прием звуко-символизма был заимствован Тю:ей Накахарой в некоторых его собственных произведениях. Их предметный анализ подтверждает нашу точку зрения.

Например, звуко-символизм без лексической или синтаксической функций в произведении «サーカス» *sa:kasu* «Цирк» используется для усиления эмоциональной, музыкальной стороны стихотворения:

汚れ木綿の屋蓋のもと

Kэгарэ момэн-но окугай-но мото

ゆあーん ゆよーん ゆやゆよん

Юа:н юё:н юяюён

Под грязным куполом цирка: **юан-юён юя-юён**

Похожий прием наблюдается и в стихотворении «冬の雨の夜» *фую-но амэ-но ёру* «Дождь зимней ночью». Здесь это звуко-символизм, образно передающий голоса мертвых девушек, похожий на плач:

亡き乙女達の声さえがして

Наки отомэ-тати-но коэ сэ-га ситэ

аé ао, аé ао, ёо, аёо ёо !

Ау ао, а, ао эо ауо уо

Мертвых девушек голоса: **ау-ао, ау-ао, эо, ауо-уо!**

Таким образом, принимая во внимание и личные предпочтения, и деятельность Накахара как самобытного художника и переводчика, представляется возможным говорить о влиянии французского символиста Артюра Рембо на художественный стиль молодого японского поэта. Однако поэтика Тю:и Накахара сохраняла и традиционно японские черты, такие как обращение к буддийской тематике, следование традиционным японским стихотворным размерам 5-7 и 7-5 слогов и др.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. Е. Малинина

УДК 327

Развитие отношений между Китаем и Пакистаном в антитеррористической и военной сферах в XXI в.

Л. Д. Аристова

Новосибирский государственный университет

Пакистан и Китай официально установили дипломатические отношения 21 мая 1951 г. Пакистан был в числе первых стран, которые прекратили официальные дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайвань) и признали правительство Китайской Народной Республики (КНР) на материковом Китае. С тех пор страны поддерживают исключительно тесные и дружеские отношения.

В настоящее время тема дипломатических отношений между Китаем и Пакистаном особенно актуальна в связи со становлением Южной Азии важным геополитическим центром с начала XX в. Азия привлекла внимание множества различных мировых и региональных держав объявлением о реализации проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор» в Пакистане, выдвинутого китайским правительством.

Наиболее же важным фактором сближения Китая и Пакистана является взаимодействие «Китай — Пакистан — Индия». От стабильного сотрудничества двух стран напрямую зависит не только экономическое развитие отдельных стран: ухудшение отношений ведет к дестабилизации всего региона и сказывается на безопасности всего мирового сообщества.

Другим не менее важным фактором сближения Китая и Пакистана является острая необходимость подавления террористической активности в регионе. Таким образом, если рассматривать всеобъемлющие отношения обмена в данном направлении, то наиболее приоритетными сферами сотрудничества являются военная и антитеррористическая сферы.

Военное сотрудничество обеих стран, реализуемое с 1951 г., на данный момент принесло только положительные результаты. Военный союз Китая и Пакистана активно противостоит индийскому и американскому влиянию в регионе. В данном направлении можно выделить два основных этапа военно-технического сотрудничества Китая и Пакистана. Первый этап (50-е гг. — начало 90-х гг. XX в.) характеризуется поставкой китайской стороной Пакистану обширного номенклатурного вооружения и помощью в обучении офицеров Вооруженных сил в учебных заведениях НОАК. Второй этап (начало 90-х гг. XX в. — настоящее время) характеризуется совместной разработкой образцов вооружений и военной техники [1].

С 1960-х гг. Китай является важнейшим поставщиком различной военной техники в пакистанскую армию. JF-17 Thunder — визитная карточка этого оборонного сотрудничества. Помимо этого, Китай оказывает постоянную помощь в строительстве военных заводов, обеспечивает технологическую помощь. Обе страны также сотрудничают в области ядерной энергетики и организывают совместные военные учения.

Другим важным направлением сотрудничества является антитеррористическая деятельность. Китай столкнулся с серьезной проблемой сепаратизма в своем западном регионе, а именно в Синьцзян-Уйгурском автономной районе. Синьцзян является стратегически важным регионом, поскольку обеспечивает доступ Китая к Центральной Азии и Ближнему Востоку. Беспорядки в Синьцзяне в июле 2009 г. усилили серьезность отношения Китая к этнической проблеме. Синьцзян граничит с Южной Азией и Центральной Азией, поэтому Китай считает, что терроризм может распространиться из Синьцзяна на соседние страны.

Начиная с 2001 г. Китай расширил сотрудничество с Пакистаном в целях обеспечения безопасности и стабильности Пакистана и своего собственного западного региона (Синьцзян). Его усилия направлены на то, чтобы вывести уйгурских сепаратистов из своего западного региона и разорвать их связь с экстремистами, скрывающимися в северных районах Пакистана и других прилегающих странах.

Особое значение в установлении двухстороннего выгодного сотрудничества в данных сферах между Китаем и Пакистаном имел визит премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао, осуществленный в апреле 2005 г. После переговоров премьер-министры обеих стран подписали Договор между КНР и Пакистаном о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, присутствовали на церемонии подписания соглашений о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, сотрудничестве и взаимной помощи в таможенно-технико-экономическом сотрудничестве и других документов двустороннего сотрудничества. Оценивая современную динамику развития китайско-пакистанских отношений, однозначно можно говорить о том, что «всепогодное стратегическое партнерство» Китая и Пакистана в дальнейшем будет только усиливаться.

1. Казанин М. В. Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века. М.: Изд-во Ин-та Ближнего Востока РАН, 2017. 104 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Мультикультурализм в стратегиях школьного образования современной Японии

А. В. Горохова

Новосибирский государственный университет

На протяжении долгого времени Япония считалась гомогенной нацией. Тем не менее в последнее время проблемы различных меньшинств привлекают к себе все большее внимание. Вместе с изменением иммиграционного закона от 1990 г. и последующим притоком иностранных граждан среди японских исследователей в образовательной среде появились лозунги о «международном обмене», «понимании других культур» и «внутренней интернационализации». Мультикультурное образование — это концепция, которая включает в себя идею о том, что все учащиеся, независимо от их этнических, расовых, культурных или языковых характеристик, должны иметь равные возможности для обучения.

Наше исследование посвящено изучению мультикультурного образования в Японии на основе анализа учебных программ, правовых документов, научной литературы по теме. Мы рассмотрели социальные изменения, которые повлияли на образование, а также последовательную реализацию мер по мультикультурному образованию в школах Японии. Несмотря на то что международное распространение концепции «мультикультурного образования» началось в 1990-х гг., в Японии задолго до этого существовали оригинальные модели такого образования. К сожалению, они исторически связаны с антидискриминационными движениями против *о:рудока:ма:* (от англ. *oldcomer* «прибывший ранее»), т. е. выходцев из Кореи, Китая и Тайваня, которые жили в Японии до Второй мировой войны, а также их потомков. Первые модели японского мультикультурного образования охватывали также этнические меньшинства айну и буракумин. В 1965 г. в качестве меры борьбы против дискриминации было создано *同和教育 до:ва кё:ику* (букв. «уровненное образование»), первоначально задуманное как средство ликвидации дискриминации посредством информирования детей об их собственной истории. Изучение проблем буракумин содержится в школьной программе по обществознанию с шестого класса средней школы. Термин *ню:кама:* (от англ. *new comer* «недавно прибывший») может означать как иммигрантов, беженцев, так и тех граждан, кто переезжает внутри страны. С 1991 г. Министерство просвещения Японии начало проводить опросы населения, чтобы выяснить количество детей не японского происхождения, нуждающихся в помощи при изучении японского языка. Таким детям была предоставлена возможность посещать курсы японского языка JSL (англ. *Japanese as a Second Language* «японский язык в качестве второго иностран-

ного») с целью улучшить академическую успеваемость. Согласно опросу, проведенному Министерством просвещения, количество детей, которым нужна помощь в изучении японского языка, составило 40 000 человек.

«Недавно прибывшие» сталкиваются с различными трудностями в государственных школах. Во-первых, предоставление государственного образования для не японских студентов не рассматривается как обязательное. Во-вторых, в японском образовании существует тенденция к ассимиляции иностранцев. В-третьих, не всегда удается эффективно реагировать на их потребности. В 1990–2000 гг. в употребление вошел термин 多文化共生 *табунка кё:сэй*, в дословном переводе — «сосуществование с иными культурами». В 2006 г. Министерством иностранных дел был разработан план по продвижению концепции мультикультурализма. В нем содержится множество аспектов поддержки иностранцев, в том числе образование детей иностранного происхождения. В школьную программу входит изучение культурных традиций, национальной кухни и праздников разных стран. Так называемый подход 3-F (от англ. *food, fashion and festivals*) способствует повышению самооценки детей-иностранцев, а также знакомству японских детей с иными культурами.

В последнее время в достижении равенства в образовании и расширении возможностей учащихся существенную роль сыграли негосударственные организации и школы для иммигрантов, в частности неполные вечерние и средние школы.

Таким образом, диверсификация японского общества влияет на образование, потому что оно должно адаптироваться к большому количеству людей с разным культурным происхождением. Учитывая этот факт, мультикультурное образование становится все более актуальным в современном глобализирующемся обществе.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Внутриорганизационная деятельность Пан Гимуна в ООН и «корейский культурный код»

Д. И. Губина

Санкт-Петербургский государственный университет

Пан Гимун, Генеральный секретарь ООН с 2007 по 2016 г., внес значительный вклад в работу крупнейшей международной организации. При этом в его деятельности на данном посту было заметно влияние южнокорейской национальной и политической культуры. Так как вопрос о роли личности в истории является одним из наиболее актуальных и сложных, в том числе в контексте межкультурной коммуникации [1, с. 106, 117], интересно попытаться проследить, как культурный код родной страны Генерального секретаря ООН может повлиять на работу организации в целом.

Работа Пан Гимуна на посту Генерального секретаря ООН в первый срок (2007–2011 гг.) началась с внутриорганизационной реформы, что во многом соотносится с политической традицией Республики Корея, заключающейся в смене правительственного аппарата новоизбранным президентом. К примеру, именно с реструктуризации государственно-управленческого аппарата начал свою работу 16-й президент Республики Корея Но Мухён. При этом и Пан Гимун, и Но Мухён основными целями реструктуризации выделили внедрение принципов доверия между сторонами, как профессионального, так и морально-этического воспитания сотрудников, а также соответствие требованиям современности. Примечательно, что подобные идеи отражены и в труде Пак Чонхи «Возрожденная Корея: модель развития» [2].

Важным шагом по повышению доверия к ООН, по мнению Пан Гимуна, должна была стать финансовая открытость ООН, что также во многом было связано с вектором развития южнокорейской политики. После ряда крупных коррупционных скандалов в Южной Корее в 1990-х гг. правительство Ким Дэчжуна в 2001 г. инициировало принятие закона «О борьбе с коррупцией», включавшего пункт об обнародовании финансовой отчетности, в том числе общественных организаций и государственных чиновников. Так, и Пан Гимун при вступлении в должность обнародовал сведения о собственных доходах, что затем сделал и ряд его подчиненных.

Для установления доверия между Секретариатом и государствами-членами ООН с 2007 г. была введена практика регулярных отчетов Генерального секретаря ООН перед Генеральной Ассамблеей ООН с краткой информацией о проделанной работе, а также о планах дальнейшего развития ООН. Кроме того, именно при Пан Гимуне ООН стала активно использовать интернет-ресурсы как инструмент публичной отчетности, включая новостное сообщество в социальной сети Facebook, официальный канал на интер-

нет-платформе YouTube. Вероятно, Пан Гимун отметил роль интернета в современном обществе, в том числе опираясь на пример интернет-сообщества сторонников Но Мухёна «Движение Носамо», ставшего весомой политической силой в ходе избирательной кампании Но Мухёна [3, с. 237].

Для повышения эффективности работы Секретариата ООН была введена новая система, предусматривавшая специализированные планы работы для каждого сотрудника. Однако в случае совершения ошибок ответственность за них должна была нести вся команда, что является ярким примером проявления традиционного корейского коллективизма. И. А. Толстокулаков называет «корпоративный подход к любым проблемам и консенсус при выработке практических решений» одной из самых значимых черт «комплекса азиатских ценностей» [3, с. 222].

Таким образом, анализ публикуемой официальной документации ООН и текстов докладов Пан Гимуна перед Генеральной Ассамблеей ООН позволяет проследить влияние черт южнокорейской общественной и политической жизни, социальной организации, а также южнокорейской рабочей этики во внутриорганизационной деятельности Пан Гимуна в годы его первого срока на посту Генерального секретаря ООН. Это помогло сделать работу внутри Организации более структурированной, а ее деятельность — более открытой для контроля мировым сообществом, но также повлияло на международную деятельность ООН.

1. Курбанов С. О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 212 с.

2. Пак Чонхи. Возрожденная Корея: модель развития [민족중흥의 길]. Сеул, 1978.

3. Толстокулаков И. А. История общественно-политической мысли Кореи: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 368 с.

Научный руководитель — Н. В. Дмитриевская

Кашмирский конфликт и роль Китая в его урегулировании

А. С. Жданова

Новосибирский государственный университет

Национальные интересы конкурирующих региональных держав Китая, Пакистана и Индии с пересекающимися притязаниями и целями в Южной Азии создали сложный комплекс взаимодействия.

Текущий период отличается сохранением элементов конфликтности в индо-пакистанских связях. Камнем преткновения остается проблема Кашмира. Отношения между двумя соседними государствами остаются весьма напряженными, а временами — открыто враждебными.

Кашмирский конфликт можно назвать одним из самых опасных региональных конфликтов в современном мире. Во-первых, конфликтуют две ядерных державы. Во-вторых, конфликт имеет религиозную основу, поэтому он легко может расширяться за счет вовлечения в него единоверцев из других стран. В-третьих, тлеет конфликт в очень горячей точке. Кашмирский конфликт является не только конфликтом между Пакистаном и Индией, в него в той или иной степени вовлечены многие мировые державы.

С 1963 г., после подписания пакистано-китайского пограничного соглашения, Китай контролирует одну из частей Кашмира, став таким образом третьей стороной в этом конфликте.

Кашмирский вопрос является важной частью современной политики КНР. Кашмир важен для Китая не только в стратегическом плане как приграничная область, но и в экономическом, ведь именно через пакистанскую часть Кашмира, принадлежность которой оспаривает Индия, планируется проведение экономического коридора южного стратегического маршрута «Один пояс и один путь» в виде железнодорожной супермагистральной до порта Гвадар на побережье Аравийского моря. С помощью такого маршрута Китай сможет решить сразу несколько задач: реализовать свое видение превращения Гвадара в центр международной торговли, сделать Пакистан важной частью глобального маршрута и реализовать свои стратегические планы.

Индии эта перспектива категорически не нравится. Именно по этому вопросу возникают разногласия между Китаем и Индией, а также сложности в построении двустороннего диалога. Поэтому первым шагом должно стать установление взаимопонимания между Китаем и Индией, без которого посредническая миссия Китая в нормализации пакистано-индийских отношений не представляется возможной. Несмотря на всю сложность отношений между Китаем и Индией, такое сотрудничество отвечало бы долгосрочным интересам обеих стран. Пекин акцентирует свое внимание на экономических выгодах для всех стран региона, подчеркивая, что с помощью стратегии

«Один пояс и один путь» можно превратить Кашмир в транзитно-логистический центр региона. В диалоге с руководством Индии Китай использует все дипломатические методы, приглашая ее присоединиться к инициативе Шелкового пути.

Если посреднические переговоры Пекина с Индией и Пакистаном заложат основы для долгосрочного экономического сотрудничества между Нью-Дели и Исламабадом и между Нью-Дели и Пекином, это ослабит напряженность в Южной Азии, а Китаю удастся значительно укрепить свое международное положение.

Поэтому Китай как никто другой заинтересован в мирном урегулировании конфликта. Не только для Китая, но и для всего региона важно поддерживать устойчивое и быстрое экономическое развитие, стабильность. Всем трем странам необходимо работать вместе, чтобы построить в ближайшем будущем стабильную и мирную Азию.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Волонтерское движение в КНР

А. В. Ильиных

Новосибирский государственный университет

Для характеристики добровольческого труда как вида деятельности, осуществляемой добровольно на безвозмездной основе с целью достижения социально значимых целей и решения различных проблем гражданского общества, применяется термин «волонтерство». Волонтерство можно назвать глобальным социальным феноменом современности, включенным в мировые тренды, в то же время имеющим ярко выраженные национальные особенности в каждой стране.

Специалисты, изучающие историю развития добровольческой службы в КНР, подразделяют ее на несколько этапов, а именно: первый этап (1949–1956), характеризующийся зарождением волонтерства, появлением первых молодежных волонтерских организаций; второй этап (1957–1966), связанный с активным продвижением волонтерства государством путем организации различных мероприятий; третий этап (1978–2000) — социализация национальной добровольческой службы, первое положение о волонтерстве; четвертый этап (2001–2007), интернационализация и начало скоординированного развития, появление положений о волонтерстве в каждой отдельной провинции; пятый этап (с 2008 г. по настоящее время) определяется развитием нормативной базы и активным ростом количества волонтеров в связи с Олимпийскими играми и другими мероприятиями крупного масштаба [1]. Первые волонтерские мероприятия связаны с 1993–1994 гг., в том числе с созданием Ассоциации молодых добровольцев.

Несмотря на то что волонтерство в КНР имеет достаточно короткую историю развития, культура добровольчества крайне популярна (в 2018 г. количество волонтеров достигло 100 млн человек), но нормативная база недостаточно развита. В настоящее время управление волонтерством в Китае сталкивается с двумя основными проблемами: 1) определением правового статуса добровольческих организаций и добровольцев; 2) вопросом правовой защиты добровольцев при выполнении волонтерских услуг [2].

Одной из главных особенностей добровольчества в Китае является то, что оно развивается в условиях тесного сотрудничества между правительством и добровольческими организациями. В данное время от первоначальной государственной централизации ситуация меняется к сотрудничеству. Постепенно патерналистская модель взаимоотношений государства и «третьего сектора» трансформируется в партнерскую [3].

Направления волонтерской деятельности, наиболее актуальные с точки зрения государственного управления в КНР: событийное волонтерство,

ликвидация последствий стихийных бедствий, экологическое волонтерство и поддержка уязвимых групп населения. Наибольший рост волонтеров наблюдается благодаря событийному волонтерству, т. е. волонтерской деятельности, направленной на организацию и проведение крупных значимых событий местного и международного уровней. Для крупного события характерны: большое количество участников и организаторов, большой охват территории, привлечение внимания СМИ и т. д. [4]. На олимпиаде в Пекине в 2008 г. было задействовано более 100 000 волонтеров, что является самым большим числом добровольцев, которые принимали участие за всю историю Олимпийских игр.

Таким образом, волонтерское движение в КНР с 1949 г. активно развивается во многих направлениях в тесном сотрудничестве с государством, количество волонтеров растет с каждым годом, что требует развития нормативно-правовой базы волонтерства для определения их правового статуса и защиты.

1. Ван Гуань, Чжоу Жуй. Вого чжиюань фуу фачжань дэ лиши каоча юй чжаньван [王管, 周睿. 我国志愿服务发展的历史考察与展望]. Исследование истории и перспектив развития волонтерской службы Китая. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2016. № 5. С. 134–136.

2. Чжан Фэй. Чжунго чжиюань фуу лифа яньцзю [张斐. 中国志愿服务立法研究]. Исследование законодательства Китая о волонтерской службе: дис. Чунцинского ун-та. Чунцин, 2008. 58 с.

3. Кузьминчук А. А. Модели институционального регулирования соц. общности волонтеров // Вестн. Сургутс. гос. пед. ун-та. 2015. № 2. С. 55–63.

4. Козель В. Н. Событийное волонтерство как технология вовлечения горожан в системную волонтерскую деятельность. М.: Мосволонтер, 2018. 98 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

**Экономическая политика КНР
на Африканском континенте в контексте проведения инициативы
«Один пояс и один путь» (2013–2021 гг.)**

Е. А. Кирейко

Новосибирский государственный университет

С выходом экономики Китая на первое место в мире экономическая деятельность КНР стала играть более важную роль в мировой экономике. Одним из главных условий, способствовавших этому развитию, стала внешнеэкономическая политика КНР в отношении стран Африканского континента, которую Китай активно проводит в условиях реализации инициативы «Один пояс и один путь», или Нового Шелкового пути.

Проводимую в рамках данной инициативы, осуществляемой КНР с 2013 г., экономическую политику Китая на Африканском континенте правительство КНР позиционирует прежде всего как сотрудничество, которое основано на взаимовыгодных интересах и должно способствовать партнерству и дружбе между Китаем и Африкой.

Первые контакты Китая с Африкой произошли во время династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) во время зарождения Великого Шелкового пути, когда произошел культурный обмен между Китаем и Египтом, который в 1956 г. также стал первой африканской страной, с которой КНР установила дипломатические отношения. Прерывистый, но длительный период развития китайско-африканских отношений определил интересы и рычаги, которые Китай использует для проведения экономической политики на Африканском континенте в первые два десятилетия XXI в.

Схожая историческая судьба и длительная поддержка Китаем либеральных движений в Африке в колониальный период стали фундаментом для настоящих двусторонних отношений на государственном уровне.

Большая часть китайских интересов затрагивает вопросы суверенитета, в особенности интересы развития, которые поддерживают устойчивый экономический рост совокупной мощи Китая. Поскольку Китай стремится занять место одной из ведущих держав мира и намерен с готовностью отстаивать свои интересы за пределами страны, для реализации своих интересов Китаю необходима поддержка Африки как континента с самым большим количеством государств в таких международных организациях, как, например, ООН по важным вопросам, или при возникновении конфронтации с другими странами, например ЕС и США.

Растущие китайские предприятия требуют новой энергии и поставщиков сырья. Китайским экспортерам нужен рынок сбыта товаров, а дипломатам требуется поддержка в международных организациях. Наконец, китайская

пропаганда ищет поддержку от союзников в продвижении своих интересов и борьбе против США в случае необходимости.

Экономическая политика КНР в Африке в указанный период времени проводится в соответствии с интересами Китая и африканских стран на базе сотрудничества и прежде всего выражается в растущем импорте природных ресурсов африканских стран в Китай и переносе китайский производств в Африку. Китай нуждается в широком круге сырьевых ресурсов для поддержания роста экономики страны. Выбор Африки в качестве места для установления и расширения китайских производств обусловлен дешевизной рабочей силы, возможностью роста местного рынка, низким уровнем экологических стандартов и стремлением КНР решить проблему ужесточающейся конкуренции на китайском внутреннем рынке.

Африканский континент также рассматривается китайской стороной в качестве рынка сбыта китайских товаров. Африканский рынок служит идеальным потребителем китайских простых и недорогих товаров ввиду отсутствия на нем высокой конкуренции и местных производств.

Немаловажной частью экономической политики КНР на Африканском континенте являются и китайские инвестиции в развитие африканских стран в сфере производства, образования и инфраструктуры, а также другие виды помощи в виде грантов, низкопроцентных или беспроцентных займов. Так, по оценкам Конференции ООН по торговле и развитию, с 2007 по 2017 г. объем прямых китайских инвестиций в африканские страны вырос почти в десять раз и достиг 43,3 млрд долл. США.

Таким образом, Африка заняла одно из центральных мест в осуществлении экономических и политических стратегий КНР в условиях проведения инициативы «Один пояс и один путь».

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Интернет-зависимость у китайских подростков

Е. А. Кондратова

Новосибирский государственный университет

В Китае социальные сети давно стали главной площадкой интернет-взаимодействия молодежи, где они могут узнавать новую информацию и общаться со сверстниками. Так как в Китае жители не имеют доступа к привычным нам сетям (Twitter, Facebook, Flickr, YouTube), они используют свои локальные аналоги. Самые популярные: Weibo, WeChat, Baidu и др. Исследования CNNIC (*China Internet Network Information Center*) показывают, что на июль 2008 г. в соцсетях было зарегистрировано более 253 млн китайских пользователей, к концу 2013 г. эти данные увеличились до 618 млн, а на начало 2021 г. — 989 млн, что является самым большим показателем среди всех стран мира. Согласно опросу CNNIC, в китайском киберпространстве преобладают пользователи 18–30 лет, люди моложе 19 лет составляют 26 %, что заставило власти ввести «виртуальный комендантский час» [1].

На все поколение сильно повлияла китайская политика «Одна семья — один ребенок», начатая в 1979 г. Хотя в 2002 г. китайцам разрешили иметь второго ребенка при определенных обстоятельствах, ситуация меняется крайне медленно. Эта политика сформировала особенный стиль воспитания, при котором родители слишком много надежд возлагают на ребенка, что часто приводит к тому, что интересы и желания детей не учитываются. В результате целое поколение детей, родившихся в этот период, обладает хорошим интеллектом, но у них часто отсутствуют необходимые социальные навыки. Кроме того, серьезная конкуренция за перспективные рабочие места заставляет школьников уделять слишком много внимания баллам и экзаменам, при этом игнорируются творческое развитие и культурный отдых. Из-за большой загруженности учебной и дополнительными занятиями у подростков часто нет времени выйти погулять и большую часть свободного времени они проводят дома, общаются со своими друзьями онлайн, а не выходят в социум. Интернет-зависимость стала крайне серьезной проблемой среди китайских подростков. У 51,5 % подростков время, проведенное в интернете, составляет более 2 ч в день. Как правило, большую часть этого времени они проводят в социальных сетях или за сетевыми играми [2]. Доступ к цифровым СМИ имеет свои пагубные последствия для подростков. Они часто отвлекаются в школе, подвергаются травле в интернете, мало взаимодействуют со своими сверстниками вживую. Плохое зрение в Китае имеют около 37 % младших школьников, ко времени студенчества этот показатель возрастает до 70 %. Китайские подростки все чаще демонстрируют повышенные социальные барьеры и чаще испытывают чувство одиночества [3].

Это, как правило, приводит к другим физическим и психологическим проблемам: тревожности, депрессии, мыслям о суициде. Последние данные показали, что распространенность симптомов депрессии среди китайских студентов колеблется от 11,7 до 22,9 % [4]. Одной из причин этого также может быть то, что содержание некоторых фильмов, игр или СМИ может вызывать страх и беспокойство у подростков. В интернете слишком много вредоносной информации, на которую можно наткнуться совершенно случайно. Количество времени, которое подростки проводят в интернете, напрямую влияет на их состояние. Например, почти 25 % подростков, которые проводят более трех часов в день онлайн, чувствуют себя подавленно. Среди тех, кто проводит меньше трех часов в день в интернете, эта цифра равна 10 % [2]. Считается, что подростков нужно мотивировать проводить больше времени вне дома с друзьями.

1. CNNIC. The 21st Statistics Report on the Internet Development in China // China Internet Network Information Center. URL: <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201911/P020191112539794960602.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

2. Ye S., Chen L., Wang Q., Li Q. Correlates of screen time among 8–19-year-old students in China // BMC Public Health. 2018. No. 18. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5891896/> (дата обращения: 07.02.2021).

3. Bickham D. S., Hswen Y., Rich M. Media use and depression: exposure, household rules, and symptoms among young adolescents in the United States // Int. J. Public Health. 2015. No. 60(2). P. 147–155.

4. Xu Y., Chi X., Chen S., Qi J., Zhang P., Yang Y. Prevalence and correlates of depression among college nursing students in China // Nurse Educ. Today. 2014. No. 34. P. 7–12.

Научный руководитель — канд. ист. наук Е. А. Гирченко

Борьба КНР против наркотрафика из Афганистана

Р. Е. Кротов

Новосибирский государственный университет

Всем известно, что Афганистан является крупнейшим экспортером наркотиков в мире. Немалая часть ввозимых наркотических веществ в Китай исходит из Афганистана. О текущих объемах незаконного оборота наркотиков между Афганистаном и Китаем известно весьма немного. Традиционно китайский рынок наркотических веществ разделяется на афганскую и бирманскую части, при этом достаточно точно неизвестно, откуда приходит большинство опиатов в страну. В отчетах управления по борьбе с наркотиками говорится, что около 20 % опиатов в Китай поступают из Афганистана. В «Отчете о наркотиках» за 2004 г. приводятся аналогичные данные, однако не совсем понятно, чем обусловлены такие цифры. Справедливо предположить, что происхождение изъятых наркотиков может зависеть от их маршрута, по которому они двигались. Однако такой метод не всегда может быть точным, поэтому китайским властям довольно трудно определить долю афганских опиатов на территории Китая.

Маршруты наркотрафика можно разделить на три категории: прямая транспортировка через афгано-китайскую границу, через Пакистан, а также перенаправление через страны Центральной Азии. Особенно стоит отметить прямую торговлю из Афганистана в Китай, так как ее возможности ограничены. Протяженность границы между двумя странами составляет 76 км, а климатические условия вдоль нее весьма суровые. Единственный пограничный переход — это перевал Вахджир на высоте 4927 м, который закрыт не менее пяти месяцев в году и не всегда доступен в оставшееся время. Вахан также является районом культивирования опиума, хотя там он выращивается не так интенсивно, как в других областях. Тем не менее, по статистике «Программы Бадахшан», на 4200 человек взрослого населения приходится от 500 до 1200 наркоманов, что составляет от 12 до 28 %. Так, годовое потребление опиума в Ваханском коридоре составляет от 660 до 2680 кг.

Правительство КНР уже на протяжении многих лет борется с наркотрафиком из Афганистана. Следует начать с того, что Китай осуществляет антинаркотическую борьбу в рамках «Парижского процесса». Это особый механизм многостороннего сотрудничества для решения проблем, связанных с наркотиками и преступностью в Афганистане. В его функции входит организация конференций по вопросам борьбы с наркотиками, предоставление технической помощи, составление статистики, а также поддержка для разработки стратегии и действий против незаконного оборота наркотиков.

В 2006 г. Китай и Афганистан подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркотиками. Это сразу дало свои результаты: во второй половине того же года в аэропорту Кабула было пресечено 16 попыток контрабанды наркотиков в КНР. Было задержано 26 подозреваемых и конфисковано более 40 кг героина. Полиция Синьцзяна тоже провела несколько операций в аэропорту г. Урумчи. Китайская сторона также организовала не менее 10 учебных курсов для обучения афганских сотрудников правоохранительных органов по борьбе с наркотиками. Кроме того, регулярно осуществляются рабочие визиты делегаций двух стран, взаимный обмен информацией по наркоситуации, помощь в проведении пропаганды и т. д.

Взаимодействие Китая и Афганистана позволяет в определенной степени снизить количество преступлений в области наркоторговли и способствует созданию условий для отказа от культивирования и продажи опиума.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун

Иностранцы резиденты в современной Японии

М. А. Кузовков

Новосибирский государственный университет

Япония — страна в целом моноэтническая. На протяжении многих столетий доля иностранцев (включая коренных жителей архипелага — айнов) среди населения не превышала 2 %. Однако с 1980-х гг. ввиду стремительного развития экономики, увеличения уровня жизни, а также улучшения медицинского обслуживания наметились различные социально-экономические проблемы, вынудившие японцев пересмотреть свои взгляды насчет гомогенности своего общества. К таким проблемам относится стремительное сокращение населения, в том числе работоспособной его части, а также нехватка рабочих рук.

Несмотря на попытки членов Кабинета министров справиться с возникшими сложностями «своими силами» (т. е. путем использования всевозможных трудовых ресурсов внутри страны), им пришлось постепенно смягчить иммиграционную политику, чтобы сделать возможным обращение за помощью извне. Так, для упрощения въезда на территорию страны иностранцев в 1990 г. были внесены поправки в Закон «Об иммиграционном контроле», а в 1993 г. была основана программа приема технических стажеров ТТР (*Technical Interns Training Program*). С 2012 г. правительство продолжило принимать меры по привлечению мигрантов, в которые входило создание более благоприятных условий для адаптации и дальнейшей жизни на территории Японского архипелага.

Изначально акцент был сделан на привлечение зарубежных студентов и стажеров-интернов, прибывающих для обмена опытом и освоения учебной программы, а также на квалифицированных специалистов высокого класса. Тем не менее с течением времени становилось все более понятно, что для преодоления дефицита рабочей силы этого недостаточно, так как параллельно росла необходимость в работниках различной квалификации.

В связи с этим 1 апреля 2019 г. был принят в некоторой степени сенсационный для страны закон, позволивший низкоквалифицированным иностранным специалистам устраиваться на работу в Японию в те сектора экономики, где нехватка кадров наиболее существенна (в первую очередь сельское хозяйство, сфера обслуживания, машиностроение, IT-технологии и др.).

Политика по ослаблению иммиграционного законодательства и развитию стратегии по увеличению интереса к Японии принесла свои плоды: если в 1979 г. доля иностранных резидентов среди населения составляла лишь 0,67 %, то в 2017 г. она уже приблизилась к отметке в 2,02 %, а в 2019 г.

уже составила 2,32 %. Такие результаты можно считать неплохими с учетом того, что Япония — страна, в которой не принято в открытую говорить об иммиграции ввиду скептического отношения к ней японского населения.

По данным за 2019 г., наибольший интерес к получению статуса резидента проявляют представители нижеуказанных государств [1]:

- 1) Китай — 813 тыс. человек;
- 2) Республика Корея — 446 тыс. человек;
- 3) Вьетнам — 412 тыс. человек;
- 4) Филиппины — 283 тыс. человек;
- 5) Бразилия — 212 тыс. человек.

Иностранцы, решившие иммигрировать в Японию, в качестве преимуществ жизни на Японском архипелаге в основном выделяют высокий уровень жизни, довольно высокую заработную плату, а с недавних пор — и возможность спустя некоторое время перевезти свою семью. Более частным аргументом (главным образом для жителей Китая и Республики Корея) выступает территориальная близость к месту возможной работы. Значительная доля выходцев из Бразилии среди иностранного населения объясняется тем, что еще в 1990 г. Кабинет министров позволил японцам, которые эмигрировали в Бразилию в начале XX в., получить рабочую визу и вернуться на свою историческую родину. Примечательно, что эти же гарантии распространяются на их потомков вплоть до третьего поколения.

Представляется, что трудоустройство в Японии привлекательно в значительной степени для представителей стран Юго-Восточной Азии ввиду их более скромных ожиданий по отношению к условиям труда и размеру заработной платы, в отличие, например, от представителей государств Европы, Центральной Азии или России.

В настоящее время японскому правительству приходится постоянно балансировать между стремлением ослабить иммиграционную политику и попытками искать компромиссы с «закрытым» обществом, которое крепко держится за стереотипы, сформированные в прошлом. Поиск равновесия является необходимым фактором для удержания лидирующих позиций в мировой экономике.

1. Japan Statistical Yearbook 2021.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Э. Войтишек

Текущие тенденции и перспективы Японии на пути к альтернативной энергетике

А. А. Ложников

Новосибирский государственный университет

Активно развивавшаяся в течение нескольких десятилетий атомная энергетика Японии фактически была свернута в 2011 г. после аварии на АЭС «Фукусима-1», а все АЭС были закрыты. Повторный запуск усложнился ужесточенными требованиями безопасности на АЭС и бюрократическими барьерами. Попытки перезапуска АЭС встречают и негативную реакцию общественности. К концу 2020 г. удалось запустить только одну АЭС, полностью отвечающую максимальным требованиям безопасности. Около 30 % энергоснабжения, обеспечиваемого АЭС к 2011 г., переложили на топливные станции. Это шло вразрез стремлениям к диверсификации и снижению эмиссий. Альтернативы было решено искать в возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) [1]. Для выполнения международных обязательств по борьбе с изменением климата (Парижская конвенция 2015 г.) Япония поставила амбициозные цели по сокращению выбросов на 26 % в период с 2013 по 2030 г.

В 2012 г. правительство внедрило систему «зеленых тарифов» (FIT), предполагающую установление государством льготных тарифов на закупку энергии, производимой из возобновляемых источников (ВИЭ). Среди приоритетных направлений обозначены солнечная энергия, энергия ветра, биомасс, гидросферы, геотермальная энергия. Ожидалось, что это вызовет бурный рост чистых отраслей, однако относительный рост до сих пор демонстрирует только солнечная энергетика. Ветровая энергия также стабильно растет, но занимает очень низкие позиции по потреблению. Незначительные результаты объясняются сезонностью некоторых ВИЭ, нехваткой площади для сооружения необходимых станций и строгими законами, регламентирующими хозяйственную деятельность в море, стандартами строительства в прибрежных и морских зонах из-за опасений за морские промыслы и изменение морского дна. Правда, некоторые проблемы решаются с помощью инновационных технологий (например, французская технология плавучих солнечных электростанций).

В 2017 г. была принята «Базовая стратегия развития водородной энергетике», которая должна стать основной заменой углеродному топливу в сфере транспорта, однако до сих пор существует проблема организации инфраструктуры для данного вида топлива, да и темпы автомобильного производства с соответствующей технологией довольно скромны из-за относительной дороговизны технологии.

Вслед за Великобританией в декабре 2020 г. Япония объявила о построении безуглеродного общества и сокращении к 2050 г. выбросов до нулевой отметки. А 3 декабря 2020 г., в рамках курса к 2050 г., правительство объявило о введении запрета на использование и продажи автомобилей на бензине и дизельном топливе в Токио к 2030 г. [2]. Очевидно, что Япония озабочена инициативой Китая в этой отрасли, ведь электрокары китайского производства уже вступили на стадию массового производства. В связи с этим водородная стратегия может отойти на второй план в ближайшем будущем до создания необходимой инфраструктуры.

В феврале 2021 г. японский министр энергетики заявил об очевидной необходимости возврата к развитию атомной отрасли. Это, по его словам, является ключевой отраслью для достижения нулевых выбросов к 2050 г. Также он указал на несостоятельность ВИЭ в условиях холодов, и зима 2021 г. показала это [3]. Заявление пока не оформлено в официальную директиву, но переход на эту стратегию может повысить кредит доверия правительству в условиях внутреннего кризиса и мировых экотрендов.

Таким образом, ресурсы ВИЭ с их утилитарным характером пока не могут стать ключом к освобождению Японии от зависимости от зарубежных углеводородов. Однако как подспорье при экстенсивном развитии они могут помочь в условиях пандемии COVID-19, обнажившей проблему безопасности транспортировки энергоресурсов.

1. Ёсида Филлис. Нихон-но энэруги: нанкадай: Нихон-но энэруги: дзё:сэй, оёби Нитибэй энэруги:-никансуру ко:сацу [日本のエネルギー難課題: 日本のエネルギー情勢、および日米エネルギー関係に関する考察]. Энергетические вызовы Японии: энергетическая ситуация Японии и обзор энергетических отношений Японии и США. 2018. 16 с.

2. Сэйфу га «2030 нэн гасорин-ся кинси»-о утидасита вакэ. [政府が2030年ガソリン車禁止を打ち出した訳]. Причина, по которой правительство объявило «запрет на использование бензиновых автомобилей к 2030 г.» // То:ё: кэйдзай. 8.12.2020. URL: <https://toyokeizai.net/articles/-/394007> (дата обращения: 13.12.2020).

3. Japan says nuclear crucial to hitting net zero goal by 2050 // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/47b189de-bb5e-409b-87b9-86405661fc03> (дата обращения: 9.02.2021).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

**Бюджетная политика Японии (1991–2020)
с точки зрения современной денежной теории:
актуальные проблемы и перспективы их решения**

А. А. Новиков

Новосибирский государственный университет

На протяжении последних 30 лет Япония переживает экономическую стагнацию, которая сопровождается ростом социально-экономического неравенства — и все это при отсутствии заметного роста доходов большинства японцев. В связи с этим встает вопрос об эффективности проводимой японским правительством макроэкономической политики, а также о возможности проведения реформ, которые могли бы поспособствовать преодолению кризисной ситуации.

Ключевыми факторами экономической рецессии последних трех десятилетий стали: падение рождаемости, старение населения, рост числа людей, работающих по договорам неполной занятости, изменения японскими фирмами систем оплаты труда и обучения сотрудников, снижающие расходы на оплату труда. Перечисленные процессы также способствуют росту неустойчивости экономики Японии.

Японское правительство следует определенной экономической парадигме, которая определяется идеями неоклассического экономического мейнстрима, согласно которому государственный бюджет, как и бюджет домохозяйства, ограничен. Следовательно, слишком большой долг государства может привести к его банкротству — дефолту. В рамках данного представления японский государственный долг (один из крупнейших в мире) несет с собой серьезные риски для национальной экономики. Поэтому японское правительство, следуя неоклассическим теоретическим постулатам, проводит политику, направленную на сокращение дефицита государственного бюджета, что должно избавить экономику от различного рода рисков (дефолтных, инфляционных) и, соответственно, повысить ее стабильность для последующего перехода к активному развитию. Однако на практике все попытки сократить дефицит государственного бюджета — как за счет урезания расходов на социальную сферу, так и за счет повышения налоговой нагрузки на население — неизменно приводили к снижению покупательной способности, японцы начинали потреблять меньше товаров и услуг, что, в свою очередь, не позволяло экономике расти. При этом, ввиду очередного обострения кризисной ситуации, откладывалось решение проблемы роста социально-экономического расслоения.

Альтернативой неоклассической мейнстримной экономической теории, показавшей свою неэффективность, может стать СДТ (современная денеж-

ная теория), также известная под англоязычным сокращением ММТ (англ. *Modern Monetary Theory*). СДТ предполагает, что современное монетарно суверенное государство, обладающее монополией на эмиссию денежных средств, использует деньги как инструмент соблюдения баланса между общественным и частным сектором экономики. Государству не нужны налоги для финансирования своих расходов, поскольку оно всегда может профинансировать их через эмиссию. Конечно, это не означает, что экономику можно накачивать деньгами бесконечно, объективным ограничением объема денежных средств в экономике является численность работоспособного населения, наличные производственные мощности и запасы природных ресурсов. Однако до данного предела японской экономике еще далеко, на что указывает по крайней мере наличие в стране как безработных, так и людей, занятых неполный рабочий день. Налоги же с точки зрения СДТ являются инструментом изъятия денежной массы из обращения, так как, собирая налоги, государство выводит из реальной экономики определенную часть денежных средств. Этот факт позволяет налогам выполнять роль макроэкономического регулятора: с их помощью можно контролировать уровень инфляции и, кроме того, управлять распределением доходов и капиталов через управление ставками прогрессивного налогообложения.

Таким образом, с точки зрения СДТ перед японской экономикой не стоит проблема чрезмерности текущих государственных расходов, наоборот: речь идет скорее об их недостаточности. Поэтому объективно не существует и проблемы недостатка бюджетных средств для финансирования социальных программ. Находится и решение для вопроса о растущем социально-экономическом расслоении: неравенство доходов и размер капиталов можно регулировать, меняя ставки прогрессивных налогов. В свою очередь, для борьбы с безработицей СДТ предлагает создать систему гарантированной занятости в государственном секторе, которая позволит любому безработному или неудовлетворенному условиями в частном секторе рынка труда выполнять широкий спектр общественно полезных работ по фиксированной минимальной ставке оплаты труда. Принятие японским правительством принципов СДТ и следование ее указаниям, таким образом, позволят экономике Японии выйти из стагнации и начать развиваться.

Научный руководитель — А. А. Речкалова

Сотрудничество Китая и Казахстана в рамках проекта «Один пояс и один путь»

Д. Л. Новикова

Новосибирский государственный университет

Предложение по созданию проекта «Экономического пояса Шелкового пути», выдвинутое председателем Си Цзиньпином в 2013 г. в Астане (ныне Нур-Султан), обусловлено желанием Китая не только усилить региональные экономические интеграции, но и создать достойную конкуренцию влиянию США на мировой арене, а также желанием перенести собственные производственные мощности, как бы уменьшая давление на центр страны, развивая при этом западные районы.

Благодаря наличию протяженной общей границы Республика Казахстан и Китайская Народная Республика имеют уже довольно долгую историю межгосударственных отношений. Территории Казахстана были частью Великого Шелкового пути, поэтому и торговые связи существуют уже долгое время. К моменту создания проекта «Один пояс и один путь» (ОПОП) Казахстан и Китай объединяла не только активно развивающаяся торговля (наивысший уровень товарооборота был достигнут в 2013 г. и составлял 28,5 млрд долл. США, но и в 2019 г. он составлял вполне значительной объем — 14,4 млрд долл. США), но и совместная деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которая также включает в себя активный диалог в проведении антитеррористических мероприятий.

Отдельные маршруты Великого Шелкового пути проходили через казахские земли, в том числе через Таласскую и Чуйскую долины до Иссык-Куля, поэтому можно говорить о традиционных связях, которые получили дальнейшее развитие в рамках инициативы ОПОП.

По мнению Пекина, именно Казахстан отличается наибольшей стабильностью и обладает необходимым политическим и экономическим потенциалом.

Из общих преимуществ можно отметить следующие факторы:

- 1) обширная территория дает возможность для создания логистических проектов с выходом на Россию, Каспий, Иран и Персидский залив;
- 2) немаловажную роль сыграла политическая стабильность;
- 3) благоприятный инвестиционный климат;
- 4) сменяемость власти.

Казахстан, в свою очередь, получает значительную валютную выручку за транзит грузов. Также новый импульс развитию экономики обуславливается расширением доступа к мировому рынку.

Необходимо упомянуть о потенциальной проблеме, связанной с объемами трудовой миграции на случай, если Казахстан будет не в состоянии обе-

спечить работы собственными кадрами. Также следует учесть возможную перспективу роста «антикитайских настроений» у жителей республики, если речь пойдет о выносе производственных мощностей Китая на сельскохозяйственные земли региона. Данный прецедент уже имел место быть в 2016 г., когда по стране прокатилась волна митингов, причиной которым послужило предложение о внесении поправок в Земельный кодекс о долгосрочной аренде земли иностранцам. После этого случая на проект был наложен мораторий, который истекает 31 декабря 2021 г.

Вспышка коронавирусной инфекции весной 2020 г. нанесла беспрецедентный ущерб международному производству и поставкам. Примечательно, что даже в таких сложных условиях двум странам удалось сохранить уровень товарооборота в 13,2 млрд долл. США. Совместными усилиями Китай и Казахстан смогли преодолеть такие трудности, как приостановка полетов, невозможность перемещения технического персонала и поставщиков на проектные площадки. Инвестиции Китая составили 360 млн долл. США. Также стоит отметить, что во время пандемии страны активно оказывали друг другу гуманитарную помощь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трудности на пути сотрудничества двух стран можно превратить в возможности. Власти Нур-Султана убеждены, что участие в таких проектах может принести несомненную пользу в виде модернизации транспортно-транзитной логистики и сопряжения с государственным проектом «Нурлы жол».

Научные руководители — д-р ист. наук, проф. В. Н. Пластун,
канд. ист. наук, доц. С. А. Комиссаров

Роль южнокорейских политических партий в формировании межкорейских отношений в начале XXI в.

Ю. П. Плотникова

Новосибирский государственный университет

Политическая обстановка на Корейском полуострове является одной из важнейших проблем мирового сообщества вот уже более 50 лет. Это не только вопрос сосуществования двух государств, некогда бывших единым целым, но и серьезная угроза мировой безопасности.

За образованием двух независимых государств — Республики Корея 15 августа 1948 г. и Корейской Народно-Демократической Республики 9 сентября 1948 г. — следовало немало попыток объединения. Среди них известная Корейская война (1950–1953) и многочисленные попытки политических лидеров обеих стран выстроить наиболее эффективную политику в отношении соседнего государства.

Очевидно, уже в XX в. южнокорейские президенты стали предлагать свои пути разрешения проблемы: мирного урегулирования ситуации на полуострове и возможного объединения двух стран в будущем. Так, например, в 1982 г. президентом Чон Духваном был принят первый план по объединению под названием «План национального примирения и демократии» (민족화합 민주통일방안 *Минджокхвахан минджухонильбанан*) [1].

Проблема взаимоотношений двух стран остро стоит и в начале XXI в. Опыт прошлых лет дал понять, что предпочтение стоит отдать более мягким сценариям. Так называемая Политика солнечного тепла (햇볕정책 *Хэтпётчончхэк*) президента Ким Дэджун ставила в приоритете отказ от итогов холодной войны и сотрудничество с КНДР [2].

Чуть позже намечается новая тенденция в формировании южнокорейской политики в отношении северного соседа. Ли Мёнбак, бывший кандидатом от консервативной партии «Великой страны» (한나라당 *Ханнарадан*) и вступивший в должность в 2008 г., выдвинул политику «Безъядерный статус открытость 3000» (비핵 개방 3000 *Пихэк кэбан 3000*), в которой особый акцент ставился на ядерное разоружение КНДР [3].

Преемница и коллега по партии Ли Мёнбака Пак Кынхе в отношении КНДР выдвинула план под названием «Процесс укрепления доверия на Корейском полуострове» (한반도 신뢰 프로세스 정책 *Ханбандо силвэпхыросэсы чончхэк*). План Пак Кынхе также строился вокруг главного условия — ядерного разоружения КНДР, что отличает представителей консервативной партии Республики [4].

Мун Джэин, заступивший в должность в 2017 г. представитель оппозиционной предыдущим партиям Демократической партии Тобуро (더불어 민

주당 *Тобуро минджудан*), провозгласил в отношении Севера политику, символизирующую мир и процветание. Ключевыми позициями этой политики стали «мир», «взаимоважение» и «открытость». Интересно, что либерал Мун Джэин в своем плане не оставил без внимания проблему ядерного разоружения КНДР [5].

В целом в политических программах южнокорейских президентов прослеживается тенденция на осознание необходимости диалога с КНДР и самостоятельного поиска пути разрешения конфликта.

1. Намбукханый тхониль чончхэк пигё [남북한의 통일 정책 비교]. Сравнение политик объединения Южной и Северной Кореи // Unikorea. URL: <http://www.korearoot.net/unikorea/uniclass/tongil22.htm> (дата: обращения 01.05.2020).

2. Чхве Вонги. [21 сэгиرو матчхуджа] тхониль есан синарио. [최 원기. [21세기로 맞추자] 통일 예상 시나리오]. [Сделаем это в 21-м веке] План объединения // Статья Чунъан ильбо от 03.01.2000. URL: <https://news.joins.com/article/3860831> (дата обращения: 04.05.2020).

3. Yoon Duk-min. Initiative for “Denuclearization, Openness and 3000”: Tasks and Prospects // Korea Focus. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=102041 (дата обращения: 29.03.2020).

4. Ханбандо силлвэ пхыросесы [한반도 신뢰프로세스]. Процесс укрепления доверия на Корейском полуострове. Официальный буклет Министерства объединения РК. 2013. 36 с.

5. Мун Джеиный Ханбандоджончхэк [문재인의 한반도정책]. Политика Мун Джеина на Корейском полуострове. Официальный буклет Министерства Объединения РК. 2017. 33 с.

Научные руководители — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин, В. В. Ахметов

Реформа гуманитарного образования в современной Японии: слияние гуманитарных и естественнонаучных факультетов в вузах

А. В. Пудова

Новосибирский государственный университет

Мировые образовательные тенденции последнего десятилетия имеют ряд схожих черт. Их реализация, ввиду новизны применения, еще не показала своей результативности, однако дала повод для начала дискуссий в профессиональном сообществе. Не стало исключением и японское образование, изменения в котором начались с 2015 г., со времени выхода приказа Министерства образования культуры, спорта и технологий (МEXT) о реорганизации факультетов гуманитарных и социальных наук. В преддверии составления университетами нового учебного плана МEXT направляет все усилия на реализацию «новой миссии», создание «новых конкурентоспособных кадров».

Ведущие университеты страны отказались от внесения каких-либо изменений в учебные планы гуманитарных направлений. Однако многие вузы с одобрением приняли предложение правительства и занялись реорганизацией факультетов.

В университетах стали появляться направления смежных дисциплин. Например, в 2015 г. в университете Ямагути была пересмотрена организация педагогического факультета и факультета экономики, создан новый факультет международных комплексных наук, который объединяет гуманитарные и естественные науки. Здесь студент может выбрать любое понравившееся ему направление: начиная от дизайна и естественных наук и заканчивая современной азиатской культурой и языками. Кроме того, университет Уцуномия объединил между собой педагогический и инженерный факультет. Университет Сайтама соединил магистратуры культурологии и экономики в магистратуру гуманитарных и социальных наук. В 2016 г. университет Гумма создал новый факультет социальной информатики.

Исходя из приведенных примеров, стоит отметить, что объединение факультетов и направлений не всегда происходит по принципу «подобное с подобным», сливаются воедино не дополняющие направления, а разные.

Профессиональное сообщество по-разному отреагировало на подобные реформы. Особенно остро это заметно при общем кризисе гуманитарного японского образования. По заявлению председателя комитета японского правительства по космической политике, одного из главных инженеров Японии, Хироси Мацумото, национальные университеты должны добровольно и автономно работать над своей внутренней политикой, улучшением своих учебных планов, не ориентируясь на заявления «сверху». Тацуру

Утида, почетный профессор университета Кобе, опубликовал статью под названием «Упразднение факультета наук об искусстве — глупый путь мира», где он критикует решение министерства.

Такамицу Сава, бывший ректор университета Сига, хотя и последовал решению МЕХТ, все равно настаивает на том, что цель университетского гуманитарного образования состоит в обучении не практическим навыкам, а мышлению, суждениям и выразительности. Объяснение данной позиции весьма просто и логично: гуманитарные науки не должны быть связаны только с практической реализацией.

Исходя из всего вышеперечисленного, стоит отметить, что реформирование гуманитарного образования в Японии происходит в общемировой парадигме изменений. При этом отношение к подобному роду деятельности остается неоднозначным среди участников профессионального сообщества. Однако прослеживается единение мнений в том, что для улучшения качества образования требуется создание «новых конкурентоспособных кадров», которые бы совместили в своей работе лучшие подходы.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. Л. Фролова

Малое и среднее инновационное предпринимательство в Токийской префектуре в период правления Синдзо Абэ

А. С. Серебренникова
Томский государственный университет

Малые и средние предприятия помогают с инновационным развитием и играют важную роль в Японии. Различные продукты и услуги, которые предоставляют МПС, продолжают формировать основу японской экономики. Они улучшают имеющиеся технологии, вкладывают средства в разработку, развитие и изучение новых идей, тем самым привлекая внимание общественности к своим технологическим разработкам. Многие из этих инновационных МСП имеют глобально конкурентоспособные технологии и демонстрируют потенциал для стимулирования экономического роста Японии.

МСП составляют 99 % от количества всех компаний в стране, и 70 % всех японцев работают в этих компаниях.

Правительство содействует исследованиям и разработкам по технологии производства новых продуктов и услуг; внедрению оборудования для повышения эффективности изготовления и реализации продукции, а также новых методов управления бизнесом для комплексного контроля за разработкой, производством, транспортировкой и сбытом продукции.

Для содействия начинающим малым и средним предприятиям государство стремится предоставлять информацию и улучшать систему помощи при подготовке стартапов, облегчать финансирование первоначальных расходов и принимать любые другие меры.

Важным шагом стало продвижение инноваций и торговли. Одна из задач — продолжать поддерживать мировое лидерство в сфере технологий посредством продвижения различных инноваций, к примеру, важна необходимость поддержки МСП в принятии новых технологий, таких как робототехника, для повышения эффективности.

Японское агентство по науке и технологиям способствует интерактивному общению между исследователями и широкой общественностью посредством создания и проведения выставок для ознакомления с передовыми науками и выпускаемыми технологиями в простой для понимания форме, а также посредством планирования и проведения мероприятий. Оно также поощряет сотрудничество научных музеев и школ по всей стране.

Отмечая перспективы развития венчурного сектора в Японии, важно учесть увеличение финансирования в НИОКР венчурными фондами.

Столичное правительство Токио также оказывает поддержку начинающим предпринимателям в открытии и развитии бизнеса посредством сотрудничества с различными учреждениями.

Осуществляется поддержка международной экспансии малых и средних предприятий.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Вольфон

Арктический вопрос в национальных стратегиях РФ и КНР

В. А. Сухушина

Томский государственный университет

5 марта 2020 г. указом президента России Владимиром Путиным были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Новый программный документ был опубликован в период нарастания напряженности в отношениях между Россией и ее арктическими соседями. Нельзя не отметить, что документ предшествует председательству России в Арктическом совете в 2021 г. и дает представление о векторе российской внешней политики.

Опубликованная 26 января 2018 г. Белая книга «Политика Китая в Арктике» (*China's Arctic Policy*) является единственным программным документом государства относительно стратегии в полярном регионе. Белая книга не содержит радикальных и принципиально новых тезисов, тем не менее она стала подтверждением амбиций КНР в Арктике, а также установила рамки, детализирующие параметры его деятельности.

Целью исследования является определение степени схожести арктических стратегий России и Китая с применением метода контент-анализа программных документов двух стран. Выявляя частотность повторения семантических ядер, можно определить, насколько цели и интересы России и Китая относительно арктического вопроса близки. К используемым семантическим ядрам относятся: «национальные интересы/приоритеты» (*National/strategic / Chinese interests / policy*), «безопасность» (*Security*), «изменение климата» (*Climate / environmental change*), «ресурсы» (*Resources*), «Северный морской путь / СМП» (*Northern Sea Route / The Northeast Passage*), «коренные народы» (*Indigenous / Local people*), «сотрудничество» (*Cooperation*), «Арктический совет» (*Arctic Council*).

Проведя контент-анализ программных документов, мы получили следующие данные. В документе «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» 5 раз встречаются «национальные интересы» и один раз — «национальные приоритеты». В «Политике Китая в Арктике» данное семантическое ядро не упоминается, однако 19 раз встречается слово «интерес», 4 раза из которых оно употребляется в значении «общих интересов» (*common interests*). Слово «сотрудничество» в китайском программном документе используется рекордные 49 раз. Понятие «безопасность» в российском программном документе встречается 22 раза и является наиболее распространенным семантическим ядром среди всех ключевых слов. В китайской арктической стратегии маркер «безопасность» встречается 11 раз и лишь в качестве «общей безопасности в регионе».

Большой интерес со стороны Китая наблюдается в отношении проблем изменения климата и освоения природных ресурсов Арктики — 24 и 33 упоминания соответственно (всего 4 и 6 упоминаний в российских Основах). В китайской арктической стратегии отсутствует упоминание Северного морского пути. В российской стратегии данное семантическое ядро используется 11 раз. Россия больше Китая озабочена благополучием и сохранением традиционного уклада коренных народов Арктики — 15 упоминаний. Семантическое ядро «Арктический совет» чаще встречается в «Политике Китая в Арктике» — 7 раз против 2.

Таким образом, метод контент-анализа позволил преобразовать текстовые данные в количественный формат и наглядно продемонстрировать основное содержание программных документов. В итоге можно отметить, что основные сферы арктических стратегий схожи, но отличаются по степени приоритетности. Особое внимание в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» уделяется вопросам безопасности в регионе и защите своих национальных интересов. В свою очередь, природные ресурсы и изменение климата являются наиболее важными направлениями для Китая. Главным политическим противостоянием между двумя акторами остается разная позиция относительно характера управления регионом. Тем не менее оба государства придают важное стратегическое значение Северному морскому пути, хоть данное семантическое ядро и не используется в «Политике Китая в Арктике» напрямую. Важное место Россия и Китай уделяют международному сотрудничеству и сохранению Арктики как региона мира и безопасности.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. В. Савкович

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 811.581.11+81'367

浅析汉语中表示存现意义的静态句子

M. A. Abashina
新西伯利亚国立大学

“空间”是世界语言图景中最普遍、最基本的形态，是其他句子类型关系的基础。在任何语言中存现关系都占有重要的地位。存现句是不同类型语言表达空间关系的一种普遍的方式，是语言学研究的主要对象之一。

本研究探讨汉语中如何表达存现意义，和该使用哪种空间句式来组成存现句这两个问题。本文主要是以中国作家文学作品中的简单句及其翻译为语料，如老舍的《猫城记》、《月牙儿》、《骆驼祥子》，萧红的《手》、《小城三月》和《呼兰河传》。

带有动词谓语的静态存现句分为两大类：存在句和方位句。存在句中的主词作为述位，表示在某地有（没有）某人或某物；方位句中的处所名词作为述位，表示已知主词在什么地方。

这两种句子按照存在句式 ($\text{Lex}^{\text{Loc}} \text{V}_f^{\text{Ex}} / \text{Neg} \text{N}^{\text{Ex}}$) 和方位句式 ($\text{N}^{\text{Ex}} \text{V}_f / \text{Neg} \text{Lex}^{\text{Loc}}$) 来组织。存在句式和方位句式的主要成分包括处所词 Lex^{Loc} 、存在动词（有/没有）或方位动词（在/不在/没在） $\text{V}_f^{\text{Ex}} / \text{Neg}$ 、存在物名词 N^{Ex} 。此句式在表达和内容表面上都可以改变。我们将静态存现句式改变的方法分为三种：

1. 语法上的改变（即在主述结构之内的变化，标示着存在句和方位句中不同的词序）。比如：

a) 包含“有”动词的存在句；

远处**有**一些高土岗儿。 [Лао Шэ «Серп луны»]

юаньчу ю исе гао туганр (вдалеке **иметь** несколько высокий холм)

‘Вдалеке высокие желтые холмы’;

b) 包含“在”动词的方位句；

我的手枪**在**小蝎的身旁！ [Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе»]

во дэ шюэцян цзай сяосе дэ чэнь пан (я POSS 手枪 в Маленький

Скорпион POSS тело рядом)

‘Рядом с Маленьким Скорпионом валялся пистолет’.

2. 语义上的改变（即谓语与主语内涵的改变）。比如：

a) 包含状语的存在句；

祥子**蹲**在炉旁，烤着手。 [Лао Шэ «Рикша»]

Сянцзы дунь цзай лу пан, као чжэ шю (Сянцзы **сидеть на корточках**

в печь **рядом** греть суфф. Руки)

‘Сянцзы сидел на корточках у печки, грел руки’;

b) 包含“是”动词的存在句；

房子的外面都是人。[Лao Шэ «Записки о Кошачьем городе»]
фаницзы дэ ваймянь доу ши жэнь (дом POSS снаружи все **есть** люди)
‘Все пространство между домами заполнено народом’;

c) 断然否定或确信某物在空间中的存在；

袖口的自里子上**连**一个污点**也没有**。[Лao Шэ «Серп луны»]
сюоу дэ цзылицзы шан лянъ и гэ удянь е мэйю (обшлаг POSS подкладка
на даже один сч. сл. пятно тоже не иметь)

‘На белой подкладке обшлага не было ни единого пятнышка’.

3. 隐喻性转义 (即主词和处所词内涵的改变)。比如：

a) 表达**情感意义**的存现句；

她的脸上**没有**一点好气儿。[Лao Шэ «Рикша»]

та дэ лянъ шан мэйю идянь хаоцир (она POSS лицо **на не иметь** немного
доброжелательный тон)

‘Лицо ее не предвещало ничего хорошего’;

b) 表达“**拟空间关系**”的存现句；

妈妈的眼**没有**泪。[Лao Шэ «Серп луны»] *тата де уян мэйюй лэй* (мама
POSS глаза **не иметь** слезы) ‘Мама не плакала’.

Букв.: В маминых глазах не было слез. ‘Мама не плакала’.

综上所述，汉语中的存在句和方位句包含的成分大致相同，且都可以表示存现关系，但是它们使用的表达方式有所不同，使得表达内容的侧重点也不同。除此以外，汉语中的静态存现句及表达空间的结构还可以用来表达抽象意义，包括情感、智力及其他抽象范畴。

指导老师 — 语言学博士 教授 N. B. Koshkareva, 助教 Yao Song

二十一世纪中国巴基斯坦之间的反恐合作

L. D. Aristova
新西伯利亚国立大学

巴基斯坦和中国于1951年5月21日正式建交。巴基斯坦是最早承认中华人民共和国的国家之一。巴基斯坦是最早与中华民国（台湾）断交并承认中华人民共和国政府的国家之一。自那时以来，两国保持着密切和友好关系。

由于自21世纪初以来，南亚已成为重要的地缘政治中心，目前中国和巴基斯坦的双方关系特别重要。随着中国政府提出的中巴经济走廊项目的实施，亚洲引起了许多世界和地区大国的注意。

中国和巴基斯坦接近的原因是中国，巴基斯坦和印度之间的关系。不仅单个国家的经济发展直接取决于两国之间的稳定合作，而且关系的恶化导致整个地区的动荡，并影响整个国际社会的安全。

另一个中国和巴基斯坦的接近的原因是共同反抗该地区恐怖活动的必要性。因此，考虑到这一方向上的全面交流关系，合作的最优先领域之一就是军事和反恐领域。

两国自1951年以来就开展了军事合作，目前只有良好的效果。在这个领域上，从1951年至今时间的时间内可以分成两个阶段。第一阶段（从1950到1990年）的特点是中方方向巴基斯坦提供了武器，并协助军队教育机构培训军官。第二阶段（从1990年到现在）的特点是联合研制武器和军事装备样品。自上世纪60年代以来，中国一直是巴基斯坦军队各种军事装备的重要供应国。此外，中国还在军事工厂建设方面提供持续援助，并提供技术援助。

另一个重要的方向是执行反恐活动中的协同动作。中国在西部地区，即新疆维吾尔自治区面临着严重的分离主义问题。新疆与南亚和中亚接壤，因此中国认为恐怖主义可能从新疆蔓延到周边国家。自2001年以来，中国扩大了与巴基斯坦的合作，以确保巴基斯坦及其西部地区（新疆）的安全与稳定。

由于当前中巴关系发展的良好势态，可提出中国和巴基斯坦的全面合作伙伴关系将来只能加强的推测。

指导老师 — 史学博士 V. N. Plastun

中国作家何建明作品中的现代中国社会问题

K. S. Bakhtina
新西伯利亚国立大学

何建明 — 现代杰出的作家，中共党员，江苏苏州人。他在多个写作组织中担任高级职务：中国作家协会副主席，中国报告文学学会会长，中华文学基金会理事长。他还多次获得中国主要文学奖，其中包括三项鲁欣奖。

1970年代后期，何建明在部队服役期间就开始从事新闻工作，在90年代后，他转向了文学创作。他于1992年加入中华人民共和国作家协会。他被授予《全国劳动模范》奖，这是一位非常努力的作家。他亲自访问了中国位于不同地区的城市和村庄，并采访了许多目睹者，以便为他的未来工作收集确实的信息。

他的作品《共和国告急》，《落泪是金》，《部长与国家》均获得了鲁辛奖。作品的题材都是基于社会发生的真实事件，这也就是为什么这些作品能引起社会广大共鸣。何建明形成了自己独特的创作风格，他结合了文献记载的准确性以及生动的图像和情感。

在何建明的作品中，批评与表扬是有机结合的。无论是绝对的赞美（例如在《上海表情》中）还是暗示性的批评，它们都不来自政治宣传。它们基于国家和民族发展的真正问题。他的作品的美学效果是没有愤怒、悲伤的怨恨会使人失望后看到希望，摆脱痛苦并受到批评的启发[1]。例如，在小说《落泪是金》中讲述了一位想要不惜一切代价接受高等教育以确保自己获得“更好生活的门票”的学生。

何建明作品的主要宗旨是倾听人民，讲述人民的生活条件，了解国家和民族发展的要求。作家必须理解他的作品的价值[2]。

在他的作品中，讲述了不同性质的问题：社会政治问题（例如，教育改革，村庄问题），经济问题，技术和环境问题。

1. Чжан Ли, Чжан Лошэн. Цзай дьяньсин сюйши чжун хунян шидай юй миньцзу цзиншэнь — хэцзяньмин баогао вэньсюэ чуанцзо дэ дандай ии [在典型叙事中弘扬时代与民族精神 — 何建明报告文学创作的当代意义]. Развитие эпохи и национального духа в образцовом повествовании — современное значение творчества Хэ Цзяньмина в жанре документальная литература // Хунань дасюэ сюэбао шэхуэй кэсюэ бань. 2011. Т. 25, № 6. С. 72–77.

2. Дин Сяо Юань. Хэ Цзяньмин: фань чжэньчжихуа дэ фэйсюйгоу сюйши [何建明: 泛政治化的非虚构叙事]. Хэ Цзяньмин: Политизированное нон-фикшн повествование // Дандай цзоцзя пинлунь. 2011. № 5. С. 157–165.

德·列·霍尔瓦特在1903 - 1920年中在 中东铁路中的政治活动

D. A. Bezrukov
新西伯利亚国立大学

德米特里·列奥尼多维奇·霍尔瓦特是一位俄罗斯军事和政治人物。他服务的主要阶段是他在1903年至1920年间行使的对中东铁路的管理。应该指出的是，当时的中东铁路是特别重要的战略目标，因为它是西伯利亚大铁路的南部分支，并且穿越中国东北地区。中东铁路将赤塔与符拉迪沃斯托克和亚瑟港连接起来。这些情况使霍尔瓦特对该地区发生的各种政治和社会进程产生了重大影响。

霍尔瓦特的活动在俄罗斯和中国的史学界备受争议。一些研究人员认为他的活动具有扩张性，侵犯了中国的主权。其他研究人员认为，他的活动主要目标是维持中东铁路的行政秩序，并在1917年革命后恢复俄国君主制。尽管如此，大多数研究人员仍将霍尔瓦特视为有效的管理者和政治人物。

霍尔瓦特对中东铁路的领导大致可以分为两个阶段。第一阶段是从1903年到1917年。上任后，霍尔瓦特面临许多未解决的问题。他采取了迅速的措施来提高工人的劳动效率；在短时间内，道路的通行能力大大提高了。1904—1905年的日俄战争期间，中东铁路的工作很快因军事需要而重建，并成为俄罗斯军队的主要运输渠道。战争结束后，开始了一段战后重建和平运作的时期。霍尔瓦特实行了积极的中东铁路经济发展政策。在此期间，创建了许多贸易和工业企业，哈尔滨市也得到了积极的发展。

第二阶段的开始与俄罗斯沙皇政府的推翻以及1917年各种政治力量的激活有关。十月革命后，霍尔瓦特不接受布尔什维克政权的建立，成为俄国白军的领导人之一。他积极反对中东铁路的革命情绪，并与干涉者的力量互动。可是，困难的经济形势和其他因素使中东铁路的情况不稳定。结果，从1918年到1920年，在中东铁路发生了4次大罢工，它们由俄罗斯和中国工人共同组织。最后一个被称为“驱霍大罢工”，导致霍尔瓦特于1920年辞职。

1920年后，霍尔瓦特被迫搬到北京。1937年5月16日，他在北京德国人医院结束了一生。

指导老师 — 历史学副博士 S. V. Alkin

电影中白蛇传说的化身

D. I. Boldyreva
新西伯利亚国立大学

现代艺术通常是指过去古代文化中的经典例子。东方文明为很古代的文明，其中有全世界最古代的名花之一。那些东方文明有丰富的文化。她引发了许多童话，神话和传说，其中有的是民族创造的、有的是作者的。这是因为现代艺术中古代文化元素的借用也是中国文化的特征。

这个传奇的第一个电影化身是无声电影等艺术形式的独特作品。这部电影分为两部分，由香港公司邵氏兄弟于1926年发行，导演邵仁傑为电影选择了中国传统传说和童话。

此传说的第一个动画版本（日本白蛇伝Hakujiaden）于1958年在日本出现。对于白蛇人而言，重点是转世，她被视为一种能够在不同世俗生物中化身的精神。在这部电影中，还出现了两个新角色（它们不在原始传说中）——一只熊猫和一只红狐狸。

现代韩剧常借鉴经典情节。2019年，在中国发行了一部36集的电影，改编了这个著名故事（中文：新白娘子传奇。添加了许多韩剧元素，使传奇更易于遵循，并且戏剧本身更加生动有趣。

《白蛇传》是中国四大最著名的传奇之一，从它与现代电影的相关性来看，它至今仍保持着与观众的相关性。

指导老师 — 史学副博士，副教授 E. A. Girchenko

中国音乐治疗

A. S. Evenko
新西伯利亚国立大学

音乐治疗有几千年的历史。在古代中国、古埃及、古代印度、古希腊、古罗马等国家人们用音乐治疗他们的身体和他们的心神。就是说音乐治疗是利用乐音、节奏、振动对生理疾病或心理疾病的病人进行治疗的一种方法。到了现代中国人还用音乐治疗，现代的研究者证明音乐对人的身体会产生影响。

首先要了解中国传统音乐是什么。中国传统音乐包括宗教音乐、宫廷音乐、文人音乐、古典音乐和民间音乐。中国传统音乐也包括律律、五声、七声等重要的音乐概念。

律律是公元前三世纪形成的。十二平均律，亦称“十二等程律”，是把世界上通用的一组音分成十二个半音音程的律制，各相邻两律之间的振动数之比完全相等。五声包括宫，商，角，徵，羽等音符。五声与汉民族古代的阴阳五行、五味、五色、五谷等朴素的理论形式有相互联系，五声是整个东方音乐的基本形态。七声是中国古代七声音阶中的七个级，包括宫、商、角、清角、徵、羽和变宫。清角比角高半音。

主要问题是音乐怎么能治疗人类的身体？确实，以前每个五声的音是自然的音。比如说，第一个音是雷声隆隆，第二个是风声等等。根据古代中国人的看法，音乐和人类的身体有关系。根据‘黄帝内经’，每个五声的音跟器官有密切关系。比如说，宫对心有影响，商对肝有影响，角对脾有影响，徵对肺有影响，羽对肾有影响。中国的医生建议每天每个人要听十五到二十分钟的音乐，以治疗身体。

西藏唱钵是使用音乐治疗的最显著的例子之一。唱钵结合音乐文化和医学。目前，唱钵声誉在提高，因为它们具有不寻常的声音、振动和治疗特性，所以唱钵与其他乐器很不同。至于声音和如何发出声音，如果你们把木棹擦唱钵就会发出声音。唱钵利用波状的声音振动来影响人体。

因此中国音乐治疗是中国文化的一部分。音乐对人类的身体有很大的影响。现在音乐治疗的领域在迅速地发展。

指导老师 — 历史学博士，教授 E. E. Voytishchik

《香乘》 — 中国香料的百科全书

I. A. Hassoun
新西伯利亚国立大学

中国的香文化具有悠久的历史。宋朝时期，香文化达到了其发展的高峰，出现了许多专业著作。此后，香料甚至发展成为普通人的日常用品。历代中国人对香料的研究成果均汇集在《香乘》之中。《香乘》的作者是周嘉胄（1582 - 1658/1661）。关于周嘉胄的平生事迹鲜有说明，而《香乘》的流传主要是因为文人雅士的推崇。

《香乘》由2个序言和28卷组成。序言分别由李维桢和周嘉胄撰写，卷的采集摘录更是种类繁多。依托于早期历史和药理学著作以及前朝的香谱等内容，周嘉胄穷二十年之力写出了《香乘》。

《香乘》结构如下：

• 第一至第八卷，第十一和第十二卷，列出了诸多香品，并写明了评注和参考资料来源。

- 第九和第十卷则对香味和有关香文化的物品进行了分类。
- 第十三卷是对之前各卷的总结。
- 第十四至第二十五卷详细说明了制作和使用合香的方法。
- 第二十六卷涉及各式各样的香炉。
- 第二十七和第二十八卷介绍了与香料相关的文学作品。

《香乘》一书中最常提及的香料有沉香、檀香、龙涎香、麝香和丁香。其中，以沉香为盛。书中第一卷全文皆在陈述沉香及其相关内容。除此之外，丁香也因其独特的清洁功效受到重视，如可用来清洁口腔、清新口气等。书中第十九卷为之举出了许多例子。

总而言之，《香乘》囊括了各种香材的辨析、产地、特性等香学知识；搜集整理了大量与中国香文化有关的典故趣事，可谓知识性和趣味性兼备，是了解中国香文化的首选之作。

更弥足珍贵的是，《香乘》不仅在中国是具有史料价值的重要文献，对其他许多远东国家来说也是如此；而且不局限于古代，《香乘》中提到的复合香气配方在当代仍在广泛使用，且但凡是与芳香族文化有关的现代著作，作者基本都会引用《香乘》。

指导老师 — 历史学博士，教授 E. E. Voytishkek

中国志愿服务事业的发展

A. V. Ilinykh

新西伯利亚国立大学

志愿者活动一般是指由志愿者组织或参与的、符合社会实际需要的活动，志愿者们自愿进行社会公共利益服务而不获取任何利益、金钱、名利，希望通过自己的行动为社会做贡献。

关于志愿服务事业的发展，起初是在20世纪80年代，民政部号召推进志愿服务；然后是在90年代初，中国青年志愿者协会成立；目前，截至在2017年，中国注册志愿者超7643万人。经过筹备北京奥运会的8年实践，中国志愿服务事业实现了跨越式发展，进入了成熟的发展时期。中国的志愿服务活动有较多，大致可以分为以下几种：探访老人、表演节目、在农村的学校教孩子们外语、指挥交通、募捐活动。

2017年12月1日起施行的《志愿服务条例》的重要性很大，其目的是保障志愿者、志愿服务组织、志愿服务对象的合法权益，鼓励和规范志愿服务，发展志愿服务事业，培育和践行社会主义核心价值观，促进社会文明进步。

志愿服务的进一步发展提升，不仅要求志愿服务组织争取政府的支持，还要大力培育民间志愿组织，并推动法律、政策的制定和调整，进一步吸引社会各方面资源参与和支持志愿服务事业。

综上所述，在《志愿服务条例》的规范下，志愿服务活动所发挥的作用越来越大。志愿服务已经成为公民参与社会管理、社会服务的一种重要形式。随着社会的进步，志愿服务的形式会更加丰富，在促进社会发展上发挥重要作用。

指导老师 — 历史学副博士 S. V. Alkin

京剧舞蹈艺术的审美特征

K. S. Isaeva

新西伯利亚国立大学

中国剧作家、戏剧理论家龚啸岚曾指出：“中国戏曲活跃在舞台上，是运用集体力量进行综合创作的一种有生命力的艺术。[1]”

京剧舞蹈是京剧的不可缺少的一部分。京剧演员“以歌舞演故事”，因此，在整个京剧表演艺术中，舞蹈具有重要意义。有名的戏曲理论家王文清说：“京剧是无动不舞，有声必歌”。对于京剧表演艺术与整个京剧艺术的繁荣与发展，研究京剧的舞蹈大有裨益。

京剧表演特征与“四功五法”有密切关系。四功是京剧演员的基本修养。“四功”是京剧表演的四种艺术手段，也是京剧表演的四项基本功。“唱”指歌唱，“念”指具有音乐性的念白，二者浑然一体；“做”指舞蹈化的形体动作，“打”指武打和副跌的技艺，二者也是相互结合。作为四功中的一个本功，京剧中的舞蹈有许多审美特征。

首先，京剧舞蹈艺术与“人体动作”水乳交融。“人体动作”就是“五法”，该表演特征包括手、眼、身、法、步。“五法”构成了整个京剧舞蹈的语言要素。“五法”作为京剧舞蹈的最佳载体，因为舞蹈与“手、眼、身、法、步”的动作相互结合。

京剧体现中国传统文化的多元性和混合性，因此它包括的艺术种类浑然一体，“四功”与“五法”也毫无例外。

京剧中的舞蹈审美特征主要有以下几点：

1. 程式性。京剧舞蹈，以程式性为主。京剧舞蹈的程式性特别鲜明、特别严格、特别规范。程式从生活出发，将某些动作加以美化，形成具有一定含义的规范表演动作。[3]

2. 民族性。京剧舞蹈属于民族舞蹈范畴，与国画相同，以写意为基本原则，强调民族特色。写意是中国传统美学的一个重要原则，在戏曲表演中主要表现各种限制的突破。著名戏剧理论家余秋雨先生曾提出：“写意是中国古代美学的一个重要命题，在戏曲表演中主要表现为对时间空间限制的突破，以及动作、布景的虚拟。[2]”京剧演员在台上所表达的骑马、乘车、坐轿、开门、关门、上楼、下楼等动作和手的各种指法、眼睛的各种看法、脚的各种步法，都强调实际生活的特点。这充分说明了京剧舞蹈的民族性特征。

3. 创新性。京剧舞蹈虽有固定规范的程式，但并不是一成不变的，而是根据剧情、任务、时代等要求，不断改变、扩大旧有的舞蹈程式，并创造新的舞蹈程式。与时代节奏，不断创新，是京剧舞蹈在内的一切艺术的基本功能。[3]

-
1. 龚啸岚. 舞台行脚. 中国戏剧出版社, 1996.
 2. 余秋雨. 戏剧理论史稿. 上海文艺出版社, 1983.
 3. 张景华. 戏剧鉴赏. 北京师范大学出版社, 2015.

指导老师 — 历史学副博士 M. A. Kudinova

传统中国成人礼的分类

A. R. Kazykhanova
新西伯利亚国立大学

每个社会都由分组组成。人们按年龄分为这些分组。达到一定的年龄一个人取得一定的成就，这些成就改变了他的社会地位。一个人经历人生的各个阶段，每个阶段都伴随着仪式。

一个人的生活通常地可以分为童年和成年的两个时期。这两个人生阶段之间有明确的界限，越出界限一个人就通过成人礼。

该礼仪包括四个主要阶段：

第一是仪式前的准备；

第二是成人礼的开端。这时新手应该离开习惯的环境与经受考验。

第三是过渡阶段。这时新手不再属于原始组，但还没有成为新组的正式成员。

最后第四阶段是新手以新的地位返回社区。

在不同文化的许多仪式中，这些阶段是相同的。现在我们来看看传统中国的成人礼。

男孩的冠礼仪式

男青年的通行仪式称为冠礼。仪式通常在家庭祖庙举行。人们算命了就选择了仪式合适的日子。人说，正确的日子会决定成年。

20岁的男青年应该经过一项仪式冠礼。在典礼上，特定的帽子轮流被戴在他的头上。与传统的入会仪式相比，冠礼仪式没有包括任何痛苦的考验，而是更加庄重而详细，充满了深刻的内在含义。仪式结束后，这个年轻人收到了一个新的成人名字。这意味男青年已经成熟，从那一刻起，他就应该表现得像成人一样，进行礼节，其他人应该以成人的方式对待他。

女孩的笄礼仪式

女孩跟男孩一样也必须接受入会仪式。这种仪式称为笄礼。该仪式是在15岁或结婚之前举行的。达到这年龄前女孩能编辫子，披发或有双髻。但是经历仪式后女孩们应该在头发上扎一个发夹，还要将婴儿衣服换成成人衣服。因此，一眼看女孩的发型和衣服就足以确定她的年龄和婚姻状况。传统上，仪式由女孩家庭中的主要已婚妇女进行。那个通过了成年礼的女孩不再是孩子，她应该有相应的举止：为结婚做准备，学会做家务，照顾丈夫和父母。

指导老师 — 历史学副博士，副教授 E. L. Frolova

中华人民共和国对非洲在进行“一带一路” 倡议背景下的经济政策 (2013–2021年)

E. A. Kireiko
新西伯利亚国立大学

中国经济的飞速发展是世界研究的主要和中心的课题之一。随着中国经济最近跃居世界第一位，中国的经济活动更开始在世界经济中发挥更加重要的作用。促进这种发展的主要条件之一是中国对非洲大陆国家在进行的“一带一路”倡议，也称新丝绸之路的情况下积极实行的对外经济政策。中国政府将对非洲国家在自2013年起由中华人民共和国进行该倡议的框架内对非洲国家实行的经济政策，首先定位为基于互惠互利，也促进中国和非洲两国之间的伙伴关系和友谊合作。

中非之间的第一次接触发生在汉代（公元前206年至公元220年）“伟大的丝绸之路”诞生期间，当时中埃之间进行了文化交流，即1956年，埃及成为第一个与中国建立外交关系的非洲国家。中非关系发展的间歇性而长期的期间确定了21世纪前二十年中国在非洲大陆实行的经济政策所使用的利益和推动力。

相似的历史命运以及中国对殖民时期的非洲自由主义运动的长期支持，都成为目前国家级双边关系的基础。

中国利益大部分涉及主权问题，尤其是支持中国综合实力的可持续经济增长的发展利益。由于中国努力成为世界上的主要强国之一，并打算在国外坚持自己的利益，为了实现自己的利益，中国在国际组织，比如联合国讨论重要问题或者与其他国家（例如欧盟国家和美国）对抗的情况下需要非洲的支持，因为非洲是国家最多的大陆。

越来越扩大的中国企业需要新能源和原料供应者。中国出口商需要商品销售市场，而外交官在国际组织需要支持。最后，中国的宣传以推动其利益，并必要时与美国作斗争寻求盟国的支持。

在这段时间内，中国对非洲的经济政策是根据中国和非洲国家的利益以及在合作的基础上进行的，首先表现于非洲国家自然资源输华的增长，同时中国制造业迁往非洲。中国需要原料资源的大部分来支持国家经济的增长。中国以非洲大陆为建立和扩大中国生产之所的选择决定于劳动力廉价，本地市场增长的潜力，环境标准低水平以及中国为解决国内市场加剧竞争问题的努力。

中方也将非洲大陆视为中国商品的销售市场。由于非洲市场没有激烈竞争和本地生产，其是中国简单与廉价商品的理想消费者。

中国对非洲大陆经济政策的重要组成部分也是中国对非洲国家发展，特指在生产、教育和基础设施等方面的投资，以及资助、低息或无息贷款等援助形式。例如，根据联合国贸易和发展会议的数据，从2007年到2017年，中国在非洲国家的直接投资额增长了将近十倍，达到433亿美元。

因此，非洲在“一带一路”倡议的背景下中国实施的经济和政治战略中处于中心地位。

指导老师 — 历史学博士，教授 V.N. Plastun

朱熹理学对中医医学术语的影响

A. S. Kolomeitseva
新西伯利亚国立大学

中国医学是由不同学派和学说组成的独特综合体。中国哲学的理论和方法论对它的发展一直有很大影响。在“黄帝内经”里，中国医学基础的形成是从“周易”接受自然哲学概念同时产生的，而且宋明两代的时候，理学对中医有影响，使医学成为了严谨的理论。同时期，中国医学逐步丧失萨满教的成分，并放弃遵循古代医学规范，在医学理论中发现了一些新的学术办法，此外彼此竞争的医学学派开始分化。

医学学说发展趋向理性的变化很大程度上归因于伟大的哲学家、百科全书派和教育家朱熹（1130–1200年）的活动。宋朝时期（960–1279年）独创儒家思想的兴盛与朱熹理学有关。

虽然朱熹自己从来没参加过中国医学形成的综合过程，也从来没当过职业的医生，但是他的哲学作品和思想对中国医学的发展有巨大影响，包括医学术语层面。

朱熹理学概念和医学术语的对比分析，是在著名的新安医生（新安是安徽省徽州地区的古代名称）徐春甫写的医学论文“古今医统大全”材料的基础上进行的。

哲学概念对医学术语的影响和这些概念对医学理论需要的使用，在“内经”里可发现。朱熹理学和他想出的概念，不仅有助于创造新医学术语，而且让在理性形式更准确地表达出已经存在的医学概念。例如，朱熹把中国自然哲学和医学最重要概念之一“气”下定义以“太和”，并说明“气”是每个“物”的两个原理之一包括“理”。宋朝医学接受这个“气”的概念，然后在其基础上形成了一个医学术语总合：元气，真气，正气，阳气，阴气，中气，邪气等等。可见，理学概念“气”引起了形成一系列医学术语的构意范式，结果也形成了具有明确结构与分级的一个术语系统：根据体质、脏腑工作的变化，或者任何一个疾病的时候，“气”的特性也就变化（成为“邪气”），因而表示发病机理特性的医学术语也起了变化。

这样一来，朱熹对中国医学作出无可争辩的贡献（包括医学术语层面，和医学理论层面）可以被评定以科学革命。包括在现代世界对中国文化和医学的增长兴趣，创造了有益的研究环境。

指导老师 — 高级讲师 T. G. Zavyalova

中国与阿富汗毒品走私的斗争

R. E. Krotov
新西伯利亚国立大学

人尽皆知，阿富汗是世界上最大的毒品生产国。输华的大部分毒品都是从阿富汗来的。目前对中阿间的非法贩运毒品数量知之甚少。一般中国的毒品市场分在阿富汗和缅甸两大部分，但还不知道大多数鸦片来源的国家。某些缉毒机关的报告称中国约有20%的阿富汗鸦片。2004年中国毒品形势报告提供了类似的数据，但不完全清楚是什么总结出这些统计资料。我们可以假设，缉获的毒品来源可能取决于毒品的路线。然而，这种方法可能并不总是准确的，所以中国政府不能确定阿富汗鸦片的比例。

毒品贩运路线可分为三类：越过阿中边境的直接运输；通过巴基斯坦的运输；以及通过中亚国家运输毒品。特别值得注意的是从阿富汗到中国的直接贸易，因为它的机会是有限的。两国之间的边界长度为76公里，边界的气候条件是寒冷的。唯一过境点是海拔4927米的瓦赫吉尔山口，该山口每年至少关闭五个月，在剩余时间内并不总是可以进入。到达这个通道很困难，取决于通过瓦罕走廊运送鸦片的方法。瓦罕也是鸦片种植的地区。然而，根据“巴达赫尚方案”的统计数据，每4200名成年人中有500至1200名吸毒者。因此，瓦罕走廊每年的鸦片消费量是从660到2680公斤。

中国政府多年来一直在打击来自阿富汗的贩毒活动。中国以«巴黎进程»为准进行禁毒斗争。«巴黎进程»是一个专门的多边合作机制，它的主要目的是解决阿富汗的毒品和犯罪有关的问题。其职能包括召开关于药物管制问题的会议，提供技术援助，编制统计数字以及支持制定反毒品贩运的战略。

2006年，中国与阿富汗签署了政府间禁毒合作协定。这立即取得了效果：同年下半年，在喀布尔机场里揭露16个毒品犯罪，拘留了26名嫌疑人，没收了40多公斤海洛因。新疆警方也在乌鲁木齐机场实行了几项类似的行动。中方还组织至少19个培训班，对阿富汗执法人员进行禁毒培训。此外，两国代表团定期进行工作访问，关于毒品情况的信息相互进行交流，协助宣传等等。

中国与阿富汗的合作有助于减少贩毒犯罪的数量，并有助于为放弃种植和销售鸦片创造良好的条件。

指导老师 — 历史学博士，教授 V. N. Plastun

中国大流行病期间的医生艺术形象

K. D. Kuzminykh
新西伯利亚国立大学

在中国历史上，医生在人们的意识和艺术中的形象不断发生变化。在中国古代人们认为医生有一定的魔术能力和让人们所信服的力量。中国的一些省份，为医生们修建了寺庙和墓碑。医生在人民中受到很大的尊敬。

传统医学的医生应该是高尚的、负责的和有爱心的，应该有善良的、正派的、高度专业的学问。然而，对待中国医生的态度存在矛盾，因为从远古时代起，就有了一些完全为了牟利而接受病人的医生；在这种情况下，医生往往甚至没有基本的医学知识。

20世纪，中国医院和医生的主要收入来源是处方和医疗程序的收入，这间接助长了医生不诚实情绪的增长，与制药公司的协议。到21世纪初，医生与病人之间的关系紧张到了一个转折点：对医生和制度的不信任导致了公众的不满，甚至是身体虐待。医生的形象由于越来越不信任而变得消极。今天，我们再次看到医生地位的变化。

艺术能够对社会中发生的各种过程立即作出反应。对医生职业的态度表现在艺术创作的广泛范围内：绘画、雕塑、电影。

中国医生的形象随着时间的推移发生了很大的变化，社会态度也不断发生变化：从最早的时代开始，医生的态度就发生了变化。直到他在20世纪的地位几乎完全丧失信誉。现在，医生的概念有了新的内容，恢复了人们的信任和尊重。在大流行病时期，中国的艺术鼓舞了伟大的功勋，献身精神，为人民做了英勇的行为，给未来带来了希望。

指导老师 — 语文学副博士，副教授 E. E. Malinina

浅析汉译俄中的文化词汇

A. A. Logacheva
新西伯利亚国立大学

在当今政治多极化、经济全球化、文化多元化的大背景下，世界各国、各地区之间的交往日益频繁，交往中既有文化的融合也不乏文化的碰撞。作为文化载体的语言，不仅映照着文化，还是不同文化交流的工具。语种间的翻译为跨文化交际建起了桥梁，不仅是语符表层指称意义的转换，更是两种不同文化的相互沟通和移植。

文艺作品作为文化交流的纽带，它让读者了解其他民族的生活方式、历史、文化和世界视野的独特性。

近些年来，俄罗斯对中国文学作品的关注度不断升高，研究和讨论的对象既有古典小说和历史作品，又有现代文学作品。

在汉语词汇中，除了部分没有任何附加意义的普通词汇，以及科技词汇能够达到与其他语言词义上的完全对等外，还有部分词汇深深扎根于民族历史文化的土壤，我们称为“文化词汇”，它们在翻译过程中经常出现问题。

文化词汇是语言词汇中一个特殊组成部分，它包含了深刻丰富的民族心理、道德观念、世界观、生活习惯、社会和历史发展等文化因素，是语言词汇中典型的文化词。它们没有完全对应的翻译方式，因此应当特别注意。而“翻译的不对等现象”可以理解为翻译时很难从俄语中找到与原文相对应的翻译方法。

在俄罗斯有关“文化词汇”翻译理论的基础著作主要是针对欧洲语言的研究。但是，随着人们对东方语言，尤其对中文越来越感兴趣，越来越多翻译中国文艺作品，笔者认为这一问题亟需引起重视，制定一种具体的翻译策略，以充分传达中华文化的精妙之处。

本文进行的分析以期达到下列目的：

- 1) 搜集文化词汇在现代文艺作品和译文中；
- 2) 详述文化词汇的各种翻译方法；
- 3) 分析中文文化词汇翻译手段与翻译理论基础著作的不同；
- 4) 分析翻译者怎样克服翻译文化词汇的问题，哪些方式更为合适。

总之，为了中国文艺作品翻译者对文化词汇的特点与翻译方法具有明晰的认识，现在必须重视文化词汇翻译方法的重要性和紧迫性，最大限度地保存民族文化信息的准确传递。

指导老师 — 历史副博士，副教授 S. V. Alkin

王岱舆著作中的伊斯兰教同宋明理学结合，以宇宙起源的解释为例

A. V. Maskalev
新西伯利亚国立大学

公元7世纪，伊斯兰教已传入了中国，但穆斯林的数量长期很少。元朝很多穆斯林被蒙古人迁移到中国，穆斯林数量才增加了。明朝这些外来穆斯林的后代经过中国化，已不用祖先的阿拉伯语、波斯语，逐渐形成了回回民族。因为那时候许多回族人不通伊斯兰教，所以17世纪的回族学者决定，用回族认识的汉文来著述阐释伊斯兰教的书籍。

第一位汉文著作的作者为王岱舆（约1592–1658）。他生于南京，16世纪末的南京是明朝最大的城市之一，很重要的文化中心。所以王岱舆有机会成为“学通四教”（儒、道、佛和伊斯兰教）的人。因此他能够用中国传统的哲学概念、范畴和观念写了三部著作：《正教真诠》、《清真大学》和《希真正答》。

王岱舆的方法被称为“以儒诠经”。这个方法的主要特点是：伊斯兰教和儒家互相影响。所以可以分出这个方法两个方面：“以儒释伊”和“以伊释儒”。王岱舆应用这个方法使王岱舆的伊斯兰著形式上成为中国化的，也是伊斯兰教和宋明理学会结合之所以。

例如，为解释宇宙起源，王岱舆使用周敦颐（1017–1073）在《太极图说》中叙述的宇宙起源观念。周敦颐的观念就是：无极生太极。宇宙的起源是太极动静静的结果。太极的动静生阳和阴，阳和阴生五行，五行则生万物。

对周敦颐的观念最有影响的解释是朱熹（1130–1200）写的注释。朱熹认为，无极是形出现之前的世界状态。太极是所有理的综合，是世界的标准 [1]。

王岱舆为解释自己的宇宙来源观念，吸收了理、形、无极、太极、人极、动、静等宋明理学概念。王岱舆对周敦颐和朱熹的宇宙观念进行改造，这些改造使它成为伊斯兰化。王岱舆认为，真主（安拉）是唯一的创造者。无极是无形之始。太极只由真主受命才生，太极是世界的开始。这样王岱舆不仅借用中国哲学的概念与观念，他还对它们进行改造。这就是王岱舆方法的两个方面。

可见，为解释自己的观点，王岱舆吸收中国哲学的概念和观念。但他也改造这些概念和观念，所以伊斯兰教和宋明理学互相影响。结果王岱舆的伊斯兰教形式上就成为中国化的，但伊斯兰教的思想。这就是伊斯兰教同宋明理学的结合。

1. Фэн Ю-лань Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.

“一带一路”背景下的中国与哈萨克斯坦合作

D. L. Novikova
新西伯利亚国立大学

中国国家主席习近平于2013年在阿斯塔纳（现为努尔苏丹）提出的创建丝绸之路经济带项目的建议不仅是因为中国希望加强区域经济一体化，而且还要对美国在世界舞台上的影响力创造一个值得的竞争，以及安排自己的生产能力，从而减少对国家中心的压力，并发展西部地区。

由于共同边界，哈萨克斯坦共和国和中华人民共和国有相当悠久的历史关系。哈萨克斯坦的领土是丝绸之路的一部分，所以贸易关系已经存在很长一段时间。在“一带一路”倡议创建时，哈萨克斯坦和中国不仅通过积极发展贸易关系（贸易额最高水平在2013年达到285亿美元，而且在2019年达到144亿美元），而且还通过在上海合作组织框架内的进行联合活动，其中还包括反恐措施方面的合作。

在所有的优点中，可以注意到下列因素：

一、哈萨克斯坦幅员辽阔产生创建物流项目的可能，可以进入俄罗斯，里海，伊朗和波斯湾；

二、政治稳定也发挥了重要作用；

三、有利的投资环境；

四、当局的撤换。

哈萨克斯坦自己也收到大量的外汇收入的货物过境。此外，经济发展的新刺激是由于进入世界市场的扩大。

中哈合作可能遇到的困难如下。如果哈萨克斯坦无法为自己的人员提供工作，则中国会必需解决劳动力迁移量的问题。或者如果中国将在该地区的农业用地开展自己的生产能力，共和国的居民中就可以增长“反华情绪”。这一先例已经发生在2016年，那时举行了一些群众集会，其原因是建议修改土地法长期租赁土地给外国人。这一事件发生后，宣告暂停该项目，其将于2021年12月31日到期。

冠状病毒感染给国际生产和供应带来了前所未有的损失。值得注意的是，即使在这种困难的条件下，两国设法保持了132亿美元的贸易额。通过共同努力，中国和哈萨克斯坦能够克服诸如暂停飞行、无法将技术人员和供应商转移到工地等困难。中国的投资总额为3.6亿美元。

因此，我们可以得出结论，两国之间合作的困难可以变成机会。努尔苏丹当局相信，参与这些项目可以在运输物流现代化和使国家的“Nurly Zhol”项目合并带来不容置疑的好处。

指导老师 — 历史学博士, 教授 V. N. Plastun,
历史学副博士, 副教授 S. A. Komissarov

在中俄双语中的动物借喻

E. A. Olkhina

新西伯利亚国立大学

每一种语言都是文化的重要组成部分之一。它积累及传播各民族的文化经验。世界上的语言有五千多中，其中每一种语言都有民族特色的文化。

因为自人类诞生以来，他们的生活就与动物息息相关，所以他们常常把自身的某些特征与动物中的特定代表相比较。在语言体系里面这种过程叫动物借喻。

动物借喻是指主要用于比较动物和人的外貌、性格、行为特点的一种隐喻性转义。

我们的调查目的是将俄汉双语的动物借喻分析及对比。

现在动物借喻的研究很多，因为语言学家和文化学者在语言里面开始详细地调查文化的民族特色。

当前研究包括两个阶段。第一阶段的目的是调查俄罗斯人和中国人从小都认识的动物，而且分析动物词汇和固定词组，以现代汉语词典和俄语词典为主。第二段我们调查在老虎、熊、狼、狗、狐狸等动物借喻。在这种研究中我们使用下列的分类：

第一，人格特质（外貌、生理特征、智力及性格）；

第二，个人的社会作用（行为、人与人的相互关系及专业性质）。

结果，做了对比分析以后，我们查明一样动物的联想联系在中俄两国文化中可以是大致相同或完全不同的。例如：

第一，在汉语和俄语里面的“熊”这个动物有一样的意思，就是愚蠢的、笨拙的人。但是俄罗斯人还认为熊是指力气大的和善良的人。

第二，对“狗”的含义来说，在汉语里面有“走狗”、“狗腿子”这些惯用语，意思是“喽罗”，但是对俄罗斯人来说，狗是他们的朋友，如果某一个人有“狗眼”，他是十分忠实的人。

可以说，动物借喻最重要的特征是各自民族各自调查动物世界的亲身经历。

并且动物借喻在情绪评价系统中也占有重要的地位，分为肯定的及否定的两大类。比如，中国人认为老虎表示勇敢、享有威望和强壮的体格的人（虎胆英雄、虎背熊腰），同时残酷的及贪婪的人（饿虎、坐地虎）。一个动物也有肯定的及否定的含义。

指导老师 — 语言学副博士 N. V. Kutafieva

关于香港祭拜狐仙的宗教仪式

A. D. Ponkina
新西伯利亚国立大学

狐仙信仰在中国具有悠久的历史，亦是一种流行于现代中国的民间信仰。其形成追溯到7至10世纪，在17世纪狐仙信仰成为一个完整的民间思想体系。自唐代以来，狐仙信仰在中国北方居民中广为流传，狐狸被认为具有转化为神仙助人或妖精祟人的能力。尽管狐仙信仰起源于中国北方，但目前在中国南方地区也可以找到其痕迹，包括香港在内。

狐狸精形象的形成与其在中国传统文学和大众媒体中的形象密切相关。除此以外，在香港人们对狐狸的看法受到1980年代流传的都市传说的影响。都市传说继续存在于大众文化中，从而支持居民对狐仙的消极态度。然而狐狸作为崇拜的对象，在民间观念中至今占有重要的位置。

香港有两个最著名的拜狐仙的地点：《道教閻山崑崙法院》和《狐仙法派》。此报告的作者对两个地点之间的异同、它们成立历史等方面加以分析，并研究它们的宗教和教育活动。这两个拜狐仙的地点的宗旨是促进香港狐仙信仰的普遍推广。

因此，《狐仙法派》的代表黎宜銘编纂反对邪灵的法术以及狼狐的阴谋。此报告的作者通过检查其社交媒体页面来研究《狐仙法派》的运作方式，如在其Facebook页面上黎宜銘发布有关狐狸如何能帮助人们获得成功、提高收入或寻找配偶的信息。并且用户可以亲自联系黎宜銘師傅，提出令他们感兴趣的问题。

此报告作者研究了道教的狐仙上香咒的部分。根据分析，作者作出了结论：香港的狐狸崇拜与道教的宗教习惯密切相关。比如，在《净身神咒》提到了于人的身体而存在的精神，叫魂魄，他们在道家炼金术中起重要作用。此外，道教的一派《正一派》也对香港的狐仙崇拜产生了影响。

狐仙的形象是中国传统文化不可缺少的一部分，在现代中国经常用于流行文化，包括电影和电视连续剧。在现代香港，它被认为具有负面特质。然而，因为受邻近地区的影响，所以狐仙信仰在香港居民的宗教活动中发挥着越来越重要的作用。其分布在很大程度上受到拜狐仙的地点的影响。

指导老师 — 史学博士, 教授 E. E. Voytishchik

中国文化中空间“南—北”，“东—西”对立概念的象征性名称

O. P. Shchigoreva
新西伯利亚国立大学

自古以来，四个基本方向（东、西、南、北）在创建坐标系中起着重要作用，该坐标系使一个人可以相对于其他物体在空间中导航。该系统出现的基础是太阳在天空中的运动。中国比欧亚大陆的任何其他国家都显示出古人与四方之间的紧密联系。这种联系渗透到了古代中国人的生活的各个领域，决定了他们的许多行动、行为、思维方式和语言。

在中文中，四方常常带有象征性的名称，可以用季节、物理元素、花朵、树木、人体部位、金属、宝石、神、数字等同起来。这种所谓的象征性分类在中国文化中尤为明显，它在古代中国人的世界画面中显示了四方的首要地位。

通用分类方案是一个五项宇宙学模型，其中将世界空间划分为五个区域。其中四个：东，南，西和北对应于四方。第五个被指定为中心，并与世界中心相关联。提出的模型中的主要时间坐标是季节，用中文术语来说，有四个季节—春季（东），夏季（南），秋季（西）和冬季（北）。该中心有一个特殊的时间段，根据农历，该时间段是从7月下半月到8月初。

根据世界各地的普遍象征意义，每个时空区都具有独立的语义含义和许多符号名称。中心被理解为由统治者人格化的世界空间神圣政治焦点，它与首都有关。东方与太阳的升起，春天和新生命的诞生有关。像中心一样，南方是一个神圣的空间区域，这可能是由于中国人的太阳信仰以及他们对太阳的崇拜。

众所周知，在任何正式的宗教和世俗仪式中，中国的统治者总是面对南方。这种象征性的空间取向在整个中国人民中普遍存在。中国文化中的东方一直与生命、爱情和性关系在一起。西方，作为日落的地方，在中国被认为是人类最具破坏力的空间区域，在这里，混乱和敌对的自然力占了上风。此外，它还与军事力量，暴力行为和死亡有关。这些象征性名称的颜色与这样的事实有关：在上殷和周以西（在青藏高原的山麓地带）居住的是对华人最激进和敌对的民族，这两个古代中国国家都与之抗衡战争。

北部时空区域具有二进制符号。一方面，它与西方一样，与死亡（冬季）和自然混乱相关，另一方面，与一切私密的事物相关。对此的理解是由于农业人民的自然和经济现实：冬天是谷物被埋在地下的时期，将来会发出新芽。由于“秘密”，“神秘”的概念通常包括对其理解的想法，因此北方已经与智慧，知识，学问和教育联系在一起。

空间对立的“南—北”，“东—西”不仅是空间的指定，而且在分类方案中，在语言级等各方面也具有象征意义。在“南北”对立概念中，优先考虑南方，因为它的象征意义具有极其积极的含义。这也解释了为什么经常提到东方，而西方和北方却很少被提及。

指导老师 — 历史学副博士，副教授 E. L. Frolova

现代汉语的《罪行》和《刑罚》的语义场

D. O. Silchenko
新西伯利亚国立大学

科学家在现代语言学中常常用语义场的方法研究语言的词汇。语义场的成分与一个概念有关系。语义场表示母语者对这个概念的认识。

该研究的主要目标是查明《罪行》和《刑罚》两个语义场的相互作用的特点。

语义场是根据单一概念联系的或者有词汇意义的相似特征的词群[1]。使用词汇部分的固有意义，使这些词在语义场里的词义可以被辨别[2]。语义场由核心、中心和外围组成 [3]。

用连续抽样的方法我们采集了200个例子。文献资料包括：西佐夫的《俄汉法律、经济及银行术语词典》，黄东晶的《俄语常用法律术语词典》，《海词词典》，熬日其冷的《中美犯罪现场勘查比较研究》，《中华人民共和国刑法典》，《中华人民共和国监狱法》等。

我们把需要研究的词汇分类。《犯罪》、《罪行》属于《罪行》语义场的核心。《罪恶》、《罪过》、《犯法》等属于《罪行》语义场的中心。《罪行》语义场外围具有四个组。第一个组包括具有罪行种类意义的词汇单位和词组。第二个组包括具有罪行的各种各样的评定意义的词汇单位和词组。第三个组包括具有犯罪构成的部分意义的词汇单位和词组。第四个组包括具有根据罪行的评定规定的刑罚意义的词组。

《刑罚》属于《刑罚》语义场的核心。《处刑》、《惩治》属于《刑罚》语义场中心。四个组属于《刑罚》语义场的外围。第一个组包括具有刑罚的种类意义的词汇单位和词组。第二个组包括具有刑事诉讼意义的词汇单位和词组。第三个组包括与刑事诉讼意义的词汇单位和词组。第四个组包括与服刑有关系的词汇单位和词组。

《重犯监狱》、《作案工具》等词汇单位和词组不但属于《罪行》语义场，而且也属于《刑罚》语义场。

前面所说的证明研究的两个语义场的范围不是严格的，《罪行》与《刑罚》两个语义场具有密切的相互联系。

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая рос. энцикл., 1997. С. 930.

2. Кронгауз М. А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2005. С. 132.

3. Новиков А. Л. Эскиз семантического поля. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskiz-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 21.01.2020).

中国软实力在“一带一路”项目实施中的作用

V. Yu. Sorokina
新西伯利亚国立大学

在世界多极化的进程中，争取领导权的最有效工具之一就是“软实力”。紧随美国之后，早在1993年，中国就开始结合自身政策特点和民族意识，积极研究并适应这一现象。中国研究人员发现，中国的“软实力”是以文化为中心的，文化和语言的普及是形成国家正面形象的强大助推力，进而可以对中国在国际舞台上的地位的提升形成积极影响。

然而，尽管中国对“软实力”的研究始于90年代，但直到2007年，胡锦涛才在中共十七大的政治报告中首次对中国的“软实力”做出正式解释。报告中，胡锦涛呼吁建立中国的社会主义基本价值体系，并增强社会主义意识形态的吸引力和凝聚力，并指出有必要赞扬中华文化，建立中华民族共同的精神核心，并强调了创新中华民族文化和增强文化发展生命力的必要性。因此，中国“软实力”的主要目标是创造一种替代西方世界文化秩序的模式，其核心和榜样应该是中国。

为了加强其在国际舞台上的地位，中国政府回顾了本国的历史，并于2013年向世界提出了共同构筑“一带一路”项目的构想。在项目构想中，中文将成为项目参与国的交流语言，而人民币将成为主要货币。

这种趋势可能促成以下结果：首先，中文会作为中国文化与其他地区文化互动的语言，儒家思想和汉语通过陆地和海洋的丝绸之路在东亚，中亚乃至欧洲广泛传播。中国政府的首要任务是使中文成为国际交流语言。这样，这项政策可能将会使中文将成为中亚国家代表的交流语言。

其次，中国的政策在国际社会中持续引起争议。人们对于中国“软实力”的体现，提出了不同的观点。一些研究人员坚信这是“戴着天鹅绒手套的硬拳头”，中国正试图用这种方法在争取世界统治权的斗争中占据领先地位，而另一些研究人员则认为，中国“软实力”的展示是在美国这样强大的对手面前捍卫自己国家地位的一种尝试。同时，“一带一路”项目提出的“和平发展”与“互惠互利”的思想恰恰是和谐价值的体现，促进了实现共同繁荣、和谐共处的思想。

例如，过去五年来，中国和哈萨克斯坦一直在积极实施“一带一路”倡议和哈萨克斯坦“努尔·卓尔”的新经济政策，积极促进工业和投资合作领域的合作，并取得了一定成就，硕果累累。随着“一带一路”计划建设的不断深入和哈萨克斯坦市场合作项目的扩展，对讲汉语的人才的需求正在增长。

正是由于这种需求，目前在哈萨克斯坦已经有五所孔子学院在运作，有1.4万名哈萨克斯坦学生正在中国学习。在哈萨克斯坦学习和使用汉语正在成为一种趋势。中国国家主席习近平在2017年访问哈萨克斯坦期间宣布，中国政府将在未来五年将哈萨克斯坦学生的奖学金数量增加到200个

名额。目前，中国教育部正在积极执行中华人民共和国主席的指示。仅在今年，就有100多名哈萨克斯坦学生进入了中国大学。

因此，该项目的创始和一百多个国家的加入在一定程度上证明了中国在该项目中有效地使用了“软实力”。该计划还为在全世界范围内中国“软实力”的发展与提升提供了新的机会。

指导老师 — 助教 N. A. Yazykova

罗马（和拜占庭）与中国的关系

A. A. Suvandii

新西伯利亚国立大学

中国和罗马早已结交。中世纪早期的中国叙事资料中不仅提供了有关遥远的罗马帝国（包括东方帝国）名称的信息和解释，还描述了其地理、政治和经济的细节。包括有关农业，畜牧业和产品，以及大秦人的贸易和使者的叙述。我们转而研究第二至第六世纪中的五个文献：

1. 范晔的《后汉书》。
2. 《魏略》是由历史学家鱼豢在公元297年之前编写的。
3. 建于7世纪的纪念碑《晋书》。
4. 《魏书》是由魏收发表的。
5. 《宋书》是由历史学家沈约发表的。

所有五种中文文献都描述了大秦的地理。消息人士称，大秦位于海以西的海西。

消息来源还提供有关大秦首都的信息。据魏略说，它位于河口，《晋书》补充说这座城市有一百多里。

《魏书》说，首都的名字叫安都。《后汉书》，《魏略》和《魏书》也将大秦描述为人口稠密的地区，人们彼此毗邻。此外，当地人又高又贤良，让人联想到中国人。

所有这五个文献还提供了对大秦食物的介绍。《后汉书》提供有关大秦农业的信息。根据这些记录，该地区有许多不同类型的树木，如松树，柏树，柳树，竹子等。此外，居民还种谷物，养马，骆驼，驴和蚕。

在这方面，毫不奇怪的是，在中国逐渐开始研究罗马帝国及其合法继承人拜占庭（罗马帝国，东罗马帝国）。

中国对拜占庭的概念研究具有两种发展方式。首先，借助转录。一个引人注目的例子是硬币的名称。Solid（索利都斯），aurei（奥娄斯），semis（塞米塞斯）和 tremis（崔米塞斯）-中国作家只是在传达自己的声音。

第二个方面是“意义”。我们在“Eparch之书”中看到了一个生动的例子。作者并未尝试在辅音象形文字中传达“Eparch”一词，而是将其翻译为市政官。

因此，我们看到，中世纪早期发展起来的文献不仅存在，而且还间接推动了中国拜占庭研究这一相当动态发展的知识分支的发展。

1. Hoppál K. The Roman empire according to the ancient Chinese sources // Acta ant. hung. 2011. № 51. P. 279–299.

2. Мао Синьсинь, Ли Цян. Байчжаньтин «Шичжэнь гуань фа» ичжу [毛欣欣、李强。拜占庭《市政官法》译注 // 古代文明 2012年第3期]. Пер. и аннот. византийской «Книги эпарха» // Гудай вэньмин. 2012. № 3. С. 13–34.

缅甸克伦民族运动的问题

A. V. Titova

新西伯利亚国立大学

缅甸是亚洲国家中民族成分最复杂的国家之一，缅甸国家政府承认的民族共有135个。缅甸主体民族的缅族与少数民族之间在政治、文化、经济上都有较大差异，存在不同程度的民族矛盾 [1]。因此，在历史背景和现代地缘政治进程的背景下对缅甸小民族的研究很有趣。

克伦族是这样的小民族之一。克伦族是一个印度支那部族，主要住在缅甸的南部和东南部。他们占克伦邦，克耶，孟邦和掸邦的领土，与缅甸，掸族，钦族等民族接壤。在克伦族中，佛教，基督教（洗礼教派）很普遍，传统信仰（泛灵论）也得以保留。克伦部族可以分为三个分组，该分组基于语言和方言的差异。这些是白克伦，波克伦和勃外。这些民族生活在山区，因此他们经常组成独立的部落。因此，克伦族是居住在缅甸，泰国和印度境内的众多民族和种族的统称。传统上，克伦人从事农业，繁殖公牛，水牛，山羊。现在克伦人的一部分在木材采伐和矿山工作，住在城市 [2]。

考虑到克伦民族主义的问题、特点，应该回顾这个民族出现的简要历史。虽然克伦族部族住在缅甸住了一千多年，但是他们从来不占属于他们的领土。克伦族的发展总是与其他人同时发生，而其他人通常是多数。结果，克伦人在政治上服从统治种族，因此遭到压迫和剥削。这些条件不可避免的结果是各国人民之间的相互仇恨。对于克伦人来说，这种情况尤其悲惨，他们坚信自己的过去和传统将永远消失。1827年，英国东印度公司获得了缅甸西海岸和南海岸的若开邦省和德林达依省，这对克伦人并没有太大的印象。然而，在殖民时期，克伦人的一部分离开了山区，开始在下缅甸平原定居，参与了社会生活的各个方面，这也影响了该民族的民族意识的形成。

第二次世界大战后，在昂山将军领导的反法西斯人民自由同盟的领导下，缅甸的民族独立运动进入了一个新时代。缅甸人是该运动的领导人，克伦族和许多少数民族也是该运动的一部分。然而，克伦人有自己的目标。1945年，克伦族政治组织《克伦民族联盟》在仰光成立。尽管克伦民族联盟加入了反法西斯人民自由同盟，但克伦族的真正目标是在政治上团结克伦族，在英国女王的统治下建立克伦族自治领地。但是，英国不愿解决卡克伦问题，缅甸获得独立和许多其他因素影响了克伦族目前的地位。到现在，克伦人仍然是最重要的反政府力量 [3]。

因此，在缅甸的族裔问题中，克伦族问题具有其独特性，因为克伦族民族运动与全国的民族主义分离。克伦族仍然捍卫建立独立国家的可能性，与中央政府的军事冲突一直持续到今天。

1. Сунь Юнь: Чжунго цзай Мянъянь дэ шиянь — фачжань цу хэпин [孙 韵: 中国在缅甸的实验 — 发展促和平]. Сунь Юнь: китайский эксперимент в Мьянме — развитие для продвижения мира // Центр государственного управления. Пекин. 10.03.2020. URL: <http://www.daguoce.org/article/9/1045.html> (дата обращения 30.10.20).

2. Marshall H. I. The Karen People of Burma: A Study in Anthropology and Ethnology // A Project Gutenberg of Australia eBook. 2009. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks08/0800061h.html#ch01> (дата обращения: 13.01.2021).

3. Ван Ф. Лунь Мянъянь дулицяньдэ кэлуь миньцзу вэньти [论缅甸独立前的克伦民族问题]. Обсуждение национального вопроса народа карен после обретения Мьянмой независимости // Дуннань'я [东南亚]. 2005. № 3. С. 47–53.

指导老师 — 历史学副教授、副教授 S. A. Komissarov

在歇后语中的身势语«手»和«足»

M. O. Volkova
新西伯利亚国立大学

熟语具有保存和传播民间传说和教育历史的作用，反映了过去的文化现实，是民族特征的源泉。熟语是任何语言不可分割的一部分，汉语具有丰富的文化基础也不例外。

这项研究工作的目的是揭示有身势语的歇后语的交际特点。

汉语里面有一种特殊的熟语类别，这就是歇后语。新华字典定义如下：可隐去像谜底的后文而只以像谜面的前文表达意思的语句 [1]。

“歇后”这一名称是最早出现在《旧唐书·郑綮列传》的。但它作为一种语言形式和语言现象，却远在先秦时期就已经出现了。如《战国策·楚策四》：“亡羊补牢，未为迟也。”意思就是说，丢失了羊再去修补羊圈，还不算太晚 [2]。

歇后语的分类，有各种分法。何况还有不少歇后语，一身兼有几种性质，要划分得十分科学，是比较困难的。下面是最普遍的歇后语分类，一共分为四类：

- 1) 谐音类；
- 2) 喻事类；
- 3) 喻物类；
- 4) 故事类 [2]。

这项研究工作的资料是在歇后语大全和接龙大全通过抽样法定选的200个歇后语。举几个例子：

1. 锭子舂海椒 —— 辣（拿）手。

该歇后语属于谐音类，里面有一个比喻，即挤压辣椒没有手套与当一位专家是一样不容易的。「手」这个汉字有技能的意思。

因为该歇后语是关于辣椒说的，并辣椒是一个物品，所以还可以认为它属于喻事类。

2. 磅秤上放粒芝麻 —— 无足轻重。

该歇后语属于喻事类。磅秤上放的物品平常是又大的又重的东西。与这种物品相比，粒芝麻是沧海一粟，无足轻重的。

总的说来，我们使用了上述分类，分析了歇后语现象的交际特点。

1. Синьхуа Цзядянь [新华字典]. Словарь Синьхуа. URL: <http://xh.5156edu.com/html5/71535.html> (дата обращения: 11.02.2021).

2. Сехоуэй [歇后语] // Электрон. энцикл. «Байкэ» [百科]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%AD%87%E5%90%8E%E8%AF%AD/93030?fr=addin> (дата обращения: 02.02.2021).

中华老字号研究意义

A. A. Yemelyanenko
新西伯利亚国立大学

中华老字号是指历史悠久，拥有世代传承的产品、技艺或服务，具有鲜明的中华民族传统文化背景和深厚的文化底蕴，取得社会广泛认同，形成良好信誉的品牌 [1]。2006年，中华人民共和国商务部发布了一份正式文件“中华老字号”认定规范，根据该文件，只有在满足以下几点的情况下，公司才能被称为中华老字号：1、拥有商标所有权或使用权；2、品牌创立于1956年（含）以前；3、传承独特的产品、技艺或服务；4、有传承中华民族优秀传统文化的企业文化；5、具有中华民族特色和鲜明的地域文化特征，具有历史价值和文化价值；6、具有良好信誉，得到广泛的社会认同和赞誉；7、且具有较强的可持续发展能力 [1]。

老字号在现代世界中占突出地位。其范围局限于以下类型的经营活动：中国传统食品、调料、糖果商店及地方美食商店；中医药店；饭馆；手工艺与艺术物品的商店（包括出售文房四宝的商店）；中国传统织物、服装、鞋、帽子的商店等。

中华老字号对现代中国文化产生了很大的影响。例如，四川菜中最著名的菜，麻婆豆腐，源于成都郑氏家族的一家小商店。程麻坡刘氏生于1804年，后来嫁给了程春福。1824年，夫妻开了一家出售素食小店，这家店由非常干聪明、勤奋女主人程麻浦经营 [2]。

从语言学的角度来看，中华老字号的名称对研究具有极大的兴趣。品牌命名在现代业务流程中起重大的作用，它决定公司在市场上推广的成功，消费者对产品或服务的认同。

中国历史品牌的名称反映了中国文化的基本价值——《天人合一》的概念，信奉天命。中国人相信天堂赋予的命运，为了吸引好运并获得美好的命运，他们经常使用祝福语。清代一位学者朱彭寿已经在十九世纪末提请注意中华老字号名称的模式，确定了56个最常用的字，并将它们合在一首诗 [3]。这些字的语义包含祝福的含义。

老字号也使用儒家哲学范畴的名称，如德 «добродетель», 仁 «человеколюбие», 同 «Великая гармония»。

研究中华老字号的名称对理解中国现代文化和研究商业文化均具有重要意义。如今，许多外国公司均试图征服中国市场，为此，他们认真努力使自己的品牌适应中国市场的状况。

1. Чжунхуа лао цзыхао жэньдин гуйфань (шисин). [“中华老字号”认定规范（试行）]. Стандарт определения китайских брендов, проверенных временем // Интернет-портал Министерства Коммерции КНР. 20.09.2012. URL: <http://ltfzs.mofcom.gov.cn/article/aw/201209/20120908348719.shtml>

2. Се Му, У Юнлян. Чжунго дэ лао цыхао (Шан цэ). [谢牧, 吴永良。中国的老字号 (上册)]. Пекин: Цзинци жибао чубаньшэ, 1988. 355 с.

3. Ли Гэн. Бэйцзин лао цыхао чанъюнцзы цзюэ. [李赓。北京老字号常用字诀]. Секрет самых частоупотребляемых слов в названиях старых брендов Пекина // Бэйцзин данъань. 1989. № 5. С. 34.

指导老师 — 高级讲师 T. G. Zavyalova

中国清代女性首饰

E. V. Yun

新西伯利亚国立大学

首饰是中国文化中不可分割的一部分，首饰可以让我们知道哪个时代的文化，民族和其礼节。

中国人总是戴首饰，古代的时候大师用不同的材料（比如羽毛、爪子、矿物、珍珠、贝壳、木料、金属等）制造首饰。满族祖先制造的首饰具有自然的形式，但是满族逐渐地创造了自己的风格，而清代时使用的材料具有特殊的美和意义，从古代形成了使用一定材料的传统。

中国珠宝业有《宝石》概念，意思是用不同的材料创造首饰，它们的产生是不重要的。矿产石、有机石都是宝石，所以使用不同的材料：羽毛、爪子、动物的角和骨、琥珀、石英岩、青金石、大理石、珍珠、金属等。

清代一套一定的材料被形成，本套材料包括宝石（比如珍珠、琥珀等）、翠毛和黄金。本套材料是非常流行的。大师用这些材料创造清代女性的首饰。

清代女性的首饰可以分为：头饰（帽子；扁方；发饰）、耳饰（耳环；流苏）、颈饰、手饰（手镯；戒指）。

为了装饰女性首饰，大师使用装饰的主题，它们有特别的象征意义。装饰的主题可分为：样子象人的、自然的、象形字的、图案的、神奇的等。清代时欧洲文化对珠宝业有影响，欧洲文化成为发展珠宝业的原来，中国清代大师引进欧洲创造首饰的技术，但是新型的手势风格没创造。

清代时候满族风格、中国传统和欧洲风格结合了。目前清代珠宝业的传统对现代的有影响。现代设计师引进清代的材料、技术、主题等。

指导老师 — 历史副博士、副教授 S. V. Alkin

围棋与中国文化

D. M. Zakharova
新西伯利亚国立大学

围棋是一种中国策略型的游戏，它的原名称是“弈”。由于围棋在日本得到了发展，从日本进入了西方各国，西方国家的人称围棋为日本的名字“碁”（Go）。这种游戏是采用黑颜色的和白颜色的棋子，在方形棋盘上进行的。围棋起源于中国，有很悠久的历史。围棋最早被发现是在春秋时期的文字记载中，所以围棋经过了两千多年的历史。不同时代的人们对围棋的作用有了不一样的理解，比如说春秋时期中国人把围棋当作一种游戏来看，战国时期人们把它当作一种技艺，而汉代时他们把围棋与“道”联系在一起。历来围棋是文人的一种休闲方式，后来它逐渐演变成了中国文人的一项必修科目。这种游戏包含着中国文化的丰富内容，它是中国文化与文明的体现。琴棋书画的“棋”就是指围棋。琴棋书画是中国古代文人必须掌握的技艺才能，也是四件雅事和休闲活动 [1, с. 49]。因为中国古代文人喜欢下棋，所以他们写了许多关于围棋的诗句。比如宋代赵秀师的围棋诗句非常有名。欧阳修、杜牧、范仲淹、王安石等著名的文学家也喜欢围棋，写了不少优美的诗句。我们还可以发现围棋在“四大奇书”中。在“三国演义”、“西游记”、“金瓶梅”、“红楼梦”中的主角都真喜欢下棋，但是在“水浒传”没有下棋的人，因为这主要是文艺风雅之事。

除此之外，在中国历史上，有不少关于围棋的论文。其中最重要的是宋代时张拟写的“棋经十三篇”。作者把围棋与军事策略和“道”联系在一起，他说：“棋虽小道，实与兵合”。张拟还论述棋手的作风和思想。

“棋经十三篇”的出现标志着宋代围棋的影响力更高了、在思想体系中也占了重要的地位，所以直到现在在中国这本书也很著名。通过对围棋发展史的考察，我们看到这种游戏出现在文字记载，传说，名著，章回小说等重要的文艺作品中，可以发现围棋是中国文化不可分割的一部分。我们也可以说围棋是中国文化现象。

1. Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. 312 с., 44 илл.

指导老师 — 历史学博士，教授 E. E. Voytishek

中国“灵魂”的语言文化概念

D.N. Zhavoronkova
新西伯利亚国立大学

在中国哲学中，没有俄语中“灵魂”的直接比拟，与西方对灵魂的理解相对应的特征代表着具有狭窄含义的丰富多彩的术语体系。

在本研究中，我们将研究“灵魂”的概念及其在汉语词组中的反映。在我们的分析中，我们以俄罗斯与中国语言学家和哲学家的论文为基础。

分析的材料来自“在线成语字典”与“在线新华字典”的网站，我们从字典中选择了150个成语——一般包括四字的熟语单位。

在东周王朝（公元前722年-公元前256年）已形成了多种灵魂的思想。关于这一主题的最重要的哲学论文是《道德经》（公元前3世纪中叶），前述的论文分清了神、鬼、魄、灵、精的概念。

人们相信灵魂的属性是多种多样的，它们可分为两大类：“魂”和“魄”。

一个人有三个魂和七个魄。三魂与人类的意识和思想相关。让我们分别简要地描述每个灵魂：生魂——生活的起源。除人类外，这种灵魂还存在于动植物中，并在人身死亡后消失。觉魂——感觉领域的虚拟物质。除了人以外，动物也有这个灵魂。在一个人的身体死亡后消失。灵魂——人类意识的器。这种灵是不朽的；一个人死后，它会升上天堂的虚拟空间。七魄与人类生活息息相关，并控制着人体的生理过程。

因此，我们可以说，生命起源于天上的和地上的原则（德和 气）。生命出现的原因被称为“精”，它产生“魄”，而“神”连接的两个“精”产生“魂”。

除上述术语外，在成语中，“灵魂”的概念可以与人体器官和身体各部相关的词。例如，胸，头，心（根据Tan Aoshuang 的意见，心是最接近的同义词）。除了包含这些词的成语，我们还检查了具有多意成分“气”。

通过分析工作可以最后得到如下结论：所有以词义为“灵魂”含义的词都从不同的角度对其进行表征，并描述各种情感。在大多数情况下，包括“气”字的成语与骄傲，镇定，精神伟大等特质有关。包括“心”字的成语-与诚实，友善，脆弱有关；包括“胸”-与充满勇气，兴奋有关；包括“头”字 -与思想过程。

因此，在中国的世界观中，灵魂是形成单一有机体的主体和客体的统一，而不是精神实质。在成语中，灵魂的特征既有积极的一面，也有消极的一面。由于使用了各种同义词，它成为了表达人体各种情感和各種过程的一种手段。

指导老师——语言学副博士，副教授 N. V. Kutafieva

中巴合作作为解决克什米尔冲突的一种方式

A. S. Zhdanova
新西伯利亚国立大学

克什米尔冲突可以被称为现代世界上最危险的地区冲突之一。首先，是两个核大国间发生的冲突。其次，是冲突具有宗教基础，冲突中宗教因素起了很大的作用，因此，由于来自其他国家的同一教派人员的介入，冲突很容易扩大。第三，它发生在非常不稳定的区域。克什米尔冲突不仅是巴基斯坦和印度之间的争端，而且许多世界大国也都牵涉在冲突之中。

当前时期的特点是印巴关系中还保留着冲突。问题仍然在克什米尔两国之间的矛盾来源于喀什米尔的问题。两个邻邦之间的关系仍然非常紧张，有时甚至敌对。

克什米尔问题是现代中国对外政策中的重要部分。自1963年签署中巴边界协议以来，中国稳定了克什米尔的一部分地区。中国力争把印巴冲突调解好，调整两国之间的紧张关系。这主要也与自己边界的安全有关系。克什米尔对中国来说不仅是边界地区，而且在经济方面也占有很重要的地位。

2017年9月，中国政府发起倡议，把克什米尔问题在伊斯兰合作组织中提出，在伊斯兰合作组织的框架内研究解决喀什米尔问题的方法，并表示克什米尔冲突只能通过印巴对话来调解好。

在“丝绸之路”经济带战略的框架内，还确定了几个运输和经济走廊，包括中国和巴基斯坦之间的走廊。该战略旨在扩大参与国之间的经贸关系，建立合作关系并确保区域安全。该项目最重要的部分是在阿拉伯海沿岸修建“一条带”的南部路线，这条铁路是通往瓜达尔港的铁路高速公路。

中国过渡到实现巴基斯坦境内最大投资项目的发展，不仅对建立解决世界不稳定地区经济发展问题的新方法具有重要意义，也为解决紧急安全问题创造了先决条件。中国希望，为了调整印巴之间的紧张关系，和调解好冲突，利用经济合作作为外交工具。

中国和巴基斯坦代表所强调的经济带建设，目的是帮助改变巴基斯坦俾路支省及其邻近地区的社会经济状况，在该省建立经济增长区，从而改善这一状况，并改变当地部落的命运，其中：阿富汗-巴基斯坦地区的激进主义和恐怖主义是不稳定的主要根源之一。

世界舞台上，在不断变化和复杂的政治局势中，各国必须以共同安全为基础开展合作。尽管三方会议尚未宣布何时召开，但北京将在维护南亚稳定方面，发挥越来越重要的作用。

指导老师 — 史学博士，教授 V. N. Plastun

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

UDK 39

18世紀の文献資料における吉原遊郭の花魁

A. A. Bakhvalova
ウラル連邦大学

1. 研究動機

今まで江戸時代における町人の生活は「浮世」に例えられるほど娯楽に満ちた生活だったと言われてきた。特に江戸吉原は「江戸三千両」の一つだったと思われる。しかし、ロシアでは、江戸吉原とその「花魁」に関して、ロシア語で知ることができる情報が不足していることが明らかである。そこで、吉原の花魁について研究することで、その情報不足を補い、ロシアにおける東洋学に貢献したいと考えた。

2. 研究の目的

で述べた動機から、本研究の目的を18世紀の文献資料の中で吉原遊郭における花魁の生活がどのように述べられているのか明らかにすることと設定した。

3. 先行研究

山城（1977）では「元禄から寛政期までの期間にわたり出版された吉原細見」について述べられている。Seigle（1993）では「吉原遊郭の歴史、その遊女の生活、また吉原遊郭の習慣」などについて指摘されている。安藤（2016）では「江戸時代の吉原遊郭における遊女の生活」が明らかになっている。しかし、その詳細は明らかになっていないことがわかった。

4. 調査方法とその結果

本研究の調査では、18世紀に出版された、吉原遊郭における花魁の生活に関する文献資料を53本調べることにした。文献資料としては当時の遊女の格付けなどの資料（『吉原細見』、『遊女評判記』など）、浮世絵、また吉原の世界が具体的に描かれてある川柳や洒落本などがあげられる。

調査の結果、以下の五つのことが明らかになった。

第一に、遊女たちには格付け、階級があり、高級遊女は非常に少なかったことが分かった。また、最高級の遊女は「太夫」と呼ばれたが、吉原の大衆化が進んだ明和年間（1764 - 1772年）以降は「太夫」という位はなくなり、これからの上級遊女のことを「花魁」と呼んでいたことが明らかになった。

第二に、花魁は平安時代を代表する女房の真似をしていたことが分かった。

第三に、吉原の遊女の中では源氏物語から取った名前が普及しており、歌舞伎役者などと同じように、花魁にも受け継がれる名跡があったことが分かった。

第四に、花魁は姿の美しさだけでなく、舞や管弦、茶道、華道、和歌、書道など、多くの充実した教育を受けた女性しかなることができなかったことが明らかになった。

第五に、禿という女子は花魁の高い立場を示していた存在だったことがわかった。

5. 考察

本研究の目的は、18世紀の文献資料の中で、吉原遊郭における花魁の生活がどのように述べられているのか明らかにすることであった。

本研究では、18世紀の文献資料から、吉原の花魁は幼い頃からレベルの高い教育を受け、姿の美しさだけでなく様々な芸術を身に付けていたことを明らかにした。この結果から、江戸時代の日本では、吉原の花魁が現代のアイドルや芸能人のような存在だったと考えられる。このような考えによる江戸吉原花魁の生活が明らかになった。

指導教師 — 歴史学準博士、准教授 D. V. Vozchikov

未来派と萩原恭次郎の『死刑宣告』

D. A. Bessonova

ノボシビルスク国立大学

明治維新の後、日本に西洋文化が浸透し始めた。二十世紀の始め、知識層の中で新しい芸術運動に関心が高まる傾向があった。未来派はイタリアに起こった芸術運動である。1909年2月20日、フィガロという新聞にマリネッチの未来派の宣言を公表させた。同年、森鷗外は日本語翻訳し、マリネッチのマニフェストを雑誌スバルに公表した。萩原恭次郎の作品は未来派に大きな影響を受けた。

日本未来派は芸術運動として平戸廉吉の活動から始まった。1921年10月未来派美術協会に出た平戸廉吉はマリネッチに感動して影響を受けた宣言を出版した。1921年12月、日比谷公園に平戸廉吉は日本未来派宣言運動のピラを配った。同年、ロシアの未来派画家、ダヴィドブルリュークが来日した。ロシアの未来派を象徴する展覧会を実施した。ロシアの未来派のアイデア「芸術革命から社会革命まで」の影響を及ぼし、日本の未来派の詩人と画家は1923年に赤と黒という同人雑誌を作成した。赤と黒で萩原恭次郎、ダダイスト岡本潤、マヴォというグループのリーダー岡田達夫の作品を公表しました。

1925年に萩原恭次郎の『死刑宣告』が出版された。アヴァンギャルドの詩人として、萩原恭次郎は言語実験した。言語的表現だけでなくグラフィックに訴えることが主な目的になったそうである。ロシアのヴァシリーカメンスキーのポエチックとイタリアの未来派的な自由な言葉が大きな影響を与えてきた。以前の詩の刑形の理想は忘れられてしまい、新しい詩の自由形を発生させた萩原恭次郎が代表的な詩人として、文学史に刻まれた。

指導教師 — 歴史学博士、助教授 E. L. Frolova

「中世日本における唐物の役目」

A. M. Ilina

ノボシビルスク国立大学

中国や韓国と国際交流は日本古代文化の結成に大きな影響を与えた。大陸へ派遣された国使や日本への移住者により知識と技術と共に「唐物」と呼ばれるようになった工艺品や美術品が伝わってきた。

唐物の流通により複雑で重層的な日本と中国の文化を合わせる「和漢」文化が誕生し、その中で「唐物」の意義は大きくなった。鎌倉、室町時代には「唐物」は中国、韓国、琉球などからもたらされた奢侈品、そして日本で輸入した素材から作られたモノと中国品同等の中国（外国）風のモノも意味するようになった。

唐物は様々な役目を果たしていた。まず、唐物は奢侈品であり、持ち主の裕福さ、社会的身分、そしてセンスの披露の方法であった。日常品として個人的に使用されただけでなく、贈与品として与えられ、贈与者の気前良さを示した。それと共に、将軍、皇帝、公家などへの依頼や相論、訴訟の際にも進上品や礼物として贈られたことがある。

更に唐物は日本文化にも重要な影響を与えた。それによって美術、絵画では中国の技と日本の技巧や和みを合わせた新しい作風のモノが誕生した。その上、日本に到着したモノは新しい用途や意義を得たものもある [1, 532頁]。

唐物には政治的役割もあった。とりわけ、室町時代はこの役割が強くなり、裕福さや勢力、権力を誇示するため、対抗者などから獲得した稀な高級品や自分の蒐集はひろく露出されるようになった。例として、織田信長は自分の政治力を強めるために有名な唐物を利用し、人臣の奨励システムまで構築した [2, 156頁]。

海外の奢侈品への欲は国際関係すら動かした例もみられる。そして、違反貿易、私貿易、海賊の貿易などの原因にもなった。

唐物は「財」としても収集された。応仁の乱で足利幕府の収集品が売却されたように、貧困の場合は唐物が売り渡されたり、土倉に出されたりすることがあった [3]。

以上のことから唐物は大陸と日本文化の相互作用の結晶であった。これらは実用品（室礼など）や美術品（絵画など）としてのみならず、政治的、経済的、社会的な役割も果たしていた。

1. Войтишек Е. Э., Речкалова А. А., Ильина А. М., Кумпол Т. А. Предметы роскоши карамано в системе торгово-экономических и культурных связей Японского архипелага и материка в X–XIV вв. // Япония XXI Nova: эра и век. Коллективная монография, СПб., 2020. С. 531–545.

2. 竹本千尋 『戦国織豊期の唐物—唐物から名物へ』 「唐物と東アジア—舶載品をめぐる文化交流史. 2015. P. 148–160. 勉誠出版.
3. 桜井英治 (2011) 『贈与の歴史学 礼儀と経済のあいだ』 中央公論新社 (KINDLE版).

指導教師 — 文学博士 E. E. Voytishok

日本の大衆文化現象としてのファンツーリズム

D. D. Karabanova

ノボシビルスク国立大学

60年代以降に生まれた日本人は、アニメやマンガ、そしてゲームで育った世代である。こうした若者層は、それ以前の世代とは情報共有の仕方が異なる。80年代後半からの日本製マンガやアニメの国際的な普及、2000年前後から始まるmixiなどインターネットコミュニティの発達による情報コミュニケーションの様態の多様化とネットワークの複雑化は、趣味のコミュニティを多様化させ、旅行にも大きな影響を与え始めた[1]。これらすべてが、特に観光旅行での人々の行動に大きな影響を及ぼし始めた。更にこうした若者文化を介して情報が瞬時に世界中に広まり、反対に海外から日本へと入り若者を惹きつける現象が生まれています。言い換えれば、メディアを介して情報を送受信する能力を身につけた今日の若い世代にとって、旅行の動機は以前とは異なる。旅はますます若者の趣味になり始めている。それでは、なぜ2000年代後半になってコンテンツツーリズムが広く注目されているのか。その背景は様々であるが、大きく以下の2点が考えられる。

一点目は、日本の政策として観光とコンテンツが結び付けられている点だ。建物やインフラの整備をしたり、伝統文化やご当地グルメなどをPRしたりすることだけが観光振興ではなく、こうしたタイプの観光振興もありえる、ということ为国が明言したことで、地方行政の取り組みは進めやすくなったと考えられる[2]。すなわち、コンテンツツーリズムの要は「製作者によるコンテンツの製作」と「地域社会におけるその活用」であるという方向性だ。地方自治体でも、様々な取り組みがなされている。例えば、埼玉県では、アニメを資源とした観光を「アニメ観光」と呼び、2009年に「アニメ観光検討委員会」が設置された。

これまで、観光旅行は代理店、交通機関、などを經由しており、旅行企画への参加者は非常に少なかった。これらの旅行形態と比較して、いわゆるファン旅行スポットは、旅行者が非常に自律的な形態であり、このタイプの旅行は、特に若い世代の間でより自然な選択だ。共通の趣味に基づいたコミュニティ活動として形作られているという事実は、観光の未来を予測する上で非常に重要だ[3]。

次に、二点目として、「アニメ聖地巡礼」という、作品ファンによる行動が挙げられる。「アニメ聖地巡礼」とは、「アニメーション作品の舞台やロケ地、またはその作品・作者などに関連する土地で、且つファンによってその価値が認められている場所」を訪ねたり、その周辺を周遊したりすることである。

したがって、この地域に対するコンテンツツーリズムの影響は大きい。作品やいわゆるコンテンツの愛好家の多くは、映画やアニメーションのアクションが行われた実際のエリアで、画面に表示される世界と雰囲気を楽しむために観光客として訪れる。ファンはこの地域で買い物をし、食べたり飲んだりすることで、大きな経済的利益をもたらす。さらに、このコンテンツは地元の人々にその地域の魅力を再発見する力を与え、彼らのりと愛情を高める。ある地域への愛情はそれを活性化し、他の地域への人口の流出を抑制し、その実行可能性を維持および改善することができる。コンテンツツーリズムは、地域観光の発展だけでなく、地域の活性化にもつながることから、多くの地方自治体の注目を集めている。

1. 「おわりに：21世紀のツーリズム研究に向けて」山村、高淑。北海道大学。2009、6 ページ。

2. 「メディアコンテンツと観光、都市、コミュニティ情報社会のサードプレイスとしてのアニメ聖地」岡本、健。北海道大学。2009、20ページ。

3. 「アニメ聖地巡礼の特徴と研究動向：既往研究および調査の整理を通して」岡本、健。北海道大学。2009、27ページ。

指導教師 一 歴史科学の候補者、准教授E. L. Frolova

20世紀初頭の日本児童文学（雑誌『赤い鳥』）

E. E. Kiseleva

ノボシビルスク国立大学

最初の創作された日本児童文学の作品が発刊されてはじめてのは19世紀後半から20世紀初頭にかけての間である。巖谷小波が記述したお伽噺、特に1891年に刊行された『小金丸』というお伽噺が最初の創作された日本児童文学として考えられる[1]。「お伽噺」とは、子供のための教訓的な物語のことである。お伽噺は、20世紀の初めに一般的な児童文学のジャンルとして考えられた。しかしながら、1920年代末に、新しい児童文学の流れが出現した[2]。

1918年に『赤い鳥』という児童文芸誌が創刊された。刊行を開始した児童文学者の鈴木三重吉は、全ての巻の冒頭に『赤い鳥』のモットーを載せた。「本文芸誌の目的は、子供のための新しい純麗な読み物を作ることである。」その結果、残酷な話も含む「お伽噺」の代わりに「童話」という散文ジャンルも作られ、学校で歌われた唱歌のかわりに「童謡」という韻文ジャンルが作られたのである[3]。

大正時代は日本社会の変革の時であった。児童心理学が人気になり子供観も更新された。『赤い鳥』は社会に発生した子供観を写すとともに、子供観を形成した。『赤い鳥』の子供観に基づく児童文学は『童心』という哲理を生んだ。『童心』によると、子供の主な性格の特徴は「心の弱さ」、「心の清純」と「良い態度」である。童話と童謡によって純真な子供のイメージが作られた。

童話文学作品は内容にも組織にも多様性がある。童話の中では伝統的な昔話のようなもの、空想的ではなく現実的な内容のもの、説話のような物語を作り直したものもある。童話に含まれた深甚なアイデアは子供だけではなく、大人も惹きつけた。全ての童話作品が「子供の心の清純は精神の理想」という意見を示した。この意見を支持した教師などのインテリ層は芸術教育運動と呼ばれる運動を起こした[4]。

童話とともに、童謡も新しい子供観を表した。童謡の発達に貢献した詩人の北原白秋は童謡運動のリーダーになった。

『赤い鳥』の子供観の独創性は、童話・童謡運動の高い評価を確実にした。しかしながら、『童心』の子供観はすこし奇妙だと思われたこともあったので、この文芸誌は他の児童文芸誌より人気ではなかった[3]。

つまり、『赤い鳥』は、子供は理想化された子供のイメージに関心を持たないことを示した。但し、童話と童謡の文学は、高品質なのでいまでも読まれているそうである。

-
1. Сулейменова А. М. Японская авторская сказка как жанр нового времени // Изв. Вост. ин-та. 2012. № 1. С. 90–96.
 2. Аникеев С. И., Такеда А. Русский писатель В. Я. Ерошенко // Детские чтения. 2017. № 1. С. 69–70.
 3. Байбикова Е. М. «Красная птица» из страны идеальных детей // Красная птица: Детская литература Японии. СПб.: Желтый двор, 2020. С. 205–214.
 4. Кавахара Кадзуэ. До:ва-но нака-но кодомотати. Киндай нихон-но кодомо-кан [童話の中の子どもたち ～近代日本の子ども観～]. Дети в произведениях дова. Взгляд на детей в современной Японии // Детские исследования. 2011. № 13. С. 101–109. URL: <https://www.crn.or.jp/KONANWU/bulletin/13.html> (дата обращения: 19.01.2021).

指導教師 — 歴史科学の候補者、准教授 E. L. Frolova

2011～2020年間に於ける日本のエネルギー安全保障の方針

A.A. Lozhnikov
ノボシビルスク国立大学

数十年に渡って活発に発展してきた日本の原子力産業は、福島第一原子力発電所の事故後、2011年に廃止され、すべての原子力発電所が廃業した。そして2020年における新型コロナウイルスのせいで、日本でのエネルギー安全保障の概念は再検討され [1]、エネルギー産業に関して政府の優先が変更され、エネルギー産業を管理する機関の構造も変わってきた。

安全保障の概念に加えられた主な点と狙いは、次のようである。

- 1) 環境に優しい新エネルギー資源の提供の保証
- 2) 近代化に応じた省エネ、低コスト、二酸化炭素の排出を減少する資源、バイオマス、水素エネルギーといった資源の提供の保証 [2]。
- 3) 自然条件、起こりうる自然災害に応じた安全な工場の建築基準の厳格化
- 4) 国際輸送の安全の保障
- 5) 中東の石油依存からの脱却、資源の多様化の保証

実際には政府の方針は様々な問題に直面する。日本に資源を輸出する国々との国際関係や、新エネルギーの分野で日本が競争する国との位置関係、原子力発電所の再稼働の是非などの問題が現時点では検討中である。例えば、日本に液化天然ガスを輸出するロシアとの経済関係は北方領土問題に大きく関わる。そして、それは解決方法がまだ提案されていない。また、燃料電池自動車 (FCV) と環境に優しい資源の技術は経済的な問題に直面するため、大規模に全国で導入するのはまだ遠い話である。日本の経済産業大臣梶山弘志によると、今のエネルギー不足の状況では、原子力が行き詰まりの鍵になるので、原子炉の再稼働を刺激しなければならない [3]。しかし、おそらく法律上の厳しい基準と規則のせいで稼働を見送らざるを得ない。

1. 「エネルギー基本計画の見直しに向けて」. 経済産業省・資源エネルギー庁. URL: https://www.enecho.meti.go.jp/committee/council/basic_policy_subcommittee/032/pdf/032_004.pdf (参照2020-12-11).

2. 「電気事業者による再生可能エネルギー電気の調達に関する特別措置法」. 電子政府の総合窓口 (e-Gov). <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=423AC0000000108> (参照2020-12-12).

3. 「Japan says nuclear crucial to hitting net zero goal by 2050」 // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/47b189de-bb5e-409b-87b9-86405661fc03> (дата обращения: 9.02.2021).

満州国の日本政治における白系ロシア人の位置付け

M. D. Mukha

ノヴォシビルスク国立大学

中国東北部の日本の保護領は、中国と日本の両方の歴史において物議を醸しているの1つである。同時に、満州国における日本の政策が古典的な植民地主義の枠組みを超えていたことは否定できない。これは、中国東北部における日本の民族間政策を検討するときに特に明確である。この研究で民族間政策とは、日本の帝国主義者が国防の立場に置いた概念を意味する。

日本の東アジアへの拡大の政策基盤であった大東亜共栄圏の教義と、「五族共協和」による満州の変化は、民族間の関係の性質の中に大きな痕跡を残した。日本の占領当初、満州にはロシア語話者人口が多かった。日本帝国の支配下にある満州には、アジアの人々だけではなく、ヨーロッパ文明を代表する約10万人の住民がいった。この事実を無視するか、満州のロシア人を満州国の民族分類に入れさせるか、選択をする必要があった。日本にとって、満州は通常の意味での植民地ではなかった。日本人は、ヨーロッパの大国ほど征服や植民地化の戦争の経験が豊富ではないまま20世紀に入った。それにもかかわらず、満州では、民族的に多様な地域で調和を構築するという細い線について頻繁に誤解されていたにもかかわらず、彼らはこの道である程度の成功を収めることができた。

その理由は、真の「調和と繁栄」の社会を構築するためには、すべての民族文化グループに平等な権利を提供する必要があるという理解ができなかったからである。外国人排斥と排外主義がベースにある日本人は、異なる民族グループを階層に明確に分割する方針を追求したが、ロシア人はこの分に入らず、その結果満州国のロシア人は抑圧された少数民族の立場にあった。

指導教師 — 史学博士号 S. V. Alkin

現代日本における教養教育の改革： 大学における人文科学部と自然科学部の統合

A. V. Pudova

ノヴォシビルスク国立大学

ここ数十年の世界の教育の傾向は似た様相を呈している。

新規に適用され実現化されたものは、まだ結果がでていないが、専門家の間で議論が始まっている。

2015年に日本の文部科学省が通知した「人文系・社会科学系学部の見直しについて」も例外ではない。大学が新しい教育計画を策定するのに先んじて、文科省はグローバル人材の育成という新しい使命の実現に努力するよう求めた。日本の大学のトップは、人文学部についての見直しを拒否した。しかし、多くの大学・専門学校は政府の要請を受け入れ学部改革に乗り出した。

大学では混成学部が設立されるようになった。2015年、山口大学では教育学部と経済学部が見直され、人文系と自然科学系を取り合わせた国際総合科学部が新設された。ここでは学生がデザインや自然科学を始めとして、アジアの文化や言語まで好きな教科を選ぶことができる。他にも、宇都宮大学は教育学部と工学部を統合した。埼玉大学は大学院文化科学・経済学各研究科を「人文社会科学研究科」に統合。2016年、群馬大学は社会情報学部を新設。

上記の例からわかるように、学部や学科の統合が、必ずしも類似原則に基づくのではなく、通知の実現のために様々な学科が合わさっている。

宇宙政策委員会の松本紘は、「国立大学は上からの通知ではなく、自ら率先して、大学の理念に基づいた、最良の教育計画を策定すべき」と発言。神戸女学院大学名誉教授の内田樹は「国立大学改革亡国論『文系学部廃止』は天下の愚策」と題した論考を発表。滋賀大学は「大学教育の目的は実学的な職業人の養成ではなく思考力、判断力、表現力を持つ人材の養成であることを強調したい」と主張し、学長の佐和隆光が「人文社会科学系の存在意義を認めないような通知は受け入れられない」と反発するなど、2015年6月の文部科学大臣決定には従うものの、その内容自体については強く批判した。

この考え方はシンプルで論理的で、人文科学は現実社会とだけ結びついているわけではない。

上記に述べた日本の人文教育の見直しは、世界の改革パラダイムにもみられることであり、専門家の間でも複雑な意見が飛び交うが、共通する部分として、教育の質を良くするには、職場で成功している新しいグローバル人材の育成が必要だと考えられる。

指導教師 — 歴史科学の候補者、准教授 E. L. Frolova

蝦夷地における日本政治に間宮林蔵の研究の影響

R. M. Seitov

ノヴォシビルスク国立大学

17世紀から19世紀にかけて、サハリンは日露関係において微妙な立場であり、かなり重要な役割を果たしました。長い間、この島は日本の外交政策の課題の一つでした。国の領土に含まれていませんでしたが、外国の領土とは見なされず、訪問と貿易が自由でした。サハリンは、北海道や千島列島とともに、の一部でした。

18世紀初頭、日本の当局はこの地域でのロシアの領土拡張を懸念し、サハリンを検討するための調査遠征を派遣しました。1808–1809年に、地図製作者の間宮林蔵（1780–1844）は、彼は当時の島の最も正確な地図を作成し、島と本土を隔てる海峡を発見しました [1]。彼は島の民族誌と歴史に関する最も価値のある情報を収集しただけでなく、日本の慣習で初めてヨーロッパの地図を作成してこの領土に対する政府の主張を示しました [2]。

長い間、研究の結果は日本政府によって秘密にされていました。明治維新後、戦略的関連性をやや失ったが、サハリンだけでなくこれらの地域全体をカバーする北方の領土拡張論が確立された基礎となりました。そして、20世紀前半、間宮林蔵の研究は、日露戦争とシベリア出兵の関係で地理学として研究されました [3]。

1. 間宮林蔵、村上貞助。北蝦夷図説 全四冊。播磨屋勝五郎。1855年。1冊。

2. Walker B. L. Mamiya Rinzo and the Japanese exploration of Sakhalin Island: cartography and empire // J. Historical Geography. 2007. Vol. 33. P. 283–313.

3. 浮谷安奈。戦前日本における北方探検の学術的・社会的評価の変容 間宮林蔵を中心として。年度日本地理学会春季学術大会。2013年。

指導教師 一言語学博士号 E. E. Voytishchik

榎本武揚のチャレンジ精神

V. A. Shipliyuk

ノボシビルスク国立大学

榎本武揚(天保7年—明治41年)とは幕末・明治時代の重要な為政者であり軍事指揮者だ。19世紀の日本史上で並外れて人柄が素晴らしく、様々な分野で優れた業績を上げ、多くの日本の歴史的な出来事の要となる役割を果たした。

榎本は西洋の知識と日本の精神、保守主義を組み合わせ、向上心と国の将来について独特な意見を持っていた。そして、比類のない知識と努力を国のために役立てた。戊辰戦争で北海道に新政権樹立を企図して新政府軍に反抗したこともさることながら榎本の功績はこれにとどまらない。近代の万能人とよばれた榎本武揚が手紙に書いた言葉「冒険は最良の師である」は榎本の人生と人柄が表れている。

新生日本の国造りに多大な貢献をした。しかし、ロシア語と英語の史学史には榎本の研究がほとんどない。更に、日本語の史学史には彼の「変節」を批判し、評価を著しく下げている傾向があるようである。

1836年10月5日に江戸の箱田の庄屋家に生まれた父が御家人の榎本家の姓を買い、後に榎本武規になった。榎本武揚は青年の頃、長崎海軍伝習所に通った。1862年から1867年オランダに留学し、様々な西洋言語、造船、航海、自然科学、国際海事を学んだ。幕府に陽丸というオランダ製軍艦の建設が終わったら日本に届けるように命じられた。帰国後は幕府の海軍副総裁となった。

1868年の戊辰戦争が勃発すると榎本は徳川藩を支援し、1868年8月中に艦隊で品川沖から脱走した。その後、新政府に自分の活動を説明する手紙を送ったが、反乱者として新政府に「徳川海賊」と呼ばれた。1868年12月に北海道に蝦夷共和国が設立され、公選入札を通して榎本は総裁になった。しかし、蝦夷共和国が崩壊させられた後、1872年に自由を求めた榎本武揚は投獄された。

短い期間を経て、1874年1月18日榎本はロシア帝国大使に任命された。彼の主目的とは長期的な国境問題の解決だった。1875年4月25日、サンクトペテルブルク条約に署名した。また、1882年、大清帝国の北京に到着し、1884年—1885年韓国問題に関して伊藤博文と李鴻章の交渉の際に公使として在任していた。明治政府はサンクトペテルブルク条約と天津条約と榎本の働きに満足した。1885年から1897年まで榎本武揚は逓信大臣、文部大臣、外務大臣、農商務大臣として在任していた。そして、同時に枢密院委員であった。

このほかに、榎本は社会活動を行っていた。彼は東京地学協会と東京農業大学を創立した。最も目覚ましい活躍はメキシコに日本の植民地を設立したことだった。

指導教師 — 歴史博士候補、助教授 A. V. Varenov

白鳥庫吉博士の「東胡」と「ツングース」という民族名について

D. V. Sokolov

ノヴォシビルスク国立大学

東胡という中国北方に存在していた遊牧民族が西洋の文献に初めて出てきたのは十八世紀だとされている。この当時から二十世紀の初めにわたり西洋の学界には、響きが似ている「東胡」(dong-hu)と「ツングース」という民族名は同一であるという説の支援者は少なからずいた [1, p. 64]。しかし、白鳥庫吉という日本の東洋史学者、東京帝国大学の文学博士はこのような見方に同意せず、この説の反証を試みた。その為に、両方の民族名の起源を解明する必要があると論じた。

白鳥によると、「ツングース」という呼称はツングース部族が自らのことを呼んでいたものではなく、近隣に遊牧していたヤクート人より彼らに与えられた呼称であろう。ヤクート語では「tongus」という言葉は豚を意味する。白鳥は、ヤクート人はツングース部族を軽蔑した故に彼らにこのような不吉祥の呼称をつけたと仮定した [1, p. 68]。

「東胡」という民族名の意味について、文字通り「東の胡」であると論じた。白鳥は「史記」と「漢書」という正史には「胡」という呼称は匈奴の君主が自らの民族を呼んでいる：「南有大漢一、北有強胡一、胡者天之驕子也。」と記述した [2]。そうすると、この記録の基で白鳥は「匈奴」(現代: xiong-nu, 漢代: kiong-nu或はkhiong-nu)と「胡」(hu)という言葉の意味は同一で、「胡」は「匈奴」という言葉の頭音の響きを表している文字であろうと主張した。このように、白鳥庫吉が「東胡」と「ツングース」という民族名の起源と意味について研究を行い、この二つの民族名は関連性が見られないと結論づけた。

1. 白鳥庫吉「東胡民族考」『白鳥庫吉全集 第4巻塞 外民族史研究上』岩波文庫, 663 - 320.

2. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, 1973. Вып. 2. 167 с.

指導教師 — 歴史博士候補、助教授 S. V. Alkin

現代日本社会におけるジェンダーステレオタイプの変化

M. A. Vorobyova

ノボシビルスク国立大学

現代の日本社会では、伝統的な価値観と近代化された概念の抵触に基づく体制の危機が起こっていると言えよう。国民の意識の変化を示すのはジェンダーステレオタイプの変化のことである。離婚が増え、出産率が低下し、男女の役割に関する考え方が変わってきたのはその例である。この問題は、日本政府の曖昧な政策と明確な改革計画の不在によって悪化している。

男女格差の是正は国全体の課題^④で、現在の政治の方針は、日本社会における男女格差を是正することを目的としているが、まだ実際のジェンダーステレオタイプの状況は変化しそうもない。女性政治家や企業に女性リーダーが少ないことが要因である。政治分野の数値は下院（衆議院）と閣僚（大臣）に女性が占める割合、過去50年間に国のトップが女性だった年数をもとに出す。日本では女性首相は誕生しておらず、衆院議員のうち女性は1割しかない。経済分野における女性の数の増加にもかかわらず、日本の女性にとっては育児や子育てのかたわら、仕事をするのは依然として困難である。仕事と家庭のバランスの問題は、従業員の勤勉性に基づく伝統的な企業の体制にもある。

また、ジェンダーステレオタイプの変化に関連して、現代の核家族の危機が起こっている。男性と女性の社会的役割の考え方が変わった。これは、「草食系男子」の現象など、新しい社会現象の発生を引き起こした。森岡正博は「草食系男子」を、「新世代の優しい男性のことで、異性が見つがと求める肉食系ではない。「草食系男子」というのは両親と長い間住んで、自活したくなくて、結婚したくない男である。」一方、現代の日本人女性は、家族を養うことができない男性との結婚を拒否している傾向がある。その上、若者だけでなく、初老の人の離婚率の増加も、日本政府が直面しているもう一つの問題である。これらの離婚傾向は、日本の出生率に大きく反映されている。

また、近代化の影響下で、集団主義から個人主義的思考への移行傾向がある。伝統的な家族の価値観は弱まりつつあり、若者はキャリアの成長と個人の幸福を優先している。ジェンダーステレオタイプが変化した結果、出生率が低下し、結婚適齢期が遅くなり、独身者と失業者が増加してきた。

このように、世界の社会の変化は、日本社会にも影響を与えている。しかし、日本政府は国民精神の特殊性を考慮する改革を行っていない。現在、政治の方針は外国の概念の拝借に基づくものである。集団的思考を特徴とする日本社会の問題を西洋の個人主義的概念を借りて解決することは、大きな危機と国家的要素の喪失につながる恐れがある。

指導教師 — 歴史学博士、准教授 E. L. Frolova

日本の詩人の中原中也の芸術スタイルに対する アルチュール・ランボーの影響：象徴、手法、動機

M. K. Yaskazhuk

ノヴォシビルスク国立大学

日本文学において、西洋文学の様々な運動の影響が現れ始めたのは明治時代であった。特に、フランス象徴主義から強い影響を受けた。文学の研究者たちは「幽玄」や「もののあわれ」や「余情」といった日本文学の美学的な側面とフランス象徴主義の芸術的な原理と類似しているのはそのためだと考えている。日本の作家たちはこのような新しい西洋の経験を取り入れつつ、伝統的な芸術スタイルも保っていた。

アルチュール・ランボーはフランス象徴主義の開祖の一人で、多くのシンボリズムの手法を築いた。『見者の手紙』という詩の宣言にランボーは五官からの感覚を含む「普遍的な言語」を生み出す意志について書いている。その表現の通り、共感覚がランボーの詩学の特徴だと思われるのはそのためだ。読者の想像力を掻き立てる効果を狙ってランボーは意識的に音と匂いと視覚的な効果の関係を作り上げる。『母音』という有名なソネットをはじめ、ランボーの詩学ではそのような創作手法が多く見られ、最後の詩集の『イリュミネーション』でもその共感覚を呼び起こそうとする試みは詩の重要な要素となっている。

中原中也の芸術スタイルもランボーならではの共感覚の手法に影響を受けられた。中原の日記に大学時代にランボーの作品を知り、中原はランボーについて強い印象を持ったこと、またランボーの詩学を詩の理想的な創作法として認めたことが記されている。ランボーの作品を日本語に翻訳しながら、中原はランボーの芸術スタイルや手法を学び、その表現方法は自分の詩に取り入れた。その一例として、中原が真似たランボーの音象徴手法が挙げられる。

『ブリュッセル』というランボーの詩は中原中也に日本語で翻訳された：

鳥の群だ、オ イア イオ、イア イオ！

『サーカス』という中原中也の詩にそのような手法は効果的に使用されている：

汚れ木綿の屋蓋のもと

ゆあーん ゆよーん ゆやゆよん

音象徴は字句または構文機能を果たおらず、作品の感情や音楽のような効果を強めるのに利用されている。

『冬の雨の夜』で音象徴は泣く女性の声の形をしている：

亡き乙女達の声さえがして

aé ao, aé ao, éo, aéo éo !

このように独立する作家とランボオの翻訳者として活躍した若い中原はフランスの詩人から強い影響を受けている。しかし、ランボオから強い影響を受ける一方で、中也中原の詩学は仏教の美学と和歌を用いるなどといった日本文学の伝統を保持している。

指導教師 — 言語学博士号 E. E. Malinina

Указатель авторов

Abashina M. A.	169	Кузовков М. А.	153
Bakhvalova A. A.	205	Кузьминых К. Д.	57, 185
Karabanova D. D.	210	Ли Э. В.	108
Kazykhanova A. R.	180	Логачева А. А.	110, 186
Sorokina V. Yu.	193	Ложников А. А.	155, 214
Vorobyova M. A.	220	Локтев И. В.	59
Аббасова А. Е.	80	Маскалев А. В.	17, 187
Акаев А. А.	5	Махарова М. Б.	112
Андросова Т. Л.	82	Мединцева М. А.	61
Аристова Л. Д.	137, 171	Мишина В. Ю.	114
Бакстова К. Р.	84	Муха М. Д.	19, 215
Басманова К. Е.	36	Немико В. А.	21
Бахтина К. С.	86, 172	Новикова Д. Л.	159, 188
Безруков Д. А.	7, 173	Новиков А. А.	157
Бессонова Д. А.	88, 207	Ольхина Е. А.	116, 189
Болгар М. В.	9	Плотникова Ю. П.	161
Болдырева Д. И.	38, 174	Понькина А. Д.	63, 190
Бубеева Я. М.	90	Пудова А. В.	163, 216
Бурсакова Д. Д.	92	Рассолова Д. В.	23
Бутько Е. С.	11	Рухлядьева К. К.	25
Волкова М. О.	94, 198	Рыжкова Т. В.	118
Горохова А. В.	139	Савиных А. А.	65
Губина Д. И.	141	Сеитов Р. М.	27, 217
Дедюхина К. И.	40	Серебренникова А. С.	165
Евенко А. С.	41, 175	Сильченко Д. О.	120, 192
Емельяненко А. А.	43, 199	Смолкина Е. Б.	67
Ензак Е. А.	96	Соколов Д. В.	28, 219
Жаворонкова Д. Н.	98, 203	Соловьева М. В.	122
Жданова А. С.	143, 204	Стародубцева А. А.	124
Жигульская А. А.	45	Сувандии А. А.	30, 195
Захарова Д. М.	47, 202	Сухушина В. А.	167
Зинченко А. В.	49	Титова А. В.	32, 196
Иванова М. В.	51	Узунова В. А.	126
Ильина А. М.	13, 208	Филатов С. В.	127
Ильиных А. В.	145, 177	Хандажапова А. Ю.	68
Исаева К. С.	53, 178	Хассун И. А.	70, 176
Кизикова Е. А.	100	Шиплюк В. А.	34, 218
Кирейко Е. А.	147, 181	Шкварук Ю. В.	72
Киселева Е. Е.	102, 212	Шумкова А. А.	129
Коваль А. В.	104	Щигорева О. П.	131, 191
Кожухар Д. В.	55	Юн Е. В.	74, 201
Коломейцева А. С.	106, 183	Юсупова С. А.	133
Кондратова Е. А.	149	Якунина А. Г.	76
Кравцова А. Д.	15	Янисева В. А.	78
Кротов Р. Е.	151, 184	Яскажук М. К.	135, 221

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Акаев А. А.	5
Безруков Д. А.	7
Болгар М. В.	9
Бутько Е. С.	11
Ильина А. М.	13
Кравцова А. Д.	15
Маскалев А. В.	17
Муха М. Д.	19
Немико В. А.	21
Рассолова Д. В.	23
Рухлядьева К. К.	25
Сеитов Р. М.	27
Соколов Д. В.	28
Сувандии А. А.	30
Титова А. В.	32
Шиплюк В. А.	34

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Басманова К. Е.	36
Болдырева Д. И.	38
Дедюхина К. И.	40
Евенко А. С.	41
Емельяненко А. А.	43
Жигульская А. А.	45
Захарова Д. М.	47
Зинченко А. В.	49
Иванова М. В.	51
Исаева К. С.	53
Кожухар Д. В.	55
Кузьминых К. Д.	57
Локтев И. В.	59
Мединцева М. А.	61
Понькина А. Д.	63
Савиных А. А.	65
Смолкина Е. Б.	67
Хандажапова А. Ю.	68
Хассун И. А.	70

Шкварук Ю. В.	72
Юн Е. В.	74
Якунина А. Г.	76
Яниева В. А.	78

МИФОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Аббасова А. Е.	80
Андросова Т. Л.	82
Бакстова К. Р.	84
Бахтина К. С.	86
Бессонова Д. А.	88
Бубеева Я. М.	90
Бурсакова Д. Д.	92
Волкова М. О.	94
Ензак Е. А.	96
Жаворонкова Д. Н.	98
Кизикова Е. А.	100
Киселева Е. Е.	102
Коваль А. В.	104
Коломейцева А. С.	106
Ли Э. В.	108
Логачева А. А.	110
Махарова М. Б.	112
Мишина В. Ю.	114
Ольхина Е. А.	116
Рыжкова Т. В.	118
Сильченко Д. О.	120
Соловьева М. В.	122
Стародубцева А. А.	124
Узунова В. А.	126
Филатов С. В.	127
Шумкова А. А.	129
Щигорева О. П.	131
Юсупова С. А.	133
Яскажук М. К.	135

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА И ПРАВО

Аристова Л. Д.	137
Горохова А. В.	139
Губина Д. И.	141

Жданова А. С.	143
Ильиных А. В.	145
Кирейко Е. А.	147
Кондратова Е. А.	149
Кротов Р. Е.	151
Кузовков М. А.	153
Ложников А. А.	155
Новиков А. А.	157
Новикова Д. Л.	159
Плотникова Ю. П.	161
Пудова А. В.	163
Серебренникова А. С.	165
Сушушина В. А.	167

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abashina M. A.	169
Aristova L. D.	171
Bakhtina K. S.	172
Bezrukov D. A.	173
Boldyreva D. I.	174
Evenko A. S.	175
Hassoun I. A.	176
Ilinykh A. V.	177
Isaeva K. S.	178
Kazykhanova A. R.	180
Kireiko E. A.	181
Kolomeitseva A. S.	183
Krotov R. E.	184
Kuzminykh K. D.	185
Logacheva A. A.	186
Maskalev A. V.	187
Novikova D. L.	188
Olkhina E. A.	189
Ponkina A. D.	190
Shchigoreva O. P.	191
Silchenko D. O.	192
Sorokina V. Yu.	193
Suvandii A. A.	195
Titova A. V.	196
Volkova M. O.	198

Yemelyanenko A. A.	199
Yun E. V.	201
Zakharova D. M.	202
Zhavoronkova D. N.	203
Zhdanova A. S.	204

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Bakhvalova A. A.	205
Bessonova D. A.	207
Илина А. М.	208
Karabanova D. D.	210
Kiseleva E. E.	212
Lozhnikov A. A.	214
Mukha M. D.	215
Pudova A. V.	216
Seitov R. M.	217
Shplyuk V. A.	218
Sokolov D. V.	219
Vorobyova M. A.	220
Yaskazhuk M. K.	221
Указатель авторов.....	223

Научное издание

МНСК-2021

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Материалы
59-й Международной научной студенческой конференции

12–23 апреля 2021 г.

Корректор *Д. И. Ковалева*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

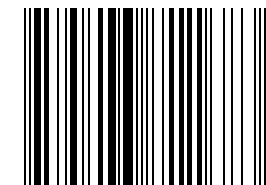
Подписано в печать 4.06.2021 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 14,2. Усл. печ. л. 13,2.

Тираж 37 экз. Заказ № 48.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Секция
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ISBN 978-5-4437-1168-3

9 785443 711683

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

